

СМЕНА 889

ISSN 0131 — 6656

Фототюд Владимира
ОГЛОБЛИНА

Владислав Сериков: Заставьте уважать себя!

Новое имя. Рассказ Андрея Максимова

Александр Чуенко и его программа

Чем болен футбол? Диагноз судьи

Фильмы ужасов. Игра в кошмары?

Владислав СЕРИКОВ, Герой Социалистического Труда:

„ЗАСТАВЬТЕ УВАЖАТЬ СЕБЯ!“

Накануне очередного юбилея Л. И. Брежнева к бригадиру строителей Серикову — он тогда работал в Мурманске — приехала группа с телевидения.

— Владислав Пахомович, несколько теплых слов Леониду Ильичу.

— Извините, ребята, не могу. Помните, что Ленин о юбилеях говорил? Когда пытались пышно отпраздновать его пятидесятилетие?

— Понимаем, но войдите в положение — завтра передача должна пойти в эфир!..

Телевизионщикам пришлось искать менее упрямого знатного рабочего, и они такого, конечно же, нашли. А этот маленький эпизод из богатейшей биографии Серикова я вспомнил вот по какому поводу. Из всех человеческих пороков самый, быть может, отвратительный — приспособленчество. Приспособившись к обстоятельствам, лгут, подличают, лицемерят... Сегодня превозносит очередного идола — завтра ниспровергает. Те, кто в так называемый период застоя исправно славословил, нынче «смело» критикуют, разоблачают. Есть такие. Овладели перестроечным лексиконом. Приспособились... Я к тому, что мой собеседник, работающий нынче ведущим консультантом в научно-исследовательском и внедренческом Центре Минуралсибстроя, — он в самых разных жизненных ситуациях умел сохранить чувство собственного достоинства, не менял своих взглядов и принципов из конъюнктурных соображений.

— Полагаю, первое и неперемное условие, на котором основывается человеческое достоинство, — профессионализм. Попросту, каждый обязан хорошо делать свое дело. Но настоящие профессионалы становятся меньше. Мы же в последние годы чаще говорим о другом — о деньгах. Что не должно быть никаких ограничений, что надо платить по труду и так далее. Все правильно. Но сейчас легко стало зарабатывать и не по труду! Получить большие деньги, где-то разменяв совесть. Я не говорю о рыночных барыгах — с ними все ясно. Меня настораживает другое: многие понимают перестройку как возможность быстро и крупно урвать. Сейчас различные организации — наш Центр тоже — начали заключать договоры на оказание помощи предприятиям. Не уверен, что все они выполняются честно. Я же знаю, какая квалификация некоторых сотрудников. Они заключили договоры, видимо, без решения советов трудовых коллективов. Ну, деньги получат. Но пора, наконец, обратить внимание и на этот аспект хозрасчета — всеми документами поощряется заключение выгодных договоров, выпуск дорогой продукции, погоня за валом в строительстве.

Ладно, когда люди унижают себя плохой работой из-за денег — это еще можно понять. Но мне абсолютно непонятно, почему некоторые роняют свое

достоинство, так сказать, бескорыстно. Меня, например, поражает идущая на страницах печати яростная борьба между писателями, которые еще недавно были для меня весомыми авторитетами. Они вылили друг на друга столько грязи, что у меня пропал к ним всякий интерес, потерялось всякое уважение, больше я их книг в руки не возьму.

— Владислав Пахомович, положите руку на сердце: приходилось ли идти на компромиссы с совестью?

— Прежде всего я бы не хотел, чтобы люди подумали — сидит человек и хвастает... Что ответить? Наша семья долгие годы трудно жила, бедствовала. Наверное, мы могли бы жить благополучно, если б я, мои сестры и брат сменили фамилию, как делали многие, отреклись от отца. Он погиб в тридцать седьмом... Но мы и мысли такой не допускали! Заслуги в этом моей, конечно же, никакой. Убежден, что все нравственное в человеке складывается в семье. Наш отец обладал несгибаемым чувством собственного достоинства. Герой гражданской войны, командир полка... Мне так и не удалось точно выяснить, когда и где он погиб. Есть предположение, что его застрелил следователь прямо у себя в кабинете. Вполне возможно: Пахом Сериков был человеком горячим — мог в той ситуации вспылить, обругать, а то и ударить следователя.

В 38-м, когда арестовали и сослали на много лет мать, а нас ночью выкинули из дома, сестра Зоя прямо на улице кричала: «Сталин — палач!» Как ее не забрали — поразительно. Видимо, всегда есть и порядочные люди. А вы напоминаете про пустячный эпизод с телевидением. Тоже мне — поступок!

— Много лет вы в своих статьях и книгах не могли сказать всей правды о своем детстве, юности...

— Ну, это уже другая тема.

— Но необходимая для понимания последующей жизни, событий и поступков.

— Если коротко: после ареста родителей — сталинградский детдом. Впрочем, какой там детдом! Обыкновенная тюрьма, где наши надсмотрщики старались выгнать из детей все человеческое, унижали и оскорбляли как могли. Потом, переправившись под бомбами через Волгу, прибил к авиалюкку. После войны служил в армии — семь лет. В те же годы побывал и в тюрьме, и даже в сумасшедшем доме. Не установив вины, тюремщики отправили меня в тот дом — с глаз долой, чтоб, наверное, оправдать незаконный арест.

— В тюрьме — за что?

— Вызвали в особый отдел, спросили, где отец. Я ответил — где. Ну, и в тюрьму — без суда и следствия, без срока и приговора. Из сумасшедшего дома писал в Москву военачальникам — как сын бывшего командира полка. Какое-то письмо, наверное, сработало...

Скажу, может быть, парадоксальную вещь: сохранить достоинство в экстремальных обстоятельствах в чем-то даже легче, чем в обычное время. Ви-

димо, в самые тяжелые моменты человек мобилизует все свои духовные силы — иначе просто не выжить. А в мирные, будние дни вроде можно и расслабиться, пойти на некоторые послабления для себя. Работая много лет на стройках, я видел немало здоровых мужиков — бригадиров, которые унижались перед начальниками, бегали за ними «на полусогнутых», выпрашивая хороший наряд, хорошую зарплату. Старались для рабочих, добывали деньги — а никто их не уважал. Первая моя бригада вначале зарабатывала очень мало, но я так и не смог заставить себя бегать за подачками. Наверное, подсознательно чувствовал: стоить один раз унизиться... А свое мы потом заработали — честным трудом.

...Вот сейчас все говорят — застой, застой... Меня даже внук недавно спрашивает: «Дед, а ты Звезду когда получил — в период застоя?» «Нет, — отвечаю, — раньше». «А, ну тогда носи». Слово стало модным. И очень удобным: все свои ошибки, неприглядные дела, компромиссы с совестью, трусость и угодничество можно разом оправдать и забыть — дескать, время такое было. У молодого поколения складывается предвзвешенное, будто все мы в «период застоя» спали на ходу. А я помню жизнь, насыщенную и тяжелым трудом, и яркими идеями, смелыми экспериментами. Перестройка не сама по себе появилась, ее люди готовили. И многие из тех, кто готовил, сегодня живы-здоровы. Ну, может, не особенно здоровы...

Наша бригада начинала перестройку еще в начале шестидесятых — тогда в Заполярье рождался бригадный подряд. Что интересно: у нас не подбирали каких-то особых людей. Много было из заключенных. Но и они, как правило, обрели в бригаде человеческое достоинство.

Пожалуй, главное достижение тех лет в Заполярье — не столько бригадный подряд, сколько раскрепощение людей в бригаде.

— А почему они вдруг раскрепостились?

— Мы перешли на полное самоуправление. У нас, например, не было табельщика. Решили — и 2 января отдыхали. Понадобилось — построили бесплатно рабочего на заводе ЖБИ. Отпустили рабочего отремонтировать дом матери — и две недели ему в табеле «восьмерки» отмечали. Мы вступили в новые производственные отношения со своей администрацией — в наши дела никто не вмешивался. Когда рабочие увидели, что контроль кончился, никто ничего не проверяет, — никакой анархии не случилось. Оказывается, мы сами себя контролировать можем. Давно говорю, что лучший нормировщик, воспитатель — сама бригада. Вот это и было раскрепощение народа. Я считаю, что и сегодня это основная задача — нужно больше прав, свобод рядовым людям.

— В этом направлении и движемся...

— Да, но происходят и странные вещи, которые меня очень беспокоят.

Возьмем советы трудовых коллективов. Вроде бы расширение демократии? Я часто бываю на стройках, заводах и вижу, что за счет этих советов усилилась административно-приказная система. Что происходит? Руководители поняли: чтобы удержаться, надо все свои решения подкреплять решениями СТК. И будешь здравствовать долгие годы. Поэтому в совет любым путем протаскивают своих людей. Почти во всех СТК, что я знаю, — последнее, решающее слово — за начальником. Так демократическая форма управления превратилась в еще один рычаг власти на начальников, в средство давления на коллектив. Под прикрытием СТК можно принимать решения, ущемляющие интересы рабочего человека, — например, перетарификацию, массовое снижение разрядов и так далее.

— Но сейчас все чаще выбирают председателями советов рабочих.

— В основном «удобных» рабочих. А тот, кто имеет твердые позиции, почему-то никому не попадает. Куда ни пойду — всюду такие «удобные» — сидят в кабинете начальника на кончике стула. Как вернуть людям ощущение достоинства, какие условия для этого нужны? Необходим порядок, при котором человек внутренне распрямился бы, начал уважать свой труд. Причем, считаю, порядок надо наводить снизу. Но предчувствую, самым трудным будет поднять на это дело людей.

Недавно, основываясь на мурманском опыте, мы разработали новое положение о бригаде, которое хотим до конца отработать в Перми. В тресте № 12 решили поставить администрацию в такие условия, чтобы она почувствовала зависимость от рабочих, не могла ничего предпринять без бригад. Теперь я пытаюсь донести до сознания бригадиров: товарищи, ситуация здорово изменилась. Вы переходите на бригадный подряд в условиях полного хозрасчета и самофинансирования. С дохода отчисляете деньги на содержание аппарата. Так вот, вы теперь сами разберитесь: нужно ли столько вышестоящих организаций кормить? Содержать дармоедов? Например, если производственный отдел плохо работает — не платите ему ничего!

Люди в недоумении. Как же так, спрашивают — не заплатит? А так — имеете право! Вас будут нагло обворовывать — вы и тут смолчите? Пускай начальники, если захотят, подадут в суд. Хоть раз в народном суде пусть разберутся: кого вы кормите и за что? Нет, многие рабочие еще не поняли, что не начальник их кормит, а они его. И если начальник со своим аппаратом плохо работает — за что ему платить? Вот когда это понимание придет — то, наверное, многое изменится в жизни. А пока еще у рабочих впечатление, что вроде бы перестройка зависит только от верха. Все та же неистребимая психология «винтиков».

— Владислав Пахомович, я знаю, что к вам часто приходят «ходоки» со всей страны, пишут письма.

— И каждый хочет, чтобы его предложение попало непременно к Горбачеву. Или, как минимум, члену Политбюро, секретарю ЦК. Как-то пришел толковый рабочий, принес интересное, грамотные предложения, как перестроить организацию труда у него в тресте. Помогите, просит, встретиться... ну, скажем, с одним крупным руководителем. Зачем, говорю, непременно с ним? Почему бы сначала не рассмотреть ваши предложения, допустим, на техническом совете треста? Найдите единомышленников на своем предприятии и вместе продвигайте идею? Нет, подай ему... Хорошо, помог я ему. А через некоторое время этот рабочий снова приехал, растерянный: того руководителя сняли, что делать? Я ж говорил, напоминаю ему — ищи единомышленников, ищи опору в народе. Руководители приходят и уходят, только народ остается.

Но нет, все почему-то верят лишь в высших руководителей. Я говорю: товарищи, да мы ведь так возвращаемся к тем временам, когда в руках одного человека, Сталина, было все!

— Однако вы и сами с идеей бригадного подряда пробили не к кому-нибудь, а к зампреду Совмина, искали поддержки «наверху»!

— Так это было в начале шестидесятых! Другие времена, другие нравы... Наверное, если бы Косыгин лично занялся нашими предложениями, а не «передал» меня вниз, в строительные институты, в стране уже тогда был бы настоящий бригадный подряд, причем в высшей форме. А не та показуха, которая широко пошла после официального одобрения бригадного подряда в семидесятых годах. Но хоть в тот раз я и потерпел поражение в Москве, хоть ученые и строительные начальники приняли идею в штыки, угробить подряду что у меня была мощная поддержка бригады. Мы знали, что придет время, и все встанет на свои места. Поэтому не опустили руки, продолжая отработывать и развивать эту систему — подряд.

— Но и сегодня стремление заручиться поддержкой «сверху» понятно. Разве сняты уже все барьеры, рогадки на пути интересных идей?

— Жизнь коротка... Наверное, не один мой посетитель подумал: вот Сериков двадцать лет дрался за свой бригадный подряд — на кой черт мне такое нужно? Я понимаю нетерпение людей. И могу назвать примеры, когда обращение в высшие инстанции сразу давало результаты. Но здесь есть и опасность: некоторые идеи попадают в Политбюро сырыми, без обкатки на практике, непроверенные, и получают «зеленую улицу». У нас в строительстве так получилось с коллективным подрядом. Года три назад началась «борьба» за его массовое внедрение. Без совета с людьми, волевым нажимом. Бригады — основное строительное звено — оказались в бесправном, униженном положении: с ними вообще перестали считаться. Бригадный хозрасчет тут же отбросили: даешь трест на подряде, главка на подряде! Практически же оказалось, что ни те, ни другие ни на каком не на подряде. Коллективы распались: рабочие сами по себе, руководители — тоже сами по себе. Вот такие вещи произошли. Рабочие, между прочим, почти ничего не выиграли, во многих случаях даже проиграли. Зато здорово выиграли в зарплате инженерно-технические работники.

— За счет чего же?

— Какая-то часть средств — за счет сокращения численности. Ну и, конечно, сыграли на рабочих: провели перетарификацию, понизили разряды, расценки.

С каких только трибун, в каких только кабинетах я не говорил: товарищи, ведь не то мы делаем! От меня шархались, как от зачумленного. Многие понимали, но боялись сказать хоть слово сомнения: скажешь — попадешь в консерваторы, противники перестройки. Будто пришел приказ о коллективном подряде, подписанный Берией. Какой еще бригадный подряд, говорили мне,

когда есть коллективный?! Мало кто осмеливается открыто выступить против «мнения». Да, многие наши просчеты связаны с обычным страхом, то есть качеством, несомненным с человеческим достоинством. Некому сказать, что король — голый.

В Мурманске мы отвечали за конечный результат, сдачу объекта — потому строили быстро и хорошо. А сейчас зарплату привязали к месяцу, кварталу — и упорно на этом держатся! Хотя уже давно всем ясно, что такое планирование приводит к погоне за валом. Кто-нибудь когда-нибудь сдаст объект, а строителям нужно жить сегодня. И вот результат: в прошлом году сорван ввод одной трети важнейших объектов государственного заказа. Сверхнормативный результат «незавершенки» возрос более чем на пять миллиардов рублей.

— Кстати, Владислав Пахомович, вы же сами еще лет пятнадцать назад ратовали за коллективный подряд!

— Наш мурманский вариант задумывался на основе бригадного и ориентировался на сдачу продукции! Это было просто и понятно рабочим. А теперь хотят построить здание без фундамента. Никакой он не коллективный — административный подряд. Он-то и дает возможность не считаться с мнением рабочих, более свободно распоряжаться людьми. А о каком воспитании, достоинстве можно вести речь, если людей лишают последних прав?

Дальше — больше. Теперь начинают навязывать сверху аренду. Звонит мне знакомый бригадир: Владислав Пахомович, сейчас вместо бригадного подряда вводят арендный, как мне быть? Я спрашиваю: ты работал на подряде? Вот так и работай. А что с арендой? Ну, запиши в договор, что там у тебя есть в бригаде — две кувалды и три лопаты? — вот их и арендуй.

Все опять в страхе бегают: нужно срочно внедрять арендный подряд. А нужно ли? В конкретных условиях? Аренда — это лишь средство достижения цели. Главная цель — построить дом, цех, ферму. А возьмется ли бригада технику в аренду — это ее дело, навязывать тут нельзя. Но как раз о главном и забыли. Вот я читаю «Положение об аренде», выпущенное ВНИПИ труда. Там много чего написано, но ни слова о сдаче объектов. По-прежнему договор заключается на выполнение объемов — вал! Устал уже об этом говорить.

— Теперь эта бумага...

— Все, сейчас она пойдет по стране. Через полмесяца все отпортуют — ура, мы на аренде!

— Полагают, передача предприятий в аренду сделает то, чего не удалось сделать призывами и лозунгами, — вернет человеку чувство хозяина.

— Это верно применительно к небольшим предприятиям. В масштабах, когда у рабочего перед глазами все производство. Тут он действительно станет хозяином. Но когда собираются, я знаю, передать в аренду Щекинский комбинат... 22 тысячи работающих! Гляди, какой размах! Вот эта глобальность нас и губит. 22 тысячи работников ничего в аренду не берут. Берут их руководители. А рабочие опять ничего не почувствуют.

Зачем идти по бездорожью, когда есть проторенная дорога? Движение должно быть поступательным — хорошее остается, плохое отсеивается. Деды оставили нам такое богатство — артельный подряд. А тут появляются «самородки», которые говорят, что все надо уничтожить и создать новое! Без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. А мы каждый раз с нуля начинаем. Некоторые кабинетные почины напоминают мне какое-то грандиозное шоу. Еще ничего толком не сделано, а уже раздаются аплодисменты. Никак мы не научимся привлекать народ к обсуждению серьезных вопросов, выработке решений. По себе знаю. Я записан в какой-то комиссии Госстроя по хозрасчету, но ни в каких обсуждениях никогда не участвовал. Ни разу не при-

глашали! А я же не буду звонить туда каждый день — дескать, чем вы там сегодня занимаетесь, нужно ли мое присутствие? Видимо, многое еще делается кулуарно, в кабинетах. А я считаю, что необходимо созвать Всесоюзный съезд строителей, обсудить эти проблемы, и, наконец, что-то решить. Так жить дальше нельзя!

— Владислав Пахомович, в каждой командировке вы повсюду находили сильных людей, умных бригадиров, помогали им организовать настоящий, без показухи, бригадный подряд. Эти бригадиры становились лидерами, а потом... что с ними происходило потом?

— Вот это правильный вопрос... Когда мы создавали бригаду, которая могла быть не формальным «образцово-показательным примером», а служить настоящим примером для целого региона, происходило нечто непонятное. Мы действительно находили прекрасных, достойных людей. Беккер в Красноярске, Греков в Череповце, Глушенко в Старом Осколе — а сколько еще таких по стране! Куда они делись? Одних повысили, чтоб не было «белых ворон», других просто убрали. Приезжаю спустя время, Греков — начальник участка, Беккер — начальник управления. Когда я вызвал удивление этим перемещением, мне сказали: «А какие, Владислав Пахомович, у тебя претензии? Мы же их продвигаем!» Действительно, формально никаких претензий у меня быть не может. Но рабочие коллективы, потеряв своих лидеров, потеряли и свое лицо. Вот если бы тресты сначала создали три-четыре десятка таких бригад — тогда можно было бы выдвигать бригадиров на более высокие должности. Их фактически убрали, чтоб не выделялись. А Глушенко — того просто «съели», не дали ему работать. Я давно заметил, что люди с обостренным чувством собственного достоинства многим неудобны, многим мешают. На их фоне особенно неприглядно выглядят приспособленцы, трусы.

— Раньше вы ездили по стройкам, помогая внедрять бригадный подряд. А теперь чем занимаетесь в командировках?

— Тем же самым. Но стало труднее. Руководителям удобнее работать, когда бригада лишена всяких прав, когда у бригадира нет договора на подряд. Потому что договор — это взаимные обязательства.

— А рабочие что говорят на сей счет?

— Возмущаются — с ними считаются все меньше. Когда бригады начинают говорить о своих интересах, проблемах — их тут же обвиняют в групповом эгоизме. А это проще всего — навесить ярлык. Рабочие поставлены в положение, унижающее их достоинство.

Скажу больше: они нередко даже не имеют возможности защитить это достоинство. Разве секрет, что простой рабочий обычно не может попасть дальше приемной какого-либо начальника — всюду барьеры.

Дело, конечно, не только в барьерах. Никак не преодолеем мы страх — а он есть даже перед маленьким начальником. И не уважает его никто — а боятся.

Сейчас, повторяю, совсем другие времена, другие настроения. Но... тот же страх, чиновничество. От страха руководителю приписывают и такие качества, которых он отроду не имел.

— Но теперь рабочие сами выбирают себе руководителей.

— А как проходят выборы? В основном — по плану, который составили где-то наверху.

— Раз мы заговорили о выборах... Что вы думаете о недавних выборах депутатов?

— Обратите внимание, как много там опять-таки руководителей. Ну, зачем генеральному директору или члену ЦК еще и депутатский мандат? Он и без того имеет большую силу, он и так обязан служить народу. Пусть использует свои права партийного, хозяйственного руководителя. Нужно ли сосредоточивать в одном лице все виды власти?

По-моему, это усиливает административно-приказную систему. К тому же эти люди чрезвычайно заняты. Я спрашивал многих своих посетителей: почему вы пришли ко мне, а не к своему депутату? Отвечают: записались на прием — через шесть месяцев. Мы сами всегда выбирали депутатов, попасть к которым невозможно. Доступен ли, например, директор крупного комбината для десятков тысяч рабочих?

И еще. Представьте, человеку уже больше некуда идти жаловаться, кроме депутата. А депутат — его начальник, который человека и зажимает...

— Почему вы сами не баллотировались в депутаты?

— Считаю, что люди, имеющие высокие должности или титулы, звания, должны занимать меньше мест в Советах. Они и так по своему положению имеют возможность помогать людям, помогать — скажем, консультациями — тем же депутатам, комиссиям. А в Советах должно быть больше рядовых людей, знающих жизнь народа.

— Как вы относитесь к предложению создать Рабочую ассоциацию для борьбы с могущественным классом бюрократии?

— А почему бы и нет? Если профсоюзы беспомощны, не защищают человека...

Эта организация обязательно должна иметь свой печатный орган. Чтб люди могли выразить свое отношение и к решениям правительства, и критиковать, допустим, члена Политбюро. И не надо бояться этого! Я и сам, будучи членом партии, с удовольствием участвовал бы в работе такой Ассоциации. Возможно, то, что я не могу высказать сейчас, смог бы через газету Ассоциации.

— Насчет чиновничества... Уже не раз я слышал, как в выступлениях официальных лиц прорывались выражения, печально памятные по временам, извините, застою. «Благодаря указаниям...», «И лично товарищ...»

— Не должно быть никаких «и лично»! Доверие, уважение к человеку вовсе не в этом. А в том, что ты чувствуешь себя с ним на равных, можешь поспорить, не согласиться. Чиновничество не в меру ставит и Горбачева в неловкое положение, может ему навредить, внушить ощущение непогрешимости.

Опасность преклонения перед должностью всегда существует. Человек начал делать большие дела — появляется вера в его непогрешимость, гениальные способности. Отсюда начинается преклонение. А потом появляется страх... Поэтому — никаких славословий быть не должно. Пришел ты на эту землю один раз — так проживи по-человечески, достойно, ни перед кем не преклоняйся коленей.

История вообще мало имен оставит от нашего времени. Только она рассудит, кто гениальный, кто выдающийся. Какие могут быть деления при жизни? Уважение к человеку, его труду — да. А прежде всего нужно уважать себя. Изживать рабские привычки. А у нас сверху — культ, внизу — культки. Был Черненко — несчастный, больной человек, а все равно преклонение было соблюдено по всей форме. Культки — они еще страшней... Так могут жизнь искалечить...

— И последний вопрос: что надо сделать, чтобы вернуть человеку достоинство? Если коротко сформулировать самое важное.

— Я слишком хорошо испытал на себе незащищенность человека в обществе. Да, то было сталинское общество, потом «застойное» общество, но разве мы преодолели последствия беззаконий, научились уже демократии? Самое важное — создать правовое государство. Чтб никто не мог ущемить ничьи права. Чтб жизнь по чести и по совести не требовала от человека подчас героических усилий.

Из тезисов предвыборной программы Александра Чуенко:

...Молодежь должна вести борьбу за равноправное развитие в экономике всех форм социалистической собственности, за резкое сокращение министерств и ведомств, децентрализацию управления на региональном уровне, за ликвидацию монополии аппарата на информацию, за переход к рыночному механизму хозяйствования.

...«Вся власть Советам!» — это в интересах молодежи, это в интересах всего народа. Мы должны не замыкаться на частном — НТТМ, МЖК, банки, клубы, любительские объединения, а определить стратегию и тактику, цели и задачи молодежной политики в целом, найти свое место в процессе перестройки и активно на нее влиять.

Александру Чуенко — 32 года. По образованию — инженер-физик. В народные депутаты его кандидатура была выдвинута Зеленоградской комсомольской организацией, в которой он прошел путь от секретаря курсового бюро Московского института электронной техники до первого секретаря райкома. Сейчас Чуенко — директор-президент центра НТТМ «Дока».

Отправляясь в Зеленоград, я знал, что Саша — признанный лидер, стоял у истоков общественно-государственной системы НТТМ в стране; знал, что в городе он популярен. Во многом благодаря «Доке». Фирма Чуенко — организация нового типа, строящая свою работу на основе маркетинга и полной хозяйственной независимости.

Придает Александру «веса» и то, что он — член районных комитетов партии и комсомола, депутат Зеленоградского горсовета.

Кстати, в горисполкоме я поинтересовался: не потеряет ли Зеленоград Чуенко, так сказать, для нужд города?

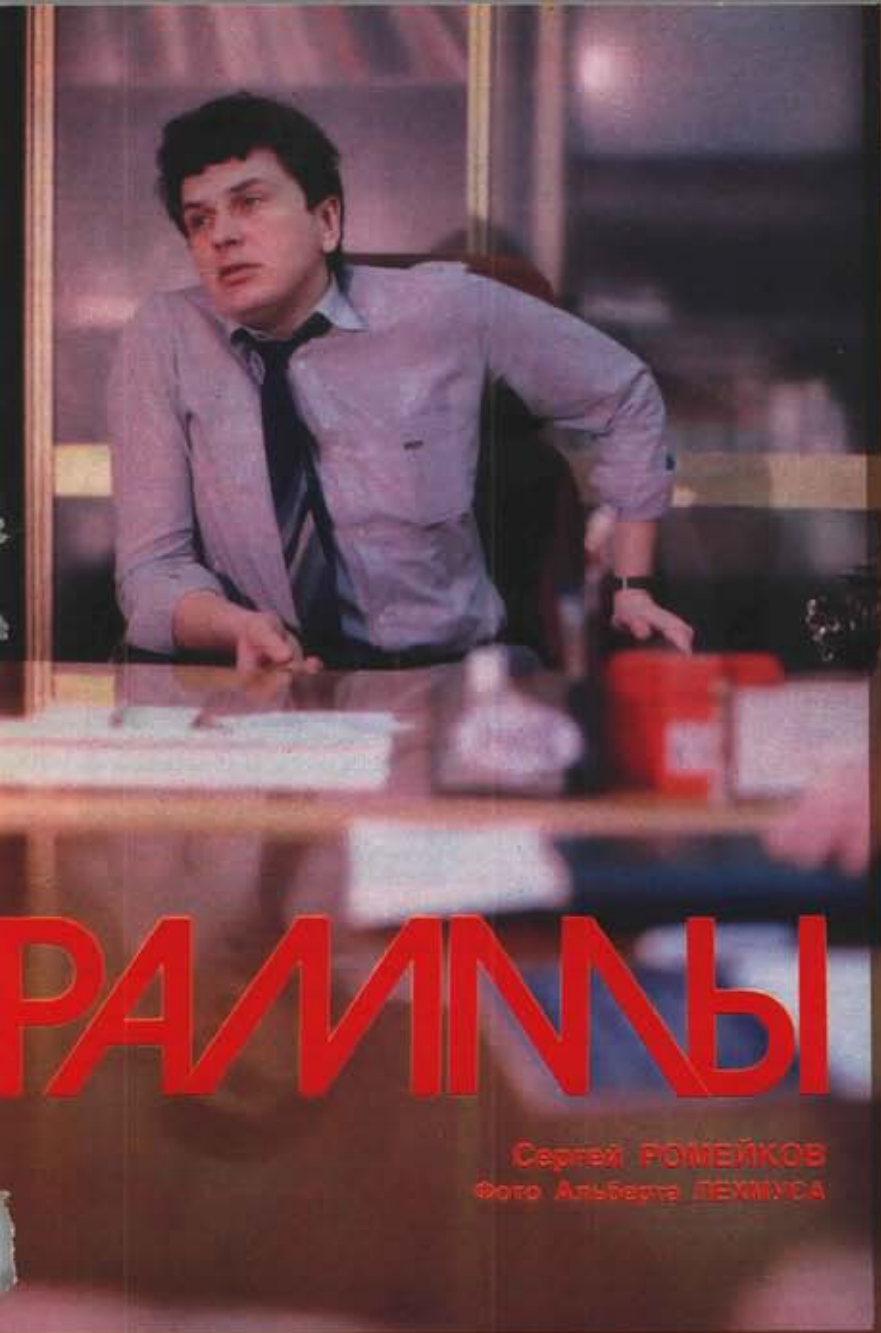
— Теряем, конечно, — сказал за-

меститель председателя горисполкома Николай Гундарцев, — но и понимаем: игра стоит свеч. Нужды страны складываются, если вдуматься, из «малых» нужд наших городов и сел. То, что делает «Дока» для города, — разнообразная помощь вычислительной техникой, разработка программ по торговле, развитие социальной инфраструктуры и городской среды, — все это объективно делается и для страны в целом.

...Длинношее — полкилометра! — здание зеленоградцы называют «флейтой». С названием образчику безликой архитектуры еще повезло. Могло быть и похуже. В одной из секций «шедевра» современного градостроительства и разместился центр НТТМ «Дока».

ГВОЗДЬ ПРОГ

РАМИНЫ

Сергей РОМЕЙКОВ
Фото Альберта ЛЕХИНА

В 1982 году инициативная группа занялась проектом создания молодежного научно-технического общества. Цель — привлечение молодежи к решению задач научно-технического прогресса. Об обновлении нашего общества вслух еще не говорили. Но неудовлетворенные, беспокойные люди, слава богу, были и тогда. В разных уголках страны, на разных уровнях, с разным опытом, а иногда и вовсе без него, они готовили сегодняшний день.

— Это было счастливое время! — вспоминает Чуенко. — Мы все сидели в огромном пустом зале... без копейки денег. Да-да, несколько месяцев зарплаты не получали. Ребята сознательно отказались от немалых окладов на своих предприятиях, жили предчувствием большого, интересного дела...

Сегодня «Дока» дает ежегодно городскому координационному Совету НТТМ триста тысяч рублей. Ее материальную помощь ощущают школьный завод, выпускающий популярные и дефицитные электронные игры, центр досуга. Доход фирмы, в которой всего 30 человек, в 1988 году составил 1 231 000 рублей...

А чем, собственно, занимается фирма? Заглянем в рекламную листовку: «Дока» занимается развитием социальной инфраструктуры и городской среды, разрабатывает средства вычислительной техники на базе микроэлектроники, программно-обеспечения и методов их использования в народном хозяйстве. В круг ее деятельности входит информационное обслуживание и распространение молодежных научно-технических новинок, вопросы автоматизации и механизации производ-

ственных операций и технологических процессов, совершенствования организации производства. «Дока» выполняет научно-технические работы по контрактам с организациями стран — членов СЭВ, фирмами капиталистических стран...

Я поначалу не поверил Чуенко, что все обустройство нынешнего просторного офиса обошлось всего в 5—8 тысяч рублей — настолько капитально, со вкусом, я бы даже сказал, с изыском, оборудовано помещение. «Все, что видишь здесь, почти все — под ногами валялось».

...Зеленоград — город с проблемами. Строился он как «эгополис завтрашнего дня», но по проектам, устаревшим быстрее, чем велось строительство. (Второй десяток лет висит недостроенное здание небоскреба местного значения — гостиницы.) Так что на поверку город получился дня позавчерашнего. А сегодня ему, как и большинству «городов-спутников», остро недостает сервиса, да и тех же продуктов.

Специфика Зеленограда — высокий уровень «плотности» научно-технического потенциала. Но вот недавно местным Центром профориентации было проведено обследование зрения у 2,5 тысячи шестиклассников. У 64 процентов ребят оно с отклонением от нормы. Значит, для электроники, ведущей отрасли в городе, эти ребята уже потеряны. И чтобы не потерять их для города совсем — Москва-то в 20 минутах езды! — надо предложить им что-то иное...

Говорим с Александром о том, чем нынче приходится заниматься депутатам.

— Нет горячей воды, в булочную

не вовремя завезли хлеб — на низовом, бытовом уровне неотлаженно работают все системы. Депутат у нас пока что не политический деятель, а толкач, доставала...

Тревогой о том, что функции депутатов и высшего уровня не изменятся, можно объяснить многочисленные «заземленные» пункты кандидатских программ. Складывается впечатление, что эти программы носят, так сказать, иллюстративный характер. Что нужны они были кандидатам лишь на определенном этапе предвыборной борьбы. Наверное, это так и есть, потому что многие из кандидатов не знали толком, в каких условиях, в случае избрания, им предстоит действовать, чем заниматься. (Вот, скажем, один из кандидатов от ВЛКСМ, военнослужащий, среди прочего обещает избирателям добиваться оплачиваемого отпуска матерям до достижения их детьми шестилетнего возраста. Пообещать-то пообещал, и, понятно, произнесенные в риторическом запале, такие слова ничего, кроме одобрения, вызвать не могли. Но вот умолчал кандидат о том, как собирается воплощать в жизнь такой заманчивый пункт.) Другое дело — рассматривать предвыборную платформу кандидата как его своеобразную визитную карточку. По крайней мере, так честней.

Программа Чуенко, дающая представление о человеке, роде его деятельности, его отношении к тем или иным проблемам общества, мне ближе.

— Нынешняя модель выборов далека от совершенства, — считает Александр. — Отрабатывали ее на ходу. Взять хотя бы выдвижение кандидатов в народные депутаты страны от комсомола. Их должны были бы определять сами избиратели, комсомольцы. Как? Ну, хотя бы по регионам, по «комсомольским округам». А шло все через пленумы. И выборы в депутаты — через пленум ЦК. По сути, мы отошли от принципа демократичности: за весь комсомол решает лишь малая часть его. Решение, конечно, авторитетное, но искусственно «обуженное»...

Я разговаривал со многими, кто знает Сашу. Спрашивал, что главное, на их взгляд, в его характере. Мне отвечали: коммуникабельность, работоспособность, умение шутить и не обижаться на шутки, целенаправленность, бескорыстие, рачительность... Не правда ли, «букет» весьма и весьма пестрый. Но — правдивый. Из многих, порой неожиданных черт и черточек, пишется портрет человека.

Еще вчера, говоря о кандидате в народные депутаты, подыскивал бы краски. Большею частью тонов теплых, с розоватым уклоном. Да и сегодня нет-нет да и шеплет внутренний редактор: помягче, без угловатостей. Что касается директора-президента Центра НТТМ, тут с дипломатией все в порядке: Саша умеет вести дело без лишнего крика, без конфликтной напряженности. Хотя человек он далеко неоднозначный — разный.

Как я уже говорил, кандидатура Чуенко в Зеленограде прошла без борьбы, без шумных споров — единогласно. Не трудно было заметить, что это не очень-то радует Александра.

— Я придерживаюсь принципа сопоставительности во всем: при разработке законопроектов, при формиро-

вании социально-экономических модулей развития. — Он закурил, подлил в чашки горячего кофе. — Более того, и органы управления, вплоть до кабинета министров, должны формироваться тоже на сопоставительной основе. Сейчас мы имеем шанс жить по-другому. Если сумеем направить в единое русло все то новое, что дает нам сегодняшнее время. Мы не должны упускать шанс...

Да, мы идем путем проб и ошибок. Очевидно, и минувшие выборы следует рассматривать как очень важный эксперимент, цель которого — совершенствование всей выборной системы. Вопросов много, и среди них едва ли не главный: кого мы хотим видеть в качестве народных депутатов? Насколько полной будет отдача от депутата-станочника и в высшем органе государственной власти, и у станка? Наверное, мы сойдемся на том, что народными депутатами должны быть профессиональные политики, «доки» в своем деле, не обремененные другими работами, кроме главной — радеть за повышение нашего с вами благополучия, а значит, и за развитие страны в целом.

Эффективным ли будет «совместительство» — судить трудно. Вот как сложился один из февральских рабочих дней А. Чуенко.

С 9 утра — полтора часа текущей работы в офисе: деловая переписка, просмотр и подготовка документов. Затем — поездка в Москву, встреча в Минздраве СССР по вопросам ряда совместных проектов. Далее — совещание в ЦК ВЛКСМ по созданию международной топливно-энергетической ассоциации. После этого — переговоры с президентом английской фирмы «Андромеда» Робертом Стейном по поводу приобретения фирмой наших компьютерных игр. Снова встреча в ЦК ВЛКСМ, на этот раз — с энтузиастами, врачами-электронщиками (речь шла о новой медицинской аппаратуре); там же — разговор с работниками аппарата по очередному совещанию молодых руководителей предприятий. После этого встреча с одесским коллегой — Юрой Авксентьевым. Наконец — возвращение в Зеленоград, консультация с юристом, несколько междугородных телефонных разговоров, встреча с ребятами... Домой — за полночь.

— На нынешнем этапе очень сложно вычленишь бездельников и лентяев, демагогов из числа тех, кто на словах за перестройку. С каждым днем все очевидней, что митинговые формы борьбы за улучшение нашей жизни должны уступить место — и чем быстрее, тем лучше — конкретному делу, работе, дающей результат, — убежден Александр. — Нельзя забывать о личности, о том, что каждый человек, каким бы непохожим на других он ни был, — индивидуальность. Здесь мы много, по-моему, теряем. Ведь у нас человека с детства отучают быть личностью. Из октябрят — в пионеры, потом — комсомол, вуз, интересы коллектива... Коллективизм, безусловно, необходим, но ведь коллектив складывается из личностей!

Помню отлично: на листовке, призывавшей голосовать за Чуенко, надпись: «Долой отраслевизм в Стране Советов!» И нехитрый рисунок — молот молодежных инициатив вгоняет гвоздь в этот самый отраслевизм.

P. S. На состоявшемся 17 марта 1989 г. VI пленуме ЦК ВЛКСМ кандидатура А. Чуенко не прошла...

// НЕ БОЙТЕСЬ ОСТРЫХ ВОПРОСОВ... //

С доктором исторических наук Владимиром ДЕСЯТЕРИКОМ беседует редактор отдела коммунистического воспитания «Смены» Юрий РАГОЗИН.

— Владимир Ильич, вы многие годы изучаете ленинские идеи о молодежи. Мы все хорошо знаем работу В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи». Но мало кто задумывался над тем, почему именно «союзов», а не «союза». Мы все считаем, что комсомол — единственная молодежная организация в нашей стране — и при жизни Ленина, и после. А так ли это? И не значит ли это, что Ленин допускал существование разнообразных молодежных ассоциаций и союзов?

— Да, допускал. Чтобы стало яснее, обратимся к фактам. Как известно, Ленин не был сторонником исключительно однопартийной системы в социалистическом обществе. После Октября всем политическим группам и течениям предлагали объединить усилия на платформе Советской власти. Такое объединение не удалось отнюдь не по вине коммунистов. Просто большинство партий «чистой демократии» были втянуты в открытые контрреволюционные выступления против Советской власти. Нет оснований утверждать, что и в молодежном движении Ленин отстаивал существование лишь одного-единственного союза молодежи. 22 ноября 1917 года Ленин подписал декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению. Туда должен был быть включен и представитель «от Всероссийского студенческого союза (когда таковой образуется)». А во вновь создаваемый Госкомитет по народному образованию должны были войти один представитель Петроградского комитета социалистической молодежи и три — от студенчества. Ленин, несомненно, ничего не имел против образования самостоятельной студенческой организации.

— Почему же она не была создана?

— В то время большая часть студенчества — в основном из состоятельных слоев — была настроена контрреволюционно. Ну, а в дальнейшем, уже после смерти Ленина, возобладало мнение, что в социалистическом обществе комсомол в состоянии выражать устремления и чаяния всех категорий советской молодежи... Но могу напомнить также и о том, что Ленин не выступал и против возникновения независимой организации учащейся молодежи. Он даже согласился приветствовать ее I Всероссийский съезд, состоявшийся в Москве в апреле 1919 года. Именно там он подчеркивал: «Важно то, что молодежь, коммунистическая молодежь, организовывается».

Уже в первых фразах речи Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ «Задачи союзов молодежи» сказано: «...Мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще».

— То есть Ленин говорит не об организации, а об организациях?

— Да. А чуть ниже он еще больше проясняет свое отношение к этой проблеме: «...Задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций, в частности, можно было бы выразить одним словом: задачи состоят в том, чтобы учиться». То есть наряду с союзом коммунистической молодежи предполагается возможность создания и других организаций.

— А что вы можете сказать о ленинских принципах деятельности РКСМ, которые стоило бы использовать комсомолу сегодня?

— В первые годы существования комсомол развивался на строго демократической основе. Несомненно, не без участия Ленина, сразу после Февральской революции, Крупская публикует в «Правде» проект устава союза молодежи. В нем были широко использованы оправдавшие себя демократические принципы европейских революционных юношеских организаций.

После образования РКСМ ежегодно проходили — в соответствии с уставом — комсомольские съезды. Значительно обновлялись руководящие органы. Проводилась на практике ленинская идея о том, чтобы как можно большее число граждан проходило школу управления через Советы, профсоюзы, комсомол. За десять первых лет комсомол возглавляли пять первых секретарей, а вот последние тридцать лет — тоже пять...

— А чем объяснить столь частую, по нынешним меркам, смену руководителей РКСМ в первые его годы?

— Молодая республика испытывала острый дефицит кадров для советского, хозяйственного строительства, Красной Армии, а комсомол уже тогда был той организацией, из которой партия черпала активных работников и в центре, и на местах.

Кстати сказать, в период между съездами комсомола проводились еще и всероссийские конференции. С 1921 по 1932 год их было семь. В последние же десятилетия, несмотря на значительное увеличение интервалов между съездами, конференции не проводились.

При Ленине формы и методы работы партии и других политических институтов, лозунги тактического действия определялись с помощью дискуссий. Полемика буквально пронизывала всю внутрипартийную жизнь. Дискуссионный стиль был присущ и комсомолу. Дискуссий в РКСМ тогда отшумело, пожалуй, больше, чем за все последующие десятилетия, вместе взятые.

Во время встреч с молодежью Ленин нацеливал своих собеседников выявлять настроения юношества, учил, что активно противодействовать вредным явлениям и идеям можно только тогда, когда знаешь их причины. И преодолевать их нужн не с помощью разоблачений и борьбы, а преимущественно путем убеждений. Так, отвечая на вопросы делегатов III съезда РКСМ, как рассказывал один из его участников, И. И. Чичеров, Ленин говорил: «Идите в массы, не бойтесь острых вопросов,

спорьте, но без комчванства, переубеждайте...»

— Почему же так активно заявившее о себе полемическое начало не получило развития в комсомольской практике?

— Ответ на этот вопрос теперь уже достаточно известен. Напомню только один факт. В конце мая 1925 года стала выходить «Комсомольская правда». Едва увидели свет несколько первых номеров, как в адрес ее редколлегии последовало письмо за подписями И. Сталина, В. Молотова, А. Андреева. В нем был разбор конкретных статей и по ходу — красноречивые рекомендации типа: «Комсомольская правда» не есть дискуссионный орган, а орган, прежде всего положительный, дающий читателю общепринятые партийные лозунги и положения». Такие установки, идущие вразрез с ленинскими представлениями о том, что нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически, и стали причиной вытеснения дискуссий из комсомольской жизни.

— Когда мы говорим о партийном руководстве комсомолом, мне кажется, далеко не все понимают, что это означает вообще; многие же понимают именно как жесткий контроль, спускание сверху инструкций, ограничение самостоятельности молодежного союза. А что под этим подразумевал Ленин?

— Незадолго перед Октябрем Владимир Ильич выразил это в следующей форме: «Юношеские организации: свобода политических организаций; поддержка ((критика отсутствия ясной линии у них))».

Партийное руководство деятельностью РКСМ при жизни Ленина поражает многообразием форм, каждая из которых обязательно несла в себе воспитательный пафос. Вот два примера.

Перед III съездом РКСМ в его руководящем штабе разгорелась склока, которая по сути была не чем иным, как борьбой за лидерство. ЦК РКП(б) отстранил от работы группу активных зачинщиков, а одного из них — В. Дунаевского — за недисциплинированность даже исключил на полгода из партии. Однако всем им не только не было отказано в праве участвовать в работе съезда, но В. Дунаевский даже выступал с докладом и вместе с Н. И. Бухариным и Л. Шацкиным входил в комиссию съезда по выработке программы Союза!

Дискуссии в комсомоле, обилие отточенных мнений в молодежном движении тех лет, регулярная смена руководителей РКСМ не мешали и вовсе не снижали авторитета комсомола в глазах партии.

Лет десять назад мне удалось опубликовать такую очень показательную выписку из решения бюро ЦК РКСМ от 5 ноября 1921 года: «Слушали: доклад т. Сталина о политическом положении. Постановили: доклад принять к сведению, просить т. Ленина написать брошюру по вопросам новой экономической политики». Документ, как видите, серьезный. На бюро ЦК РКСМ, которое состояло менее чем из десяти человек, приходил секретарь ЦК РКП(б), делает доклад, а члены бюро обращаются

к Ленину за разъяснениями! Это ли не свидетельство действия на практике демократических норм работы всех звеньев политической системы?!

— В последнее время пошли разговоры о том, что речь Ленина на III съезде РКСМ была опубликована не полностью, но и сейчас ее не разрешают печатать без купюр, ибо они содержат информацию, которую обнародовать «преждевременно». Что вы можете сказать по этому поводу?

— Действительно, существуют три первоисточника ленинского выступления перед комсомольцами. Первый — публикация в «Правде» (5—7 октября 1920 года). Второй — брошюра, выпущенная в конце двадцатого года, которую, по мемуарным свидетельствам, к стати, опубликованным в десятом номере журнала «Смена» за 1928 год, лично отредактировал Ленин. И, наконец, в 1938 году была обнаружена невыправленная стенограмма ленинской речи. Какому источнику следует отдать предпочтение? Думаю, не стенограмме, а публикацией, которые, несомненно, видел и мог оценить Владимир Ильич. В невыправленной стенограмме примерно на две с половиной машинописные страницы текста больше. Однако эти сокращения, появившиеся при редактировании, не содержат принципиальных моментов. Различия в текстах вполне объяснимо: разговорная речь отличается от письменного сочинения.

— Интерес к первоисточникам понятен и закономерен: люди хотят знать правду об истории. Но вот ведь парадокс: какая знакомая картина — в кабинетах руководителей стеллажи украшены томами В. И. Ленина, которые никогда не открываются, они превратились в «мебельную литературу»...

— Думаю, не за горами то время, когда подобные руководители сойдут со сцены. Если мы действительно хотим перестройки, то должны сами читать Ленина, а не слепо доверять разжевываемым комментариям. Чтобы убеждать других, нужно самим хорошо знать то, в чем хотим убедить. Читать не для того, чтобы сдать экзамен, а чтобы разобраться в процессах, которые происходили тогда, и осмыслить то, что происходит сейчас.

Не буду проводить никаких параллелей, просто напомним фрагмент из речи С. М. Кирова на Выборгской районной конференции ВЛКСМ 21 января 1929 года. «Мне хочется обратить ваше внимание на основную, по-моему, вопрос — на необходимость ленинского воспитания в комсомоле. Меня натолкнула на эту мысль заметка в «Смене», напечатанная в сегодняшнем номере, «О забытых ленинских томах». Один из комсомольцев вполне откровенно... признался, что из выписанного им полного собрания сочинений Ленина он сумел прочесть только шестнадцать страниц. Он говорил, что другие комсомольцы Ленина читают, но читает только ничтожная часть, капля в комсомольском море... Можно ли говорить, что мы доведем дело Ленина до конца, если не будем твердо, основательно знать его?!»

- Кто отвечает за покой горожан?
- Еще раз о плате за воспитание.
- «Я — за смешанные браки».
- Езда с препятствиями.

Давно хочу спросить: кто и почему узаконил оплату за содержание ребенка в детском саду или яслях в зависимости от среднегодового заработка родителей, а не от условий содержания ребенка. Если я, чтобы получать больше, перерабатываю лишние часы, а муж с более легкой, но менее оплачиваемой работы перешел на тяжелую физическую в три смены и по скользящему графику, чтобы нам было чем платить за кооперативную квартиру, а также содержать двоих детей, из которых один посещает детский сад, то можете представить, как нелегко достаются нам деньги. Так почему за свой тяжелый труд мы должны быть еще и наказаны, оплачивая содержание ребенка в детсаду более крупным взносом? Ребенок мой к тому же часто и подолгу болеет. Врач выдает справку частично по болезни, частично — по домашнему режиму, и эти дни приходится оплачивать все по той же «повышенной» цене, несмотря на то, что ребенок находится дома. Почему? Ведь малыши, по сути дела, еще находятся на излечении. Кстати, моего ребенка лучше не кормят, лучше за ним не смотрят по сравнению с теми детьми, за которых платят очень мало или вообще не платят. Получается, что они частично находятся на нашем содержании. А нам бы своих поднять! Когда прекратится это безобразие? Об этом хотят узнать и мои знакомые женщины, имеющие детей дошкольного возраста.

Светлана ДОЛГАЯ,
г. Орша

В нашем городе, Кривом Роге, сложилась ненормальная обстановка среди молодежи 14—19 лет. Те вопросы, которые мы в свое время решали кулаками, современные подростки выясняют с помощью огнестрельного оружия!

В конце 1988 года группа подростков, человек 30—40 так называемых «бегунов», «прогуливалась» по городу и оставляла после себя «следы». Людей, которые попадались им на пути, позже увозила «Скорая» — в травматологические отделения местных больниц. И это был еще хороший исход...

Причина такого поведения подростков, как нам кажется, заключается в том, что им некуда себя деть. В промышленном городе, население которого скоро перевалит за миллион, не существует индустрии отдыха для юных. Такое положение становится угрожающим. Дело пока не дошло до того, что творится в Казани, но...

Местные власти вроде бы этим занимаются, но как-то вяло. Комсомол... Кто ему верит?

Думаем, что нагнетание напряжения среди подростков скоро выльется в массовые драки, перестрелки — что сейчас и происходит, но пока в локальных размерах.

Мы вносим предложение. В каждом более или менее крупном районе отвести здание, где с 10 до 23 часов подростки могли бы заниматься чем угодно, естественно, в рамках закона. Заполнить вакуум в душах подростков

чем-то, что заинтересовало бы их: например, организацией рок-лабораторий, работающих по принципу Ленинградской и Московской.

Статистика свидетельствует: по Сахалинскому РОВД процент раскрытия преступлений в декабре 1988 г. снизился до 37,8. Это уже предел.

Посоветуйте, что нам сделать, чтобы Кривой Рог стал городом, в котором можно нормально жить и работать.

Группа воинов,
выполнивших
интернациональный долг
в Афганистане,
Кривой Рог

Я против переименования города Андропова! Ю. В. Андропов на деле, а не на словах совершил поворот страны к перестройке и гласности — единственный из последних руководителей, который заслужил по себе добрую память. При нем мы впервые смогли прочитать в газетах о министрах, не справившихся с работой. Был возбужден ряд дел против узаконенной мафии. А наша печать, к сожалению, ничего не пишет о нем.

Александр БОНДАРЧУК,
Сахалинская область

Читатель А. С. Анучкин-Тимофеев («Смена» № 2, 1989 г.) пишет, что он не согласен с выводом статьи «В графе «национальность»» («Смена», 1988 г., № 21) о том, что в целом «рост числа и доли национально-смешанных браков, несомненно, очень прогрессивное явление». По его мнению, эти браки, если процент их будет с каждым годом расти, помешают этнической самобытности, национальной культуре.

По-моему, автор письма глубоко заблуждается. Верно, что русская нация складывалась веками, но она не рождалась в другой этнической среде и не превратилась в «серое бесцветное варено». Об этом свидетельствует хотя бы то, что потомками вступавших в межнациональные браки были многие величайшие люди — цвет и гордость русской нации. Известно, что одним из предков А. С. Пушкина был эфийец. Выходцами из татар были Г. Р. Державин, род которого начинался от мурзы Багрима, и Н. М. Карамзин (бывший Кирамурзин). Матерью В. А. Жуковского была турчанка. М. Ю. Лермонтов по отцу был потомком шотландца Георга Лермонта, а по матери (в XIV колоне) — выходца из Золотой Орды Аслан-Мурзы Челебея. Предком Ф. И. Тютчева был генуэзец Дудже или Тутче. Известно и то, что матерью А. И. Герцена была немка. Это только несколько примеров.

Охотное вступление русских людей в смешанные браки свидетельствует о том, что они лишены чувства шовинизма, высокомерия и кичливости. И это еще больше повышает авторитет русского народа.

М. ГУБАЙДУЛЛИН,
заслуженный учитель РСФСР и
Башкирской АССР,
Уфа

Под Ленинградом, в районе Лисьего Носа, собираются строить гостиничный комплекс для иностранцев. Стройка продлится 10 лет, потребует массу средств и сил.

Я обращаюсь к общественности, ко всем, от кого зависит решение таких вопросов: а не лучше ли, чтобы эти средства были вложены в жилищное строительство?

Я мать-одиночка, мое материальное положение просто отчаянное, да и живем мы в таких условиях, которые опасны для здоровья. Каково мне видеть, как моя дочь, родившаяся здоровой и энергичной, отстает в развитии и приобретает все новые заболевания?! В нашем городе я не одна в таком положении. Пока мы не обеспечены самым необходимым, власти не имеют права на строительство «увеселительных комплексов».

Ася ФОМЧЕНКО,
Ленинград

Мы, советские граждане, проживающие за рубежом (члены Союза советских граждан в Бельгии), а также наши мужья, дети и внуки с болью узнали, какое несчастье постигло Армению. Как и весь советский народ, разделяем это большое горе.

Во всех отделениях нашей организации, которые находятся в разных городах Бельгии, был организован денежный сбор в пользу пострадавших от землетрясения. Кроме того, молодежь Союза советских граждан устроила благотворительный концерт. Деньги от добровольных взносов и концерта были перечислены на счет 100—0085401—75.

Всего нами собрано 267 тысяч бельгийских франков.

Желаем армянским братьям как можно скорее залечить свои раны. В эти горестные дни все советские люди, где бы они ни находились, сердцем всегда со своим народом.

Центральное правление Союза
советских граждан в Бельгии

Мы, десятиклассники Решотинской средней школы № 1, занимающиеся автоделом, вынуждены обратиться к вам, так как в нашей школе сложилась странная ситуация: школа перестала выделять средства на бензин, и теперь мы вынуждены каждую неделю платить за него сами. Вместе с нами в автоклассе учатся шесть человек из школы № 20, и для них школа выделила 500 литров бензина, а из нашей школы автоделу учатся двадцать семь человек, но за все время обучения школа выделила лишь 300 литров. Такая вот арифметика.

Кроме проблем с горючим, есть и другие, не менее острые. Мы учимся ездить на таких старых, изношенных машинах, что нам большую часть времени приходится их ремонтировать. А часто на уроках автодела мы убираем помойки, строим сарай или подвал, выкладываем плиткой тротуары, ездим на хозяйственных работах. Хорошо, по поручению школы мы все это делаем, но при этом еще должны вносить деньги за бензин. Разве это справедливо? Разве так мы осваиваем автодело?

Ученики школы № 1,
ст. Решоты Красноярского края

До войны, в 1938—1939 годах, мой отец, Зинчук Михаил Илларионович, был начальником снайперской школы, которая размещалась под городом Свободным Амурской области.

Отец меня брал с собой, и мы с ним жили в палатке. Летом к нам приезжала мама. Потом наотрез отказалась ездить туда. Когда я уже был достаточно взрослым, она мне рассказала, что по ночам слышала выстрелы, крики, даже можно было разобрать отдельные слова. Отец не сразу ей объяснил, но потом сказал, что это расстреливают людей, по два выстрела на человека. Мама говорит, что ей хватало сил до считать до трех-четырех тысяч.

Не выдержав, в сильном нервном расстройстве уехала...

В. ЗИНЧУК,
г. Петропавловск-Камчатский

В начале каждого учебного года школьники должны дать классному руководителю сведения о себе и родителях: домашний адрес, телефон, место работы и должность каждого родителя, их рабочие телефоны. Зачем? Сообщить, если вдруг что-нибудь случится? Но ведь для этого может быть достаточно лишь имен родителей и их телефонов. Ведь не секрет, что часто сведения о родителях, о престижности их работы, почерпнутые из классного журнала, становятся предметом обсуждения как учителей, так и учащихся.

Моя сестра, учительница начальных классов, человек в общем-то неплохой, иногда жалуется мне, что учитель из параллельного класса забрал себе всех престижных учеников — детей торговых работников, военнослужащих и т. п., — а в ее классе остались непрестижные — например, в детей уборщиц.

Но ведь учитель учит не уборщицу, не академика, а ребенка! А как быть детям матерей-одиночек? Краснеть перед классом и учителем, которыми часто движет самое обыкновенное любопытство? А что делать детям, чей родитель, например, осужден?

С. СМЕРНОВА,
Москва

Был недавно с экскурсией на Новодевичьем кладбище, наблюдал там интересную сцену.

По-царски развалившись на мраморном подножии могилы Н. С. Хрущева, несколько французов в дубленках и соболях позировали фотографу. Великодушный сержант милиции в это время застенчиво улыбался, глядя на неподобающих иностранцев.

Когда же украинский фотолобитель направил объектив на собственную супругу, которая по примеру интуристов встала (а не легла) возле памятника, сержант всплеснул руками:

— Граждане! И не совестно? Кладбище ведь святое место!..

Почему же он до этого молчал?

Ах, как же любим мы иностранцев!.. Ладно бы просто любили, так нет же, любим именно кланяться. Им все можно. А нашим, простите, с пороссячим носом, как говорится, да в калашный ряд...

Гостеприимство — гостеприимством, но правила этики для всех одинаковы.

А. АЛЕКСАНДРОВ,
Москва

С разными чувствами читал рассказ, который «Смена» предлагает вашему вниманию. Рассказ коротенький, и тем не менее за те полчаса, что находился наедине с этими страничками, мысли, чувства, ощущения, рожденные ими, успели прожить свою, пусть тоже небольшую жизнь. Начиная чтение с любопытством. Как-никак, автора, Андрея Максимова, знал совсем молодым, даже юным человеком: вместе работали в «Комсомолке» в так называемый «застойный» период. Но даже тогда, во времена довольно массового хорового пения в журналистике, у этого паренька, больше похожего на чеховского студента, нежели на столичного публициста, был свой, негромкий, неброский, но весьма настырный голос. Даже не голос, а характер. Защищал молодежные студии, ратовал за «новую театральную волну». Но то — публицистика. Ремесло. А тут — рассказ. Беллетристика. Искусство.

Как-то выгребет?

Нет, стиль, глаз есть. «...В горах раздражали вершины: они властно делили людей на тех, кто сумел до них добраться, и тех, кто спасовал на полпути». Согласитесь, это уже что-то, это уже по-сегодняшнему.

Потом читал с настороженностью: да простит меня Андрей, но засквозило расхожей на сегодняшний день схемой. Насторожила жесткость оценок, как сказали бы в старину: излишний детерминизм.

И вдруг — концовка, немногословная, без аффектации, вполне в духе героя рассказа, очень нынешнего молодого человека, и вместе с тем обескураживающая. Нет, это не пресловутый «хэппи-энд». Просто оказалось, что автор не во власти схемы, а во власти жизни. Это и порадовало.

Да, это ведь незабвенный Сомерсет Моэм сказал: «Отдаю себе отчет в том, что характера у меня больше, чем таланта». Вот самокритика, не правда ли? Даже в наше самокритичное время звучит — особенно в писательской среде — ошарашивающе. Но ведь без характера, говорят, и таланта не бывает.

Характер в рассказе, на мой взгляд, есть. А это, право, уже немало. Прочитайте: надеюсь, не только автора, но и меня, сопровождающего, не будете ругать за полчаса своей молодой жизни.

Георгий ПРЯХИН

«Ук-тюк... Ук-тюк... Ук-тюк...» Мне казалось, колеса выбивали название районного центра, чтобы я, не приведя господи, не позабыл, куда и зачем еду. Только как забудешь такое?

Уктыжане и уктыжанки с корзинами, полными грибов, рассаживались на жесткие лавки, вытягивали ноги и расслаблялись. В монгольском кожаном пальто, финском костюме, чешской рубашке и итальянском галстуке, я смотрелся в туманной утренней электричке как павлин на болоте.

Проработав восемь лет в школе и пять — инструктором областного отдела народного образования, зная про школу все и еще чуть-чуть, я о подобном слышал впервые, понятия не имел, как во всем этом разбираться, и не то чтобы боялся, но опасался. Чуть-чуть. (Разумеется, если все это окажется правдой, а не идиотским розыгрышем.)

Тем более сейчас, когда поговаривают, что министерство наше ликвидируют, нарваться на лишнюю историю совсем уж неохота. Сократят — и не пикнешь.

Я всю жизнь любил, если уж петь — то в хоре, потому что, когда много голосов — непонятно, чей сильнее, и, главное, твой не слышен. Решив однажды — разумеется, после долгих уговоров Ларисы — заняться альпинизмом, я быстро бросил это дело: в горах раздражали вершины, властно делившие людей на тех, кто сумел до них добраться, и тех, кто спасовал на полпути. По совести говоря, нашему шефу надо было послать в Уктюк комиссию из пяти-шести человек, но, с другой стороны, шефа тоже можно понять: он сам, как на вулкане, сократить — не сократят, перекинут на какую-нибудь свиноферму... Так что он, конечно, правильно меня послал. Вроде — в разведку.

Осенний Уктюк был желт, грязен и мрачен. От вокзала начиналась центральная и единственная улица — проспект Изобилия. На проспекте рядом со станцией находились: кинотеатр «Прогресс», ресторан «Радуга» и безымянный «Универсам».

По проспекту передвигались редкие прохожие и растворялись в переулках, именованных улицами.

Меня никто не встречал: я не сообщил, на какой электричке приеду. Впрочем, найти адрес было не трудно, и я двинулся в путь.

Мимо меня промчался на велосипеде парнишка и растворился в сером вязком дне. Дребезжание велосипеда провалилось в пустые улицы. Я медленно шел по неухоженному городу, делая вид, что дышу возду-

хом, и представлял себе: вот учительская — они везде одинаковые; вот столы, конечно, пустые — идет урок; за одним столом — человек, тот, из-за которого я приперся в этот унылый город и о существовании которого рад бы вообще ничего не знать. Сидит, значит, этот человек — учительница русского языка и литературы — Октябрина Васильевна Пых: одета, разумеется, в лучшее свое платье (по случаю приезда начальства, то есть меня), украшенное скромной розочкой, и повторяет раз за разом вызубренную за ночь оправдательную речь...

На школьном дворе сидели ребята, мрачно и сосредоточенно. Мальчишки были одеты в коричневые и черные куртки и беззастенчиво курили, подняв воротники. Кто-то из девочек тоже мял сигареты. Переговаривались они тихо, шепотом, будто готовились к секретной операции.

«Наверное, те самые», — подумал я, уткнувшись в школьную дверь, и услышал за спиной:

— Небось из области. Может, сразу подвалим?

Я рванул дверь, и на меня обрушился школьный гул. Помню, когда я впервые пришел в школу учителем, меня поразил этот гул — гул уроков, а не перемены. Что-то в нем есть таинственное, зловещее. Когда идешь во время уроков по коридору, каждый твой шаг долго отдается, и ты ощущаешь свою почти Командорскую значительность — это единственный миг, когда школа воистину похожа на храм науки. Но стоит от-

Октябрина Васильевна приходилось тратить все усилия на то, чтобы удержать ее.

— Кстати сказать, — снова улыбнулась учительница. — Вы не знаете, как вскрывают лягушек: вдоль или поперек? А может, их сначала убивают? А как убивают лягушек? В «Отцах и детях» об этом ничего нет. Искусство вскрытия — это, знаете ли, настоящее искусство!

Голос у нее был радостный, какой бывает у человека, показывающего, что он занят нужным и полезным делом и дело это у него хорошо получается...

Он вывел меня из гипнотического состояния, и я промямлил:

— А вы... вы, значит... Не могли бы опыты ваши... Как это? Перенести, что ли...

— Как скажете. — Октябрина Васильевна бросила лягушку в банку и сквозь сияющую довольством улыбку добавила: — Наверное, когда читали в письме, что некая учительница в городе Уктюк, рассказывая о Базарове, режет лягушек, — решили, что я сумасшедшая? А как еще, скажите, остановить их внимание? Как оторвать их ото всех этих роков, Высоцких, Розенбаумов?

Улыбка испарилась с ее лица, и я понял, что начинается тот самый подготовленный монолог. И вся демонстрация лягушачьей экзекуции тоже была заранее придумана, чтобы у меня не оставалось никаких сомнений.

ИСКУССТВО

Андрей МАКСИМОВ

ВСКРЫТИЯ

крыть дверь любого класса, ощущение значительности исчезает.

Учительская оказалась запертой, и я направился прямо в кабинет литературы.

В пустом кабинете сидела женщина в черной водолазке, на которой я с радостью заметил крошечную белую брошь в виде розы. На ней была обычная серая юбка, призванная не подчеркивать, а скрывать женские формы.

Я сам нередко ругал учительниц за вольности в одежде (даже Лариску, пока не поженились), но при этом всегда думал: разве можно с радостью идти на урок, где у кафедры стоит человек в сером, застегнутый на все пуговицы?

Никогда не мог понять, почему учительница должна одеваться в школу будто в монастырь.

Стоявшая передо мной женщина была явно из породы монашек.

— Октябрина Васильевна? — спросил я, чтобы начать разговор.

— А вы и есть тот самый инспектор из области, который будет выяснять, сумасшедшая я или нет?

И тут заквакали лягушки. Где-то рядом заквакали, близко-близко.

Лягушки в кабинете литературы — зрелище, прямо скажем, странноватое. (Впрочем, надо было убеждаться, что все, написанное в письме ребят, — правда.)

На учительском столе стояла банка, в мутной воде плавали не то две, не то три лягушки. Они нервничали и потому квакали отрывисто и очень противно.

Октябрина Васильевна улыбнулась мне, молча натянула резиновые перчатки, двумя пальцами залезла в банку и достала лягушку, орущую на всю школу: видимо, понимала, зачем ее достают.

Учительница свободной рукой погладила деревянную доску, взяла ножик, попыталась уложить лягушку на доску, но та вырывалась с такой страстью, что

— Кстати, вы сами-то Базарова помните? — продолжала Октябрина Васильевна. — Я вам так скажу: это главный на сегодняшний день герой русской литературы. Помните: «Мы догадались, что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет к пошлости и доктринерству...» Я всегда объясняю ребятам, что такое доктринерство. Но вы, надеюсь, знаете?

Я не знал, но промолчал. Учительницу несло дальше.

— «Мы увидели, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся. Что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, и черт знает о чем...» Тут я пропускаю, тут — не важно. А вот дальше... «Та самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке». А? Каково? — И счастливая улыбка на лице.

Слова Тургенева, написанные бог знает когда, впечатление производили. Я уже хотел как-то помягче сказать об этом, но не успел. Октябрина Васильевна заговорила быстро-быстро, будто боясь, что ее перебыют:

— Но прочитайте мало! Надо, чтобы услышали... Если б я умела на гитаре играть — я бы пела монологи Базарова! Но я не умею — приходится резать лягушек... Нам сегодня нужны Базаровы! Борцы нам нужны, а не слонята! Противно вам глядеть, как лягушек режут? Глядите, понимайте, думайте! Они ведь никого и ничего слушать не хотят. Но меня — это я вам точно говорю — запомнят! И слова мои, пусть через десять лет, но прорастут в них! Вы посмотрите, что происходит? После того как недорезанная лягушка сиганула в окно, они перестали ходить на мои уроки и начали строчить клеюзы! У них теперь такая форма протеста:

писать по инстанциям! Вы понимаете... Простите, как вас зовут?

— Семен Степанович Мозговой,— представился я нехотая.

— Вы понимаете, Семен Степанович, кого мы вырастили? Мой отец всю жизнь был борцом — и до войны, и во время войны, и сейчас. А они — чуть что, сразу кляузы! Было поколение борцов, стало поколение кляузников! А почему? Потому что не верят ни во что, разве только в силу тех, кто наверху. А в свои собственные силы никто из них не верит! Пусть они ко мне не ходят — ладно, но потом вспомнят с благодарностью и меня, и то, что я им про Базарова говорила, и лягушку недорезанную...

Что еще будут с благодарностью вспоминать ученики Октябрины Васильевны, я так и не узнал: прозвонел «звонок-избавитель».

— Небось с дороги есть хотите? — неожиданно мягким, даже красивым голосом спросила Октярина Васильевна, и от растерянности я честно ответил:

— Да.
— Я здесь недалеко живу... Пойдемте... Как говорится, чем богаты. У меня свободный урок — окно. И с отцом моим познакомитесь.

— Спасибо,— вяло поблагодарил я.
— Вам, наверное, к директору надо, командировку отметить. Я вас провожу до кабинета, а потом внизу подожду, у школы...

В этой женщине была скрыта невероятная энергия подчинения. Женщины, заряженные подобной энергией, как правило, остаются одиночками — с ними не хочется ни спорить, ни даже просто разговаривать, а только подчиняться.

Я поддался этому водопаду и уже не понимал, куда меня несет.

— Мы вас ждали, ждали, а вы все не ехали, не ехали,— сказал со вздохом директор школы, седой

шестидесятилетний мужчина, аккуратный и уставший, и глянул в блокнот, где была, видимо, записана моя фамилия.— Семен Степанович Мозговой, если не ошибаюсь? Присаживайтесь. Как устроились? Или вы всего на день?

— Не знаю,— выдохнул я и ощутил непреодолимое желание уехать из этого чертова Уктюжа куда угодно и немедленно. Мне здесь больше разбираться не с чем: я выяснил, что Октярина Васильевна Пых на уроках литературы действительно режет лягушек, теперь дело за комиссией.

— Как я понимаю, пойдут комиссии,— сказал директор, будто угадав мои мысли.— Ну и ладно: одной комиссией больше, одной меньше — какая разница. А Октярина Васильевна — опытный педагог. Может, и перегнула с лягушкой, только сейчас никто не знает, как учить. Я сорок лет работаю в школе, и сорок лет никто не знает, как учить...

Директор еще раз покосился в блокнотик:

— Семен Степанович, что ж, не смею задерживать. Будут проблемы — заходите. Я вам вот что скажу: упустили мы ребятшек в застойные времена, упустили. Теперь надо наверстывать. А для этого требуются твердая рука и дисциплина. Так что, между нами, я Октябрину осуждать не склонен.

Я отметил командировку у секретарши и вышел на школьный двор, где меня ждала Октярина Васильевна, зябко кутаясь в полушубок, который она, видимо, носила и зимой, и осенью.

На скамейке, тесно прижавшись друг к другу, как одно многоголовое темное животное, сидели ребята. Я уже не сомневался: те самые, что написали письмо.

От компании отделился невысокого роста белобрысый парень и робко пошел в мою сторону.

«Надо обязательно поговорить с ребятами»,— подумал я, но Октярина Васильевна подскочила, взяла под руку, и снова понесла меня невероятная эта энергия.

— Мы с отцом живем вдвоем. Он человек немолодой, так что извините, если что...

Она умолкла на середине фразы и, не проронив больше ни слова, крепко вцепившись в мой локоть, властно потащила меня за собой.

Деревянные заборы чередовались с каменными домами. Из дома вышла женщина с ведром в руках. Постояла на крыльце, поглядела на небо, улыбнулась, вздохнула полной грудью, после чего выплеснула чуть ли не под ноги нам помой, еще раз улыбнулась хорошей, доброй улыбкой и прошла к дому, вилля обильным задом.

Октярина Васильевна жила в неказистом и неудобном пятиэтажном доме. Мы поднялись на четвертый этаж. В темном коридорчике я решал проблему: помочь снять полушубок или в моем положении это может быть неверно истолковано. Пока размышлял — учительница сняла его сама и пригласила меня в большую комнату.

В мягком широком кресле сидел небольшой старичок и читал «Зарубежный детектив». Как только мы

вошли, он положил книжку обложкой вниз, будто застеснявшись, что застали его за столь несерьезным занятием.

Старичка звали Василием Петровичем. Взгляд он имел ясный и острый, я бы сказал — пронизывающий. Мой приход явно не был для него неожиданностью: белая рубашка с огромным красным галстуком, костюм, орденская планка на пиджаке.

— Ну что, дочку мою приехали проверять? — грозно спросил Василий Петрович, когда упомянутая дочка вышла на кухню. Я счел вопрос нелепым, как, впрочем, и всю ситуацию, и потому не стал отвечать, лишь оглядел комнату от скуки.

Первое, что бросалось в глаза,— большой портрет Сталина. Точнее, не портрет, а фотография с обложки старого «Огонька». Сталин стоял на трибуне Мавзолея и держал на руках девочку. Девочка улыбалась. И Сталин тоже улыбался. Фотография пожелтела от времени, но улыбки все равно были очень живые, хотя и не очень веселые.

Рядом с фотографией Сталина висел маленький портретик Тургенева.

Василий Петрович, кивнув в сторону фотографии, спросил:

— Не одобряете? Я знаю, как сейчас к Сталину относятся. Газеты небось читаю. Только я вот что скажу вам, молодой человек из центра, идеалов юности я не предаю.

«И не предавай на здоровье, мне-то что?» — хотел я ответить, но сдержался. Было совершенно ясно, что Октярина Васильевна привела меня сюда не обедом кормить, а проповедями своего отца. Я вообще заметил: чем дальше от больших городов, тем больше верят люди в силу слов.

Только я не думал о вере, мне хотелось быстро пообедать и уйти.

— Относитесь к Сталину как угодно — это дело ваше. Давайте лучше о Тургеневе поговорим, по-моему, приятнее,— произнес я как можно вежливее.

Старик улыбнулся:

— В нашей семье это любимый писатель. Пророк, я бы сказал. Помните, Базаров говорит: «Сначала нужно место расчистить»? Никакие слова не напоминают? «Весь мир насилья мы разрушим до основания...» А? Каково? Похоже? Только кто ж будет разрушать? Эти, что ли, разукрашенные мужики?

— Мне кажется, давно наступила пора строить,— попытался я возразить, впрочем, без особого энтузиазма.

— Строить? Верно. А чтобы строить, что нужно? Для всякого хорошего дела сила нужна, молодой человек из центра. Мы, может, боимся в этом признаться, только все одно: силу боготворим. Какое у нас самое почетное слово? Ударник! Все от того же — от силы.

Когда начинают умничать таким вот образом, меня это ужасно раздражает. Я вспыхнул уже не на шутку:

— У нас, Василий Петрович, страна Советов, а не страна ударов!

— А вот за Советскую власть меня не надо агитиро-

БРЕЖНЕВ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ЭПОХА ИНОГДА ТРЕБУЕТ СЛАБЫХ ВОЖДЕЙ

В первые годы после революции партийный актив вел напряженную и смертельно опасную борьбу под руководством Ленина. Но никто не оспаривал авторитета Ленина. Это были еще молодые и сильные люди, полные энтузиазма. Они были воодушевлены своей ролью в революции. К тому же среди них существовала глубокая вера, что только Ленин, который был основателем партии и главным создателем ее теории, сможет вывести партию и молодое Советское государство из тех невероятно трудных ситуаций, в которых они оказались в начале 20-х годов. Они работали не щадя себя, на износ, но не знали страха.

Большинство этих людей из «ленинской партийной гвардии» были физиче-

только благосклонность Хрущева, но и был сражен инсультом, Хрущев долго колебался при выборе своего нового фаворита. В конечном счете выбор его пал на Брежнева, который и был избран секретарем ЦК КПСС. Хрущев имел очень крепкое здоровье и рассчитывал еще долго оставаться у власти. Между тем сам Брежнев был недоволен этим решением Хрущева, хотя перемещение в Секретариат увеличивало его реальную власть и влияние. Он не жаждал окунуться в крайне трудную и полную хлопот работу секретаря ЦК. Не Брежнев был организатором смещения Хрущева, хотя он знал о готовящейся акции. Среди главных ее организаторов не было согласия по многим вопросам. Чтобы не углублять разногласий, которые могли сорвать все дело, они согласились на избрание Брежнева, предполагая, что это будет временным решением. Леонид Ильич дал свое согласие.

Фото Алексея ГОСТЕВА

Рой МЕДВЕДЕВ

После войны Брежнев был обязан своим продвижением Хрущеву, о чем тщательно умалчивает в своих воспоминаниях. В книге «Возрождение» упоминается имя Сталина, но ничего не говорится о Хрущеве. Работая на Украине, Брежнев, конечно, очень часто вспоминал о Хрущеве. Так, например, 13 октября 1946 г. в газете «Большевик Запорожья» Брежнев писал: «Великая поддержка оказана области со стороны ЦК КП(б) и правительства Советской Украины во главе с верным соратником великого Сталина Никитой Сергеевичем Хрущевым».

После работы в Запорожье Брежнев, также по рекомендации Хрущева, был выдвинут на пост первого секретаря Днепропетровского обкома партии, а в 1950 г. — на пост первого секретаря ЦК КП(б) Молдавии. На XIX съезде партии осенью 1952 г. Брежнев как руководитель молдавских коммунистов был избран в состав ЦК КПСС. На короткое время он вошел даже в состав Президиума (кандидатом) и Секретариата ЦК, которые были значительно расширены по предложению Сталина. Во время съезда Сталин впервые увидел Брежнева. Старый и больной диктатор обратил внимание на крупного и хорошо одетого 46-летнего Брежнева. Сталину сказали, что это партийный руководитель Молдавской ССР. «Какой красивый молдаванин!» — произнес Сталин. 7 ноября 1952 г. Брежнев впервые поднялся на трибуну Мавзолея. Вплоть до марта 1953 г. Брежнев, как и другие члены Президиума, находился в Москве и ждал, когда их соберут на заседание и распределят обязанности. В Молдавии он был уже освобожден от работы. Но Сталин так ни разу и не собрал их.

После смерти Сталина состав Президиума и Секретариата ЦК КПСС был немедленно сокращен. Из состава был

выведен и Брежнев, но он не вернулся в Молдавию, а был назначен начальником Политуправления Военно-Морского Флота СССР. Он получил чин генерал-лейтенанта и должен был снова надеть военную форму. В ЦК Брежнев неизменно поддерживал Хрущева.

В начале 1954 г. Хрущев направил его в Казахстан руководить освоением целины. Он вернулся в Москву только в 1956 г. и после XX съезда КПСС стал снова одним из секретарей ЦК и кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. Брежнев должен был контролировать развитие тяжелой промышленности, позднее оборонной и аэрокосмической, но все главные вопросы решал лично Хрущев, а Брежнев выступал как спокойный и преданный помощник. После июньского Пленума ЦК в 1957 г. Брежнев стал членом Президиума. Хрущев ценил его лояльность, но не считал достаточно сильным работником.

После ухода на пенсию К. Е. Ворошилова Брежнев стал его преемником на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В некоторых западных биографиях это назначение оценивается едва ли не как поражение Брежнева в борьбе за власть. Но в действительности Брежнев не был активным участником этой борьбы и был очень доволен новым назначением. Он и не домогался тогда поста главы партии или правительства. Он был вполне удовлетворен ролью «третьего» человека в руководстве. Еще в 1956—1957 гг. ему удалось перевести в Москву некоторых людей, с которыми он работал в Молдавии и на Украине. Одними из первых были Трапезников и Черненко, которые стали работать в личном секретариате Брежнева. В Президиуме Верховного Совета именно Черненко стал начальником канцелярии Брежнева.

В 1963 г., когда Ф. Козлов потерял не

БРЕЖНЕВ

ЛИДЕРА ЗАСТОЯ

ски истреблены Сталиным во второй половине 30-х годов. На их место Сталин выдвинул более молодых, но и более покорных руководителей, которых он заставлял работать до изнеможения. Многие из руководителей этого «сталинского поколения» оказались в профессиональном отношении хорошими администраторами, но почти все они испытывали огромный страх перед Сталиным, так как он продолжал практиковать и против них самый жестокий террор, хотя и в меньших масштабах. Люди из аппарата партии и государства часто даже боялись продвижения вверх, чтобы не оказаться в слишком опасной близости к Сталину. Даже члены Политбюро испытывали страх при каждом вызове к Сталину. Неудивительно, что сталинский партийный актив устал не столько от работы, сколько от этого постоянного страха за свою жизнь. Именно поэтому эти люди поддерживали Хрущева, который реши-

тельно выступал против продолжения террора и репрессий.

Но и Хрущев оказался совсем не таким человеком, который мог бы удовлетворить уже сложившуюся партийно-государственную элиту. И дело было не столько в том, что, обладая феноменальной работоспособностью, Хрущев почти всех работников управления заставлял работать с очень большим напряжением. Хрущев не любил бюрократию и боролся с ней, хотя и не прибегал к террору. Он непрерывно проводил различные реформы, менял учреждения и руководителей, сократил привилегии высших администраторов и ввел в Устав партии принцип обязательной сменяемости партийных руководителей. Руководящий состав партии и государства устал от этих реформ, от страха потерять если не свою голову, то свою должность, от непрерывных перемены и неуверенности в своем будущем.

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

После смещения Хрущева высший партийно-хозяйственный аппарат уже не хотел слишком сильного лидера. Эти люди хотели более спокойной жизни и более спокойной работы. Они хотели стабильности в своем положении и уверенности в будущем. Среди основного состава ЦК партии опасались каких-либо новых «сильных» руководителей, подобных Шелепину, о котором еще Микоян как-то сказал, что «этот молодой человек может принести слишком много хлопот». Но партийная элита не слишком симпатизировала и таким догматам и аскетам, как Суслов. Ее вполне устраивал именно слабый и доброжелательный руководитель, не обладающий ни сильным интеллектом, ни сильной волей. Эта жажда стабильности и выдвинул Брежнев лозунг «стабильности» полностью совпадали.

Один из моих знакомых, часто сопровождавший как Хрущева, так и Брежнева в их поездках по Советскому Союзу, рассказывал, что Брежнева встречали на различного рода партийных активах гораздо более приветливо, чем Хрущева, приезд которого обычно воспринимался как визит строгого ревизора. Визиты Брежнева были своеобразной демонстрацией единства между ним и партийно-государственной бюрократией на местах. Опираясь на поддержку этой бюрократии, Брежнев постепенно удалял из Политбюро людей с политическими амбициями. Так были удалены А. Н. Шелепин, Г. И. Воронов, К. Т. Марузов, П. Е. Шелест, Д. С. Полянский.

ЩЕСЛАВИЕ БРЕЖНЕВА

Оказавшись во главе партии и государства, Брежнев, как можно судить по его поведению, постоянно испытывал комплекс неполноценности. В глубине души он все же понимал в первые годы своей власти, что ему не хватает многих качеств и знаний для руководства таким государством, как Советский Союз. Его помощники уверяли его в обратном, ему стали льстить, и чем с большей благодарностью Брежнев воспринимал эту лесть, тем более частой и непомерной она становилась. Постепенно она стала нужна ему, как постоянная доза наркотиков.

Стали создаваться и различного рода мифы, особенно вокруг военной биографии Брежнева. Как политработник Брежнев не принимал участия в наиболее крупных и решающих сражениях Отечественной войны. Один из наиболее важных эпизодов в боевой биографии 18-й армии — это захват и удержание в течение 225 дней плацдарма южнее Новороссийска в 1943 г., получившего название «Малая земля». В боях на Малой земле принимала участие не вся армия, а лишь ее десантные части. Штаб армии и ее политотдел находились на Большой земле в относительной безопасности. Как можно судить по небольшой книжке Брежнева, он был на Малой земле всего два раза, один раз с бригадой ЦК партии, другой раз для вручения партийных билетов и наград солдатам и офицерам. В большой документальной повести Г. Соколова «Малая земля», автор которой, как говорится в предисловии, «все семь долгих месяцев находился на Малой земле», мы можем найти всего два упоминания о Брежневе — «худом полковнике с большими черными бровями». Однако со второй половины 70-х годов этот героический, но малозначительный в общем масштабе войны эпизод стал безмерно увеличиваться, о нем писали и говорили больше, чем о других действительно великих сражениях войны. Книжечку Брежнева включили в список обязательной литературы для изучения в средней школе, в вузах и системе партийного просвещения. Непомерно преувеличивалась и роль самого Брежнева в боях на Малой земле. Конечно, поездки на Малую землю были сопряжены с большой опасностью. Как писал еще в 1958 г. С. Борзенко: «Однажды сейнер, на котором плыл Брежнев, напоролся на мину, полковника выбросило в море, и там его в бессознательном состоянии подобрали матросы».

В книге Г. Соколова можно также прочесть: «Солдаты сказали мне, — продолжал Зеленцов, — что в сейнер, на котором плыл сюда Брежнев, попал снаряд, полковника взрывной волной сбросило в море. Моряки нырнули, спасли. Без сознания был...»

— Молодцы моряки! — с явной гордостью произнес Петраков».

В своей книжке «Малая земля» сам Брежнев лишь мимоходом упоминает об «апрельских боях», последовавших за памятной переправой, «когда мне пришлось искупаться в воде». Но в огромном потоке статей, брошюр и воспоминаний о Малой земле можно было позднее найти описание того, как сброшенный взрывной волной в море полковник Брежнев не только сам выбирается на корабль, но и помогает выбраться из воды контуженному матросу.

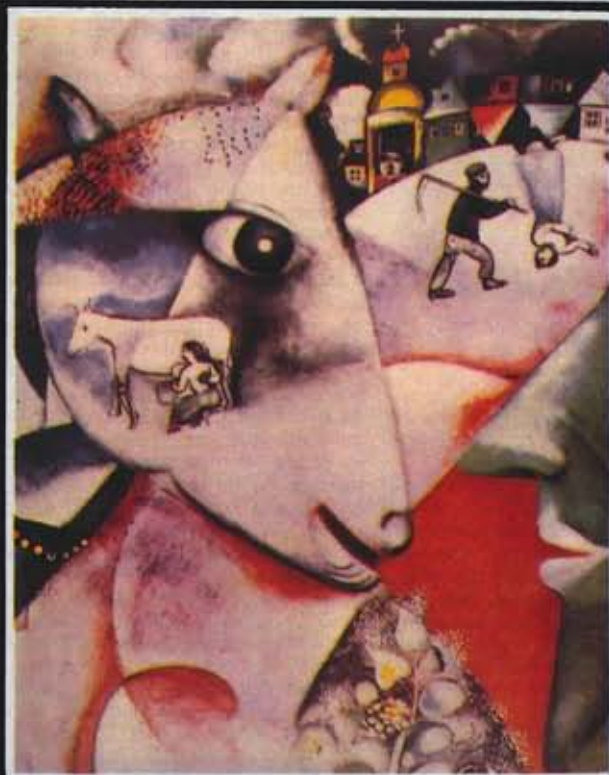
Торжественные церемонии, присвоение Новороссийску звания города-героя, открытие громадного мемориала, организация музеев, посвященных именно боевому пути 18-й армии, — все это настолько превышало разумную меру, что дало пищу многочисленным насмешкам, которые рождались и в военной среде. Даже участок под Москвой, где была выстроена большая дача Брежнева, а рядом дачи его дочери, сына и внуки, окрестные жители называли «Малой землей».

Не уважение, но только насмешки вызывала и удивительная склонность Брежнева к мишуре внешних почестей и наград. Я уже писал, что после войны на груди генерал-майора Брежнева было всего четыре ордена и две медали. После войны еще при Сталине Брежнев был награжден орденом Ленина. За 10 лет хрущевского руководства Брежнев был награжден орденом Ленина и орденом Отечественной войны I степени. Однако после того, как сам Брежнев пришел к руководству страной и партией, награды стали сыпаться на него как из рога изобилия. К концу своей жизни он имел орденов и медалей гораздо больше, чем Сталин и Хрущев, вместе взятые. При этом он очень хотел получать именно боевые ордена. Ему четыре раза было присвоено звание Героя Советского Союза, которое по статусу может присваиваться только три раза (лишь Г. К. Жуков был исключением). Десятки раз он получал звания Героя и высшие ордена всех социалистических стран. Его награждали даже орденами стран Латинской Америки и Африки. Брежнев был награжден высшим советским боевым орденом «Победа», который вручался только крупнейшим полководцам, и при этом за выдающиеся победы в масштабах фронтов или групп фронтов. Естественно, что при таком количестве высших боевых наград Брежнев не мог удовлетвориться званием генерал-лейтенанта. В 1976 г. Брежневу было присвоено звание маршала СССР. На очередную встречу с ветеранами 18-й армии Брежнев пришел в плаще и, войдя в помещенье, скомандовал: «Внимание! Идет маршал!» Скинув плащ, он предстал перед ветеранами в новой маршальской форме. Указав на маршальские звезды на погонах, Брежнев с гордостью произнес: «Дослужился!»

Во время похорон советских лидеров принято нести их награды, приколотые к небольшим бархатным подушечкам. Когда хоронили Суслова, пятнадцать старших офицеров несли за гробом его ордена и медали. Но у Брежнева было больше двухсот орденов и медалей! Пришлось прикреплять на каждую бархатную подушечку по несколько орденов и медалей и ограничить почетный эскорт сорока четырьмя старшими офицерами.

Не обладая даже малейшей долей ораторского таланта, Брежнев стремился чуть ли не еженедельно выступать с речами или докладами, которые транслировались телевидением по всей стране или включались в специальные выпуски кинохроники. Разумеется, все это только вредило его репутации, но могло служить и наглядной иллюстра-

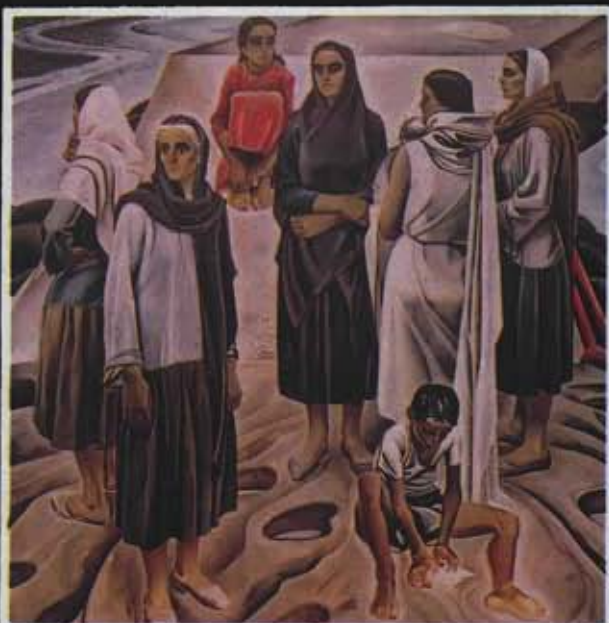
ЖИВОПИСЬ XX ВЕК

1

2

3

4

5

6

В третьей — заключительной — части нашей Анкеты мы предлагаем читателю жанр тематической картины. Но сначала несколько слов о другом. Это не анекдот, не легенда. Это быль, которая многое объяснит.

В северной деревне жила-была старая женщина. Она писала картины, изображавшие окружающий ее мир — птиц, зверей, которые не только радовали односельчан, но, как оказалось, претендовали на большую аудиторию. Тогда-то и приехал к ней некий инструктор из областного центра наставить на путь истинный. «Что это у тебя? — спросил он. — Лошадь не лошадь, лев не лев. Да такого зверя нет!» «А если бы был, зачем бы я стала его делать?» — ответила старая женщина. Кто же они, эти двое? Первый — человек, требующий от искусства главного и единственного, на его взгляд, качества — «похожести». Вторая — художник, в реплике выразившая самую суть современного искусства. Но интересно и другое.

Возможно, старая эта женщина никогда не слыхала об Анри Матиссе, который в начале века сформулировал принципы языка современной живописи: «Точность воспроизведения предметов реального мира не есть правда в искусстве». По всей видимости, не знала она и о словах самого, быть может, знаменитого художника XX столетия Пабло Пикассо: «Я изображаю мир не таким, ка-

7

10

8

11

9

12

ким его вижу, а таким, как его мыслю». А между тем именно так творила, так писала свои картины старая русская крестьянка, к неудовольствию областного инструктора, для которого слайды, как бы наклеенные на холст, были пределом вкуса.

Забудем, однако, об уходящем в прошлое «областном инструкторе» и дадим слово прозе поэта: «Дыхание времени... совсем особенно сложилось угол зрения новых художников... Все сместилось и перемешалось, старое и новое, церковь, деревня, город и народность. Это был несущийся водоворот условностей, между безусловностью оставленной и еще недостигнутой, отдаленное предчувствие главной важности века — социализма — и его лицевого события, русской революции».

Эти принадлежащие Борису Пастернаку слова нужно рассматривать как своеобразный камертон, с помощью которого можно сверять собственный взгляд на развитие живописи XX века. Тогда понятным станут, что исторические силы эпохи меняют не краски, не холст и даже не технические приемы живописи, а эстетику и самый «угол зрения» художника на мир, который диктует ему новый пластический язык.

В конце 50-х — начале 60-х годов — после многолетнего застоя, отмеченного в нашем искусстве многометровыми парадными полотнами, где все было благобно, улыбочиво, — наша живопись как бы очнулась от спячки, и тогда появился в лице молодых художников (Андропова, Никонова, Полкова и других) так называемый «суровый стиль». Тогда он был принят в «штыки». Зрители да и многие критики ломали колья в битве за право его существования. Но новый и непривычный для тех лет живописный язык сегодня уже не вызывает споров. Споры породили современные, особенно молодежные, выставки. Что будет дальше? Поживем — увидим. Но не следует ли из уроков прошлого вывод, что терпимость — первый шаг и в то же время путь к познанию, в том числе и живописи?

Завершая сегодня Анкету, мы ждем ваших ответов на ее вопросы, чтобы начать на страницах «Смены» серьезный разговор о живописи XX века и ее мастерах.

Пожалуйста, ответьте: какие работы понравились вам больше, какие меньше, что вы принимаете, с чем не согласны и почему. Прежде чем ответить на каждый вопрос, прочтите все варианты предлагаемых ответов.

В каждом вопросе подчеркните один вариант ответа.

Мы сознательно опустили названия работ, имена авторов (они будут опубликованы позже), потому что надеемся, среди вас найдутся знатоки, которые сами поставят подписи под репродукциями. Подчеркиваем, это отдельное задание. При заполнении анкеты не обязательно указывать названия работ. Тех, кто правильно назовет наибольшее число представленных в этом номере картин и их авторов, ждут специальные призы «Смены».

Заполненную анкету аккуратно вырежьте, вложите в конверт и отправьте по адресу: 101457, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена».

Учитываются анкеты, отправленные не позднее 15 июня.

Ждем ваших писем!

ОТ РЕДАКЦИИ Выражаем благодарность искусствоведу, заслуженному деятелю искусств РСФСР В. И. Костину за помощь в подборе иллюстраций для Анкеты.

// НА ПОИМЫЙ

1) Какие из представленных произведений вам нравятся больше, какие меньше? Расставьте все работы по номерам в порядке предпочтения от большего к меньшему.

- 1 _____
- 2 _____
- 3 _____
- 4 _____
- 5 _____
- 6 _____
- 7 _____
- 8 _____
- 9 _____
- 10 _____
- 11 _____
- 12 _____

2) Объясните причины выбора трех наиболее понравившихся.

3) Назовите имена трех современных художников (советских или зарубежных), чье творчество привлекает вас.

4) Считаете ли вы себя достаточно эстетически подготовленным зрителем? Да. Нет.

5) Когда вы последний раз были в картинной галерее (музее)?

- никогда не был;
- лет десять назад;
- приблизительно год назад;
- месяц назад или меньше.

6) Если бы вы были ограничены во времени, что бы вы в первую очередь предпочли? Отметьте три занятия в порядке предпочтения (1, 2, 3) по степени значимости для вас:

- пойти в парк;
- пойти в театр;
- пойти на выставку современного искусства;
- пойти в клуб;
- пойти в художественный музей;
- пойти в цирк;
- пойти на концерт классической музыки;
- пойти в кинотеатр;
- пойти на концерт рок-музыки;
- пойти в дискотеку;
- остаться у телевизора;
- посидеть с книгой.

Сообщите некоторые сведения о себе, подчеркнув необходимое:

7) Ваш пол:

- мужской;
- женский.

8) Возраст:

- до 16;
- 17—20;
- 21—25;
- 26—30;
- 31—35;
- 36—60;
- 61 и старше.

9) Где вы живете?

- в Москве, Ленинграде;
- в городе с населением свыше 1 миллиона;
- в городе с населением от 500 тысяч до 1 миллиона;
- в городе с населением от 100 тысяч до 500 тысяч;
- в городе с населением от 10 до 200 тысяч;
- в сельской местности.

10) Мнения художников и искусствоведов о современном искусстве часто расходятся с оценками зрителей. Чем вы это объясняете?

- зрители недостаточно эстетически подготовлены;
- в нашем веке художники утратили необходимые для подлинного искусства реализм, пространственную глубину и четкость очертаний;
- зрители больше интересуются сюжетом произведений, а художники и искусствоведы — образным языком;
- искусство во все времена опережало ожидания публики;
- истинное искусство понятно всем;
- зрители большей частью судят по законам классического искусства, а художники постоянно стремятся выдвинуть новые критерии.

Заранее благодарим вас!

Елена АНДРЕЕВА

НА СТЫКЕ ВЕКОВ

Чего мы ждем на стыке двух веков?
Какими станем в

двадцать первом веке?
Не подорвем ли мы наш общий кров?
Не изведем ли мы леса и реки?

Нам не хватает нынче простоты,
а в ней одной —

извечного задатки.
Нам не хватает нынче доброты,
и меж людьми все яростнее схватки.

Где правит сила — там не жди добра!
И добротой злоупотребляют...

На стыке двух веков понять пора —
лишь доброта всеисильная спасает.

ПИСАТЕЛЬ НА ОБОЧИНЕ

Писатель на обочине... —
случается и так,
и мысль его отточена,
и стиль его — не брак,

и смелостью недюжинной
отмечено перо,
он и трибун, и
труженик,
да вот — «не повезло».

Ведут колонны шумные
другие — а куда
шли толпы многолюдные,
поймут через года.

Кто оттеснил к обочине
талантливых людей,
зачем забить их хочется —
узнается поздней,

когда не групповщиною,
не завистью слепой
жить станут, а единою
лишь правдою святой.

Писатель на обочине... —
боролся он, горел,
ему при жизни прочили
безрадостный удел
и обделили славою...
но Летопись времен,
правдивую и главную,
оставит людям он.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОСПЕКТ

Летят машины, снег кружится.
И, как от бега рысаков,
взлетают вихри, пар клубится,
окутать весь проспект готов.

Тридцатиградусным морозом
одето все в белесый цвет.
Дома в сугробах, как утесы.
Асфальт в коварный лед одет.

И, словно в юности далекой,
поет восторженно душа...
Ты помнишь,
как в мороз жестокий
кричал:

«Погода хороша!» —
как мы бежали по сугробам
в такой же вечер и мороз?
Как в счастье верили мы оба!
Бег дней бесстрастных
все унес...

Я для тебя давно чужая,
а ты и нынче мне — родной...
Летят машины, снег взметая,
мне возвращая голос твой...

Вадим РАБИНОВИЧ

ПРАЗДНИКИ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ

В праздник Троицы или Успенья,
В Рождество или в Яблочный Спас
Золотые стоят воскресенья,
Как начищенный иконостас.

Затеваются праздник престольный.
Синим светом горит самогон.
Переходит трезвон колокольный
В колокольцев малиновый звон.

И никто не вспомнит о боге.
Шапки оземь... Какой уж там бог!
Кони скачут по санной дороге.
Завевают снежок-ветерок.

Покачнувшиеся ограды.
Под полозьями выгнутый наст.
Замечательные обряды
Были в старой деревне у нас...

Кони пали. Глаза отблестели.
Церковь ветхую ветром смело.
Сколько зим отпевают метели
Бездыханное наше село!

И взамен озорного веселья,
Отлетевшего, словно листва,
Назначаются на воскресенья
Сверху спущенные торжества:

День жестианщика, День лесоруба,
День стекольника или ткача...
В тесном сумраке сельского клуба
Надрываются медные трубы.
Барабаны идут грохоча.

ГУСИНОЕ ПЕРО

Когда долу склонятся деревья,
Тополь станет листву осыпая,
Очините гусиные перья,
Чтоб крылатые строки писать,
Чтобы буквы и те,

чтоб крылатые,
Как крылат и серебрянен снег.
А теперь вот —
Такой, видно, век —
Самопишущие агрегаты,
Огнедышащий человек.
Девятнадцатый...

Милое время
Пешеходов и праздных гуляк.
Трость купите. Снимите пиджак.
Закажите цилиндр и фрак.
И по Сретенке

в день воскресенья
Приведите людей в удивленье,
Марсианин, Поэт и Чудак.

Подойдет к вам немедленно
дружинник.

И подкатит милиционер.
Оштрафует на рупь иль полтинник,
Что являетесь скверный пример
Для зеленой еще молодежи,
Что цилиндр и фрак, мол, старо.
Доведут вас до гнева и дрожи.
Белой птицы отымут перо...
Вам, униженному поневоле,
Ничего не останется боле,
Как презрением их наказать,
Но презрения им не понять.

ЛИЦО ЖЕНЩИНЫ

Пламя перца — черный бисер мака.
Алый жар — клонение ко сну.
Вальс танцуем под фанфары марша.
Брейк — под деревянную луну.

Бодрствуем под мерный счет
зегзиги.

Спим под скрежет электропилы...
Но вчера я видел: две девицы
Пили зелен чай из пиалы...

Губы мраморны, а маки жарки.
Только взор косящий —
невзначай...

Две румянолицые татарки
Пили из пиалы зелен чай.

Небеса, как синий бубен, гульки.
Золотые — веером — лучи.
Все в порядке,

если две гуцулки
Пьют свои гуцульские чаи.

Марья, Мариники и Маринки,
Маринэ, Марьяны, Мняваре...
Если две, о господи, трузинки
Пьют свое мацони на жаре —

Все в порядке...
И контрасты сходят,
В мировое закружась яйцо,
В час, когда над пиалой
всходит

Женщины прекрасное лицо.

Владимир ТОПОРОВ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

— Отойди, не люблю!
Ты противный!..
Парень сжался на лавочке,
Сник.
Прогудел самолет реактивный,
Громыкнул за селом грузовик.

Но, далеким дорогам не вторя,
Жизнь мальчишки отныне —
Грустна:
В ней сирень захлебнулась от горя
И покинула воды луна.

...Будет взрослым.
И спросите:
— Кто так
Может имя и мир свой создать?
И таких он узнает красотою,
Впору маме спасибо сказать!

Но, поездив по белому свету,
Он не сможет вовек позабыть

ВДОХ ДЫШУ..”

Конопатую девочку эту,
Что его не смогла полюбить.

ВЕСНА

Нынче, конечно же, не до сна
Вам — молодым, влюбленным.
Эх, до чего хороша луна
Над нашим микрорайоном!

Нету прекрасней сиянья глаз
В призрачном лунном свете.
Нынче все лавочки —
Лишь для вас,
Так что целуйтесь, дети!

Сладко в губах замирает боль.
Быстро минуты тают...
Трудные дети.
А вам легко ль,
Если детьми считают?

Но участковый сейчас не строг,
Что не совсем привычно.
Он на березке любой листок
Расцеловал бы
Лично!

Я вот и сам-то,
Любя луну,
Чую листвы движенья,
Снова целую
Свою жену —
До головокруженья.

Николай ЛУДЯКОВ

ПОЗИЦИЯ

Ты не смолчи,
если чья-то душа,
Как Пришибеевым, будет унижена
Чванством начальства, мурлом
торгаша
Или нахрапом чиновника-выжиги.
За сослуживца вступишь,
если впрок
Шеф ему дарит образчик
глумливости
Под лизоблюдский вокруг шепоток:
Строг, но отходчив, мол,
вспыльчив, да милостив.
Ты поднимись и за тех,
кто живет
Трудно, но с сердцем, не тронутым
подлостью:
Это они составляют народ,
Ибо народ — это каждый, кто
с совестью.
Пусть даже в зубы наотмашь дадут —
Не отступись, юшку красную
сглатывая,
Не обманись,
если сладенько врут,
Честный протест в обещаенья
заматывая.
Тут ведь не главное — в крик,
на дыбы!..
Поднадоели стране
горлопаны
С верным чутьем оркестровой
трубы —
Чтобы не поздно взречь и не рано.
Всем подлецам, людям застоящим
свет,

Стой поперек на их темной
тропиночке —
Без ожидания
легких побед
И прокуроров, спешаших на выручку.
Лишь не молчи —
даже если стена:
Выскажись — пусть второпях,
некрасиво...
Ибо народ —
это тех имена,
В ком сохранилась и длится Россия.

ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР

Бульвар гравюрным делают снега,
Когда легли — и опадают снова...
И ровным слоем светят облака
Над гранью дня и времени ночного.

И под рукой задумчивых снегов,
Стеревших краски, яркие, дневные,
Ясней прямые контуры домов
И резче веток линии кривые.

И чувствую я родственность всего
Со всем на свете. И всего — со мною.
А в чем причина — снега ль
торжество
Над многолюдной жизнью
городскою?

Иль вышла жизнь к иному рубежу?..
Я снег как книгу бережно листаю,
В которой новь родной Москвы
читаю,
И, наконец, на полный вдох дышу —
Как будто жить впервые начинаю.

Дмитрий НЕЧАЕНКО

Выход к ночной электричке
в Подольск.
Меркнувший снег у тебя на ресницах.
Запорошенные стекла и лица,
и под ногами — раздавленный воск.

Медленно дрогнет состав на ветру.
Сядешь усталая возле окошка.
Если захочешь — продышишь дыру,
чтобы заметить начало Подольска.

Поезд устанет
качаться и плыть —
в белом безмолвье зеленая лента.
Я не устану тебя любить:
как не устанут
сменяться столетия,
как не устанут валиться снега
и поезда пробиваться к вокзалам.
Жизнь отзвучит и начнется
сначала —
с тоненькой ноты,
движенья смычка.

Мы похороним любимых людей.
Как ни жалей и ни мучься об этом —
не оторвать мне ладони детей
с мерзлых котлет
привокзальных буфетов.

Нас обманула привычка любить,
детская глупость делиться
и верить,
что у других это тоже болит.
Но не сошлись номера лотереек.
Нас наказала потеха ловить

фрукты — губами из губ,
как в подарок.
Не доедайте надкусанных яблок —
можно потом умереть от любви.

Мы расстаемся подобно камням,
что раскатились в безвестность
со склона.
Сонмы иных не волнуют меня,
ты-то там как, средь вертепа
мирского?

Время как листья снесет вдоль реки
наши слова, поцелуй и вечер.
Мы не останемся.

Каждый не вечен.
Новое время искупит грехи.

Что же останется?
Поезд в Подольск,
имя звенящее нежностью: Инна;
томик поэзии или картина;
за изголовьем пылающий воск;
там, на пропавших за дымом
вдали

снежных перронах, —
замерзшие люди,
вечный как миф,
кругосветный и лунный
путь возвращения в лоно Земли
и никому не дающий тепла
камерный свет прицепного вагона.
Души друг друга — запретная зона.
И никогда не любил я тебя.

РОДИЛЬНЫЙ ДОМ № 7

Всем нарасхват раздаются на
память
бирки на тонких тесемках, и вот —
бабушки плачут, ахают папы
и осторожно по кругу идет,
громко пища, драгоценная ноша.
Легкая музыка шпарит в такси.
Перед кордоном железной
вахтерши —

военный режим:
проси — не проси.
Рад человек — обещали квартиру —
молится, скомкав авоську: «Мамаш,
ну передайте арбуз и кефиру
в 48-ю, третий этаж».
...Как вы влетали в сонные Сочи
свадебным рейсом! На лестницах —
львы.

Кислый кефир —
за короткие ночи,
горькие губы быстрой любви.
«Теть, пропусти!» — хлопочет
матросик.
Ах, затянулся портовый роман
«Сутки на берег».
«Он тебя бросит», —
врали подруги, завидуя вам.
Два осторожных, как птицы, студента
мнут с коробкой конфет у дверей.
С куцей стипендии где алименты?
Женишься — тяга к учебе сильней.
Жэковский слесарь с дешевым
букетом

плачется в очередь, явно хорош:
«Баба, артистка, чудит — уже третий.
Хохма, опять на меня не похож...»
Вечер.
В авоськах горят апельсины.
Сцепщик вагонов с темна до темна
курит на лавочке: «Хочется сына!»
«Хочется кислого», — вторит жена.
Мир голосует — такси, кинозвездам,
партиям, ярким машинам послов.
В воздухе, пахнущем порохом,
бомбам
словно висит беззащитный заслон —

это парит
над тревожной планетой
перед скупыми на нежность людьми
в белых конвертах,
повязанных лентой,
благословенная почта любви.
Нас не даруют капуста и аист.
После ночных медицинских карет
простоволосые, плача и маясь,
матери нас производят на свет.
Карта Земли — не мишень

для ковбоя.
За скоростной уцепившись рычаг,
это гудит —

в живодернях и бойнях,
пальмовых пляжах и горных
ручьях —
неповторимое Время планеты,
где открывают как острова
люди друг друга
с трепетом ветви

лавра,
обветренного костра.
Фабрики впрок производят конфеты
и отравляющие вещества.

Михаил БЕЛЯЕВ

Гремят колокола. Не забывайся!
У пашни, у завода, у стола
Гремят колокола. Им отзывайся!
Дух предков перешел в колокола.

Гремят они в медь обращенным
хлебом:
Орда огнем на нивы напозгла.
И приняло гремящий облик небо
Колоколов: гремит над пиром зла.

Гремят колокола в каменоломнях,
И в кулаках нашлись колокола.
И, чтоб врагов сглотнула
преисподня,
При их громах метель мечей мела.

Колокола угнали смерч от света.
Их тронешь — раскалятся добела.
Чья жизнь еще их жаром не задета?
Стань *искрою, ища колокола!

Ищи их зовы! Сомкнуты и вещи!
Россия их опорой взшла.
Навстречу бедам
поднимайся резче —
Свободомысляще
Гремят колокола!

Ушедшие не подойдут ко мне,
Их не окликнуть словом никаким,
В тиши, как будто при одной луне,
Они идут по всем краям родным.

На них искрится вечная роса.
Они прошли и через жизнь и смерть.
Увидятся, когда, закрыв глаза,
Смертельно захочу их рассмотреть.

Мне боли их тревожные нужны,
Как к собственным раздумиям
ключи,
Без этой с болью предков тишины
Свои на солнце не найду лучи.

...Какие фильмы прежде всего стараются посмотреть новоиспеченные владельцы индивидуальных видеомагнитофонов? Ну, конечно же, боевики, фантастику, зротику, ужасы... Причем вне зависимости от личных вкусов и привязанностей — просто потому, что наконец-то для них открылась дверь в большой кинематограф, потому что все «заповедные» жанры интересны. «Смена» уже писала о проблемах, связанных с экспертной оценкой зрительских и порнофильмов (№ 6, 1989 г.). В этом номере мы продолжаем разговор о видеокультуре. Наш корреспондент Евгений ФЕДОРОВ беседует с кандидатом философских наук, кандидатом искусствоведения, председателем экспертной комиссии по уголовным делам, связанным с видеопродукцией, Владимиром БОРЕВЫМ.

щих под дефиницию «насилия и жестокости», сам образ революции в обобщенном виде — насилие, но насилие особого рода: класса над классом. Соответственно и фильм, воспевающий революцию, как и многие другие ленты, рассказывающие о диктатуре пролетариата, есть не что иное, как пропаганда классового насилия.

Поэтому при оценке любого экранного насилия нельзя не учитывать его социально-классовые корни. Только выяснив связь различных видов жестокости и насилия с интересами определенных групп, можно определить их подлинную природу. В экранной борьбе героев-антагонистов, как правило, добро борется со злом, порядочность с предательством, справедливость с беззаконием и т. д. Средства в этой борьбе используются самые разные, порой очень жестокие, но тем не менее такого рода борьба наделена гуманистическим пафосом. Поэтому и утверждение культа силы не есть пропа-

неприятель к насилию и жестокости, либо утвердить победу добра над злом, либо выразить такую простую истину, что если бьют, надо давать сдачи. Хотя я не исключаю отрицательного влияния этих картин на определенные группы зрителей.

— Если стоять на этих позициях, то выходит, что даже такие фильмы, как «Пятница, тринадцатое», «Ад каннибалов», «Зомби», «Шизоид», «Экстро», «Дом на краю кладбища», «Зловещие мертвецы» и т. д., не пропагандируют культ насилия и жесто-

НАСИЛИЕ С ИЩЕДУГОМ

— Итак, фильмы ужасов. Что же в этих картинах заставляет зрителя содрогаться от страха? Что такое «экранное насилие»?

— Главная опасность грозит видеозрителям отнюдь не с экрана. Дело в том, что в этих фильмах наиболее ярко и насыщенно представлены сцены «насилия и жестокости». А, как вы помните, статья 228¹ Уголовного кодекса РСФСР предусматривает наказание до 3 лет лишения свободы за распространение фильмов, пропагандирующих «культ насилия и жестокости». Поэтому и возникает вопрос: что же такое «экранное насилие»? Какова его сущность? Как правило, этим термином обозначают все случаи нанесения повреждений или иного ущерба персонажам, действующим на экране.

Однако для правильного понимания этого явления необходимо уяснить одну простую вещь: демонстрация на экране сцен насилия и жестокости не есть пропаганда этого культа, как сформулировано в статье 228¹ УК РСФСР. Ибо подобные сцены есть в очень многих советских фильмах, в картинах классиков мирового кинематографа. Говоря словами Сергея Эйзенштейна, этот «монтаж аттракционов» является неотъемлемой частью экспрессивного языка кино.

Скажем, в том же «Броненосце «Потемкин», помимо сцен, попадаю-

ганда культа насилия и жестокости...

— И тем не менее из-за этого страшного культа некоторые видеовладельцы отправились на «лесоповал», а остальным потенциально грозит эта участь... Так что же это за фильмы?

— Видимо, это фильмы, возводящие насилие и жестокость в ранг культа, философия которого сводится к проповеди этих явлений как единственной, основополагающей жизненной ценности. И, следовательно, эти картины должны насаждать в сознании зрителей идеалы этого культа средствами кинематографа без противопоставления иных жизненных ценностей в качестве альтернативных. И все это — со смакованием мучений, унижений человека, с натуралистическими подробностями его страданий... Естественно, без каких-либо намеков на социальную или художественную ценность произведения.

— Не могли бы вы назвать несколько зарубежных фильмов, отвечающих перечисленным признакам?

— Видите ли, я в процессе экспертной работы просмотрел более двух тысяч кассет, но ни одного фильма, пропагандирующего рафинированный культ насилия и жестокости, мне не попалось. Можно, конечно, сомневаться в художественной ценности этих картин, но, как правило, основная идея фильмов ужасов в том, чтобы либо вызвать

жестокости и, следовательно, их можно смотреть и показывать... Но ведь есть научные исследования, которые на фактах доказывают вредность влияния подобных картин, например, на неокрепшую психику подростков.

— Вы сейчас перечислили наиболее распространенные на видеокассетах фильмы ужасов. Но если вы заметили, то начало каждой картины предваряет заставка, на которой, кроме названия ленты, указан еще и возраст — 14, 16, 18, 21, — до достижения которого эту конкретную картину смотреть не рекомендуется. На Западе, где видеопродукция играет огромную роль в жизни общества, развита и культура ее потребления. Фирмы-производители заботятся о том, чтобы каждая их лента попала строго по назначению. (У нас же в условиях перманентного дефицита видеопрограмм всякое процветает всеядность, которая в определенных условиях может привести к «видеоотравлениям»...)

Если, например, ребенка кормить долгое время сильно перченным супом, то он будет плакать, кашлять, потеряет аппетит и может даже заболеть. То же — и с пищей духовной. Взрослый человек посмотрит фильм с «перцем» без особых для себя последствий, подросток же может получить психическую травму...

Кстати, на просмотр большинства перечисленных вами фильмов «куль-

турный видеолюбитель» просто пожалеет время. Эти фильмы однотипны, слабы в художественном отношении, примитивны по задачам и идеям...

— ...но все-таки, как вы сами сказали, очень распространены среди владельцев видеомагнитофонов. Однако эти картины нельзя назвать совершенно безвредными...

— Дело в том, что есть ужасы и ужасы. Что такое для советского человека настоящий кошмар, ужас? Это такие сюжеты, как потеря партиябилета, ожидание на работе «телеги» из вытрезвителя в период оформления загранкомандировки и т. д. Страшно ли будет западному зрителю от такого «кино»? Скорее всего непонятно и скучно.

понимать, что, почему и откуда берет. Ведь очень многие фильмы ужасов являются, так сказать, кинопродолжением сказочных коллизий...

Неподготовленный же зритель в силу своего невежества пуглив и суеверен. И если он боится черных кошек, баб с пустыми ведрами, темноты, то, конечно же, он боится и киновампиров, дракул, зомби и прочей ерунды. И, конечно же, эти фильмы могут оказать отрицательное влияние на такого зрителя.

— Но, по-моему, и на человека, приобщенного к различным культурным ценностям, но ранее незнакомого с фильмами ужасов, все эти аномальные, мистические явления, воплощенные на экране, произведут, мягко говоря, сильное впечатление.

— И это вполне возможно, потому что за долгие годы наш зритель воспитывался на принципах социалистического реализма в кино, которые предполагают отождествление реальной жизни и художественной ткани картины. Вернувшись домой после профсоюзного собрания, человек включает телевизор и видит такое же собрание на голубом экране, придя в театр, он видит на сцене тот же сталеплавильный цех, что и у себя на работе, на экране в кинотеатре — те же бытовые трудности, что и в реальной жизни... И, конечно, если к изображениям на экране, воплощающим замыслы создателей фильма, подходить с позиций адекватного отражения реальности, то, вероятно, и искусство станет беднее, однозначней, примитивней, и зритель будет обделен познанием целого пласта творчества, предполагающего фантазию, игру, сказку...

Более того, в сознании наших зрителей художественное воплощение и само событие часто оценивались по идеологическому знаменателю реального события. Да и критика былых лет зачастую направлялась не на разбор художественных достоинств той или иной ленты, а на определение в первую очередь идеологической окраски факта или события, отраженного на экране. Я думаю, всем памятна «всесоюзные премьеры» бездарных картин, практика которых органично связана с подходом к киноискусству, утвердившемуся во времена культа личности.

Характерный для того времени пример: в фильме «Молодая гвардия» была занята группа выпускников ВГИКа — Н. Мордюкова, В. Тихонов, Б. Моргунов... Весь творческий коллектив, все актеры стали лауреатами Сталинской премии. Все, кроме одного, хотя он и был замечательным актером, хорошо справился со своей ролью... Но в фильме он играл предателя. Предатель не мог быть лауреатом. Такова уходящая в прошлое логика восприятия: тема фильма определяла значение его успеха.

И, естественно, зритель, привыкший к конкретике, не имеющий опыта восприятия нереального, сказочного, может, подойдя со «своим уставом» к фантастическому жанру, безусловно, и ужаснуться, и испугаться.

— Фильмы ужасов на Западе — один из самых популярных жанров. Чем объяснить эту популярность?

— Однажды я видел мультфильм, кажется, он называется «Котенок и щенок»... Так вот, в этом мультфильме такой сюжет: сидят щенок и котенок на крыше дома — ночь, гроза, сидят и дрожат от страха. Когда уж совсем

им стало не по себе, спустились вниз, в дом. А там тепло, уютно. Когда они обсохли, обогрелись, котенок говорит: «Пойдем еще побоимся?»

Желание пережить определенные острые эмоции было присуще человеку во все века. Зачем люди катаются на аттракционах? Чтоб дух захватило, чтоб совершенно безболезненно пережить остроту жизненных ощущений. Современному человеку, скажем, где-нибудь в центре Европы, окруженному благами цивилизации, живущему сыто и стабильно, нужны встряски, стрессы, чтобы нормально «функционировать». Экранные ужасы в данном случае выполняют компенсаторную функцию. И в таком аспекте можно говорить даже об определенной полезности этого жанра.

Кроме того, фантастические фильмы позволяют раскрепостить сознание, подготовить человека к встрече с явлениями странными, необъяснимыми... Кстати, не обремененное житейским опытом детское сознание воспринимает сказку лучше и естественнее, нежели сознание взрослого. Ведь если рассматривать сюжеты многих былин и народных сказаний, то они изобилуют «ужасами». Однако никому от этого не становится плохо.

К примеру, одна шведская сказка повествует о том, что принцесса должна каждый день бить 40 раз смоченной в соли веревкой заколдованного в дракона принца, чтобы, когда с него сойдет сорок шкур, он опять превратился в человека. И сказочная принцесса исправно исполняла свои обязанности... Если рассматривать этот сюжет с позиций «конкретного» восприятия, то кто-то усмотрит в этом деянии садо-мазохистский комплекс на сексуальной основе... Нормальные же люди и реагируют на подобный сюжет нормально.

— Владимир Юрьевич, существуют ли шедевры жанра фильмов ужасов, достойные внимания широкой общественности?

— Безусловно, в рамках этого жанра существуют и свои эталонные образцы... например, интересен один из значительных (судя по зрительскому успеху и кинокритике) фильмов ужасов — «Кошмар на улице Вязов». Смысл этой ярко снятой картины в том, что чем больше мы боимся некоего «ужаса», тем нам страшней, тем больше «ужас» властвует над нашей жизнью... Но как только мы перестаем пугаться — «ужас» исчезает. И если бороться до конца даже в самой безвыходной ситуации, то обязательно победишь. Вообще заповедь «Не бойся!» очень важна для нас сегодня...

— Сейчас наша критика празднует появление на экране отечественного фильма ужасов — «Господина оформителя»... Каковы перспективы развития этого направления в советском кинематографе?

— Я думаю, перспективы не очень радужные. По двум причинам: во-первых, фильмы ужасов, фантастические фильмы очень дорогие, а наши студии не располагают нужными средствами. Нет и навыка постановки таких фильмов, современного оборудования...

Во-вторых, я считаю, что нужда в таких фильмах возникает, когда общество достигает определенного жизненного уровня. У нас же вся жизнь пока еще пронизана различными «ужасами». Почитайте журналы, газеты — этого же никакой воспали-

ный мозг не выдумает! Я думаю, что пока будет в фаворе развлекательно-разоблачительный жанр — тем более в условиях перехода кинематографа на хозрасчет.

— Так, может, оно и к лучшему? Если зритель у нас неподготовленный... Снимать не умеем. Или же имеет смысл постепенно приучать зрителя к «заповедным» жанрам?

— Возможно... Но опять-таки я не считаю, что искусство может целиком сформировать человека. Пояню: долгие годы с высоких трибун у нас говорилось, что, например, молодежь наша в целом здоровая, но есть отдельные группы, которые попали под влияние западного искусства и давай подражать. Если человек сформировался, как преступник, то, конечно, он может извлечь из фильмов опыт ограбления сберкассы. Если как сексуальный маньяк, то просмотр эротической картины может стать для него импульсом для совершения преступления. Жизненные условия, среда делают человека, а искусство выполняет лишь корректирующую роль. Все зависит от уровня культуры зрителя, его восприятия. Глупо ждать от нормального человека, что после просмотра фильма, где убивают 200 человек, он пойдет и перережет весь свой трудовой коллектив.

Или фильмы о каратах. У нас они воспринимались компетентными органами как некие пособия по убийству, а для восточного зрителя — это фильмы «плаща и шпаги»: о благородных героях, которые используют народные методы борьбы с несправедливостью, предательством.

— В новую редакцию УК РСФСР статья 228¹, как уже говорилось, не войдет... Нет ли опасности, что фильмы ужасов заполонят все видеоклубы? Ведь их могут увидеть и дети, подростки...

— Безусловно, нужно создавать систему фильтров, которые отсеивали бы из общего потока фильмов картины, на которые будет жаль потраченного времени. Мне такие фильтры видятся в форме репертуарных советов, состоящих из специалистов, в полномочия которых входило бы рекомендовать или не рекомендовать тот или иной фильм для просмотра. Кстати, надо сказать, что сейчас мы имеем лишь опыт запрета под одним мотивом — мол, показывают в общественных видеоклубах всякую дрянь: фильмы ужасов, эротику... А ну-ка мы их прищучим. Но, с другой стороны, ВПТО «Видеофильм» — единственная государственная организация, занимающаяся видеопрограммами, — закупило для показа фильмы в большинстве своем старые и опять оставило зрителей без последних шедевров мировой классики. Например, особым достижением в объединении считают фильм «Красная жара», который назван в газете американских коммунистов «антисоветской поделкой», низкопробным кичем. Короче, настоящая «клюква». Однако то, что одним нельзя и наказуемо, для других «великое» достижение.

Вообще процесс становления видеокультуры у нас в стране протекает очень сложно, неоднозначно. И предугадать его перспективы трудно — издается масса постановлений, указов, директив, идет борьба мнений на всех уровнях. Однако не хочется касаться этой темы вскользь, мимоходом — она требует специального разговора...

Так же не страшны и западные ужасы нашим зрителям, если смотреть их трезвыми глазами. Существует такой видеоролик «Как делался «Триллер» (имеется в виду знаменитый видеоклип Майкла Джексона). Так вот в этой ленте очень четко и последовательно показаны все стадии создания фильма ужасов. Показана сказочная сущность этого жанра, атмосфера игры в ужас, если хотите...

И чтобы при просмотре таких фильмов ужасов все стало на свои места, нужно иметь ключ к прочтению этих картин, то есть зритель должен обладать определенным культурным потенциалом. Зритель должен знать, скажем, мифы, легенды, народные сказки... Он должен

БРЕЖНЕВ

цией деградации ораторского искусства у руководителей.

Известно, что Ленин никогда не писал заранее текстов своих речей и даже докладов на съездах партии. Он составлял лишь общие планы этих выступлений. Сталин готовился к своим выступлениям достаточно долго и тщательно. У него был слабый голос и сильно выраженный грузинский акцент, и далеко не все слова и фразы в его докладах были понятны слушателям. И хотя льстецы называли его великим оратором, он знал, что это не так. Поэтому он выступал очень редко, особенно в 30—40-е годы. Но, во всяком случае, его доклады и речи были его собственными произведениями. Хрущев выступал очень часто и мог ораторствовать 3—4 часа подряд. Это многословие вызывало нередко насмешки и даже раздражение. Но Хрущев не был простым чтецом. Он заранее собирал составителей той или иной речи и долго говорил им, какие главные тезисы должны быть отражены в подготовленном ими тексте. Но он мог произносить речи и без подготовленного заранее текста, вести импровизированные диспуты или пресс-конференции. К тому же Хрущев даже в самых ответственных выступлениях часто отступал от заранее составленного текста и начинал импровизировать.

Брежнев был простым чтецом подготовленных для него речей и докладов. Но даже и такое чтение давалось ему с большим трудом, он делал много ошибок при произношении слов. Брежнев терялся на публике или перед телевизионными камерами. Без бумажки он не мог произнести даже краткой приветственной речи при вручении ордена своим коллегам по Политбюро. Только однажды, в октябре 1971 г., во время государственного визита во Францию, где так высоко ценится ораторское искусство, Брежнев на приеме в Елисейском дворце произнес свою речь без бумажки. Я слушал напрямую трансляцию этой церемонии по радио, и было очевидно, что Брежнев старательно выучил заранее свою небольшую речь. Однако от волнения он забывал произнести отдельные слова или предложения, что делало непонятными или бессмысленными некоторые фразы. Конечно, переводчик из советской делегации выучил текст этой речи лучше Брежнева, и потому французы не заметили никаких ошибок.

Когда еще в 60-е годы по радио или телевидению передавали пространственные доклады и речи Брежнева, их почти никто не слушал. В 70-е годы даже в публичных местах — в фойе гостиниц или в больницах — в самом начале этих трансляций люди расходились, выключая телевизор. В Кисловодске я наблюдал однажды, как за день до выборов в Верховный Совет по всем репродукторам курортного парка транслировалась 3—4-часовая речь Брежнева. Но тысячи отдыхающих гуляли по парку, не обращая ни малейшего внимания на голос оратора.

БРЕЖНЕВ В УЗКОМ КРУГУ

Брежнев терялся на разного рода торжественных церемониях, скрывая порой эту растерянность неестественной малоподвижностью. Но в более узком кругу, во время частых встреч или в дни отдыха Брежнев мог быть совсем иным человеком, более самостоятельным, находчивым, иногда проявляющим чувство юмора, правда, не слишком тонкого. Об этом вспоминают почти все политики, которые имели с ним дело,

конечно, еще до начала его тяжелой болезни. Видимо, понимая это, Брежнев вскоре стал предпочитать вести важные переговоры на своей даче в Ореанде в Крыму или в охотничьем уголке Завидово под Москвой.

Бывший канцлер ФРГ В. Брандт, с которым Брежнев встречался не один раз, писал в своих воспоминаниях:

«В отличие от Косыгина, моего непосредственного партнера по переговорам 1970 г., который был в основном холоден и спокоен, Брежнев мог быть импульсивным, даже гневным. Перемены в настроении, русская душа, возможны быстрые слезы. Он имел чувство юмора. Он не только по многу часов купался в Ореанде, но много говорил и смеялся. Он рассказывал об истории своей страны, но только о последних десятилетиях... Было очевидно, что Брежнев старался следить за своей внешностью. Его фигура не соответствовала тем представлениям, которые могли возникнуть по его официальным фотографиям. Это не была ни в коей мере внушительная личность, и, несмотря на грузность своего тела, он производил впечатление изящного, живого, энергичного в движениях, жизнерадостного человека. Его мимика и жесты выдавали южанина, в особенности если он чувствовал себя раскованным во время беседы. Он происходил из украинской индустриальной области, где перемешивались различные национальные влияния. Больше чего-либо иного на формировании Брежнева как человека сказались вторая мировая война. Он говорил с большим и немного наивным волнением о том, как Гитлеру удалось надуть Сталина...»

Г. Киссинджер также называл Брежнева «настоящим русским, полным чувств, с грубым юмором». Когда Киссинджер, уже в качестве государственного секретаря США, приехал в 1973 г. в Москву, чтобы договориться о визите Брежнева в Соединенные Штаты, то почти все эти пятнадцатые переговоры происходили в охотничьем уголке Завидово во время прогулок, охоты, обедов и ужинов. Брежнев даже демонстрировал гостю свое искусство вождения автомашины. Киссинджер пишет в своих мемуарах: «Однажды подвел он меня к черному «кадиллаку», который Никсон подарил ему год назад по совету Добрынина. С Брежневым за рулем помчались мы с большой скоростью по узким извилистым сельским дорогам, так что можно было только молиться, чтобы на ближайшем перекрестке появился какой-нибудь полицейский и положил конец этой рискованной игре. Но это было слишком невероятно, ибо, если здесь, за городом, и имелся бы какой-либо дорожный полицейский, он вряд ли осмелился бы остановить машину Генерального секретаря партии. Быстрая езда окончилась у причала. Брежнев поместил меня на катере с подводными крыльями, который, к счастью, он вел не сам. Но у меня было впечатление, что этот катер должен побить тот рекорд скорости, который установил генсек во время нашей поездки на автомобиле».

Весьма непосредственно вел себя Брежнев на многих приемах, например, по случаю полета в космос совместного советско-американского экипажа по проекту «Союз — Аполлон». Однако советские люди не видели и не знали такого жизнерадостного и непосредственного Брежнева. К тому же образ более молодого Брежнева, которого тогда не очень часто показывали по телевидению, был вытеснен в сознании народа образом тяжело больного, мало-

подвижного и косноязычного человека, который чуть ли не еженедельно появлялся на экранах наших телевизоров в последние 5—6 лет своей жизни.

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ И СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ

Брежнев был в целом человеком благожелательным, он не любил осложнений и конфликтов ни в политике, ни в личных отношениях со своими коллегами. Когда такой конфликт все же возникал, Брежнев старался избежать экстремальных решений. При конфликтах внутри руководства лишь очень немногие из людей отпоявлялись на пенсию. Большинство «опальных» руководителей оставались в «номенклатуре», но лишь на 2—3 ступени ниже. Член Политбюро мог стать заместителем министра, а бывший министр, секретарь обкома партии, член ЦК КПСС направлялся потом послом в небольшую страну: Данию, Бельгию, Австралию, Норвегию.

Эта благожелательность переходила нередко в попустительство, которым пользовались и нечестные люди. Брежнев часто оставлял на своих постах не только провинившихся, но и проворовавшихся работников. Известно, что без санкции Политбюро судебные органы не могут проводить следствие по делу любого из членов ЦК КПСС. Очень много времени и усилий потребовалось, например, для того, чтобы убрать из Грузии ее многолетнее партийное лидерство Мжаванадзе, о жадности и коррупции которого в Грузинской ССР ходили легенды. Его отправили на пенсию, так и не передав дела в судебные инстанции. Не был, по существу, наказан и министр рыбной промышленности СССР Ишков, в ведомстве которого в течение многих лет осуществлялась невиданная по масштабам афера, за участие в которой десятки руководящих работников министерства были арестованы, а один из заместителей министра приговорен к расстрелу. Весьма спокойно чувствовал себя первый секретарь Краснодарского обкома партии Медунов, вопрос о злоупотреблениях которого неоднократно поднимался в различных инстанциях, включая и Прокуратуру СССР. Долгое время могли безнаказанно злоупотреблять своим влиянием и властью такие близкие Брежневу люди, как министр внутренних дел СССР Щелоков и некоторые другие.

Мы приводили выше слова Брандта о «быстрых слезах» Брежнева. Эта сентиментальность главы Советского государства удивляла многих. Один из моих знакомых входил в 1973 г. в группу по технической подготовке Всемирного конгресса миролюбивых сил. Во время выступления Председателя Всемирного Совета Мира индуса Р. Чандры, который в самых высокопарных и изысканных выражениях восхвалял миролюбие и заслуги Брежнева, мой знакомый, ожидавший увидеть на лице Брежнева выражение досады или нетерпения, был немало удивлен, увидев, что последний плачет. Восточная лживость Р. Чандры растрогала Брежнева, который принимал ее за чистую монету. Брежнев плакал и при визите в Болгарию, тогда Тодор Живков в самых восторженных выражениях приветствовал советского лидера на аэродроме.

Эта сентиментальность, столь мало свойственная политикам, иногда приносила пользу... искусству. Так, например, еще в начале 70-х годов был создан кинофильм «Белорусский вокзал». Это была хорошая картина, но ее не допускали на экран, полагая, что в фильме не в лучшем свете представлена московская милиция. Защитники картины добились просмотра ее с участием членов Политбюро. В фильме есть эпизод, где показано, как случайно и через много лет встретившиеся однополчане поют песню о десантном батальоне, в котором все они когда-то служили. Песня эта, сочиненная Б. Окуджавой, тронула Брежнева, и он заплакал. Разумеется, фильм был немедленно разрешен к прокату, а песню о десантном

батальоне с тех пор почти всегда включали в репертуар концертов, на которых бывал Брежнев.

Сходная история произошла и с фильмом «Калина красная». В фильме есть эпизод: герой, бывший уголовник, вместе с подружкой навещает старушку мать. Спрятавшись за дверь, сын слушает, как мать говорит о нем, давно пропавшем, но все еще любимом и ожидаемом. Сын не решается показаться матери и, выйдя из избы, медленно идет в сторону, рыдая, падает на траву возле полуразрушенной церкви. Эту сцену требовали убрать — пусть герой плачет где угодно, но не возле разрушенной церкви. Но как раз в этом месте фильма Брежнев прослезился. Картина была разрешена без купюр и принесла заслуженный успех своему создателю.

Благожелательность Брежнева в сочетании с большой властью приводила иногда к поступкам, которые можно было бы назвать «произволом наоборот». Брежнев всегда любил смотреть кинофильмы и особенно любил американские боевики и ковбойские кинофильмы. Он знал Р. Рейгана как голливудского актера еще задолго до того, как тот стал американским президентом. Но в последние 2—3 года Брежнев нередко показывали и старые советские фильмы, которые он не смог посмотреть раньше из-за занятости. Так, например, Брежневу очень понравился фильм «Тихий Дон», четыре серии которого вышли на экран еще в 1957—1958 гг. Роль главного героя в этом фильме с успехом исполнил молодой артист Петр Глебов. Впоследствии, однако, этот артист уже ничем не отличился. Посмотрев картину, Брежнев сказал, что надо наградить артиста. Ему пояснили, что фильм очень старый и что артистическая карьера Глебова с тех пор была не слишком успешной. Но Брежнев настаивал на своем, и через несколько дней артистический мир был немало удивлен сообщением о награждении П. Глебова орденом Ленина и присвоении ему звания народного артиста СССР. Очень понравился Брежневу отснятый более 10 лет назад 12-серийный телевизионный фильм-детектив «17 мгновений весны». Брежнев даже позвонил по телефону нескольким ведущим артистам, снимавшимся в этом фильме, и поздравил их с успехом. Почти все они были награждены орденами. Брежнев прослезился при первом исполнении песни А. Пахмутовой «Малая земля», советская земля!», которую исполнил при посещении Брежневым Владивостока военный ансамбль Тихоокеанского флота. Это довольно примитивная песня, но ведь в ней речь шла о боях на Малой земле. Солист ансамбля, исполнивший песню, был награжден орденом, ему также было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ И ИНСТИНКТ ВЛАСТИ

Не будучи сильной личностью, Брежнев обладал своеобразным инстинктом власти. Хотя он и не проявлял в прошлом ясно выраженного стремления к доминированию, он постепенно входил в роль фактического главы партии и государства, и эта роль ему все больше и больше нравилась. Он все же понимал или чувствовал, что может укрепить основу своей личной власти и влияния только путем назначения на ответственные посты в ключевых органах партийно-государственной власти не просто подходящих людей, а своих ближайших друзей, товарищей по институту, по работе в Днепропетровске, в Молдавии, по службе в армии, даже своих родственников и родственников своей жены. У общительного Брежнева таких друзей и знакомых всегда было много. Эту группу называли часто «днепропетровской дружиной», хотя в нее входило немало людей, никогда не работавших в Днепропетровске. Было бы правильнее называть ее «командой» Брежнева.

Вероятно, каждый крупный политический деятель и в авторитарной, и в де-

мократической стране создает свою «команду» из особо доверенных людей. Но при Брежневе его «команда» разрослась до слишком больших размеров. К тому же в ней было не так уж много одаренных политиков и администраторов, но множество слабых руководителей, которые могли удерживаться на своих постах только благодаря поддержке Брежнева. Просматривая биографии многих членов ЦК КПСС, можно подумать, что металлургические институты в Днепропетровске и Днепродзержинске готовили не столько инженеров-металлургов, сколько политиков. Эти институты кончили в свое время и бывшие Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, и помощник Генерального секретаря ЦК Г. Э. Цуканов, и первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал армии Г. К. Цинев, и заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, и управляющий делами ЦК КПСС Г. С. Павлов, и дипломат член ЦК КПСС Н. П. Толубеев и др. В Днепрпетровске началась политическая биография В. В. Щербицкого, Н. А. Щелокова, К. С. Грушевого, В. И. Дрозденко и некоторых других членов ЦК КПСС. В Кишиневе рядом с Брежневым работали и такие видные члены его «команды», как К. У. Черненко, С. П. Трапезников и С. К. Цвигун. Бывший личный пилот Брежнева Б. П. Бугаев, занимавший в 1964 г. незначительный пост в гражданской авиации, стал уже в 1970 г. министром гражданской авиации, а затем членом ЦК КПСС и Главным маршалом авиации. И чем слабее становилось здоровье Брежнева, тем больше людей из его «команды» выдвигались на руководящие посты. На XXVI съезде партии кандидатами в члены ЦК КПСС были избраны сын Брежнева Ю. Л. Брежнев и зять Брежнева Ю. М. Чурбанов, сделавший стремительную карьеру в системе органов внутренних дел.

Однако ему не удалось продвинуть многих людей из этой «команды» на руководящие посты в армии, в органах МИДа, а также в Политбюро и Секретариат ЦК КПСС. Поэтому, несмотря на очевидные усилия Брежнева, руководство страной и партией перешло сегодня в руки людей с независимой от него политической биографией. Однако «команда» Брежнева, видимо, не лучший из компонентов того наследия, которое оставил партии ее покойный лидер.

О Сталине и его чудовищных преступлениях говорится сегодня гораздо больше, чем во времена Хрущева. Романы и повести, воспоминания и публи-

цистика, художественные кинофильмы и кинохроника едва ли не каждый день дают нам повод к осуждению сталинизма. И тем не менее ряды поклонников этого умершего 35 лет назад тирана и деспота редуют не так уж быстро. Культ Сталина слишком глубоко вошел в сознание и в подсознание нескольких поколений советских людей, и одолеть его оказалось труднее, чем этого хотели бы активные противники сталинизма.

Критика Брежнева звучит сегодня еще очень глухо и не особенно конкретно. И тем не менее даже этой критики оказалось достаточно, чтобы его культ исчез с поразительной быстротой из нашей жизни. Никто не ведет дискуссий о «великой роли» Брежнева в войне, в экономическом строительстве или в развитии культуры. Даже в его родном Днепродзержинске и в Днепрпетровске никто не торгует значками и календариками с портретами Брежнева. Нигде в стране не видно портретов Брежнева на ветровом стекле автомашин. Почти 15 лет вся наша пропаганда предпринимала чрезвычайные усилия для создания культа Брежнева — «великого борца за мир», «великого ленинца», «великого теоретика» и т. п. Однако вся эта дорогостоящая пропагандистская машина работала вхолостую. Культ Брежнева так и не вошел в сознание или в подсознание советских людей, относившихся к нему с равнодушием, перешедшим в последние годы жизни Брежнева в плохо скрываемое пренебрежение.

О временах Сталина наша печать говорит сегодня как о временах «великого террора» и «великого перелома», «победы и трагедии». Для обозначения эпохи Хрущева давно уже подобрали эвфемизмы: «времена субъективизма и волюнтаризма». Историки и публицисты ищут название и для времени Брежнева: «эпоха подхалимажа», «времена вседозволенности и бюрократизма», «эпоха торможения и застоя», «геронтократия». Пожалуй, подходит любое из этих названий.

Но разве все было так плохо у нас во времена Брежнева? Разве не называли мы 70-е годы самым спокойным десятилетием в истории СССР? Да, но это было спокойствие застоя, когда проблемы не решались, а откладывались и тучи продолжали сгущаться. Разве не были 70-е годы временем «детанта»? Да, но это была слишком хрупкая «разрядка», результаты которой мало кто ощущал уже в 1980 г., то есть еще при жизни Брежнева. Разве советские люди в начале 80-х годов не жили луч-

ше, чем в начале 60-х? Да, жизнь улучшалась, но крайне медленно, если иметь в виду широчайшие массы крестьян, рабочих и служащих. При этом рост разного рода денежных выплат намного превышал темпы роста производства товаров для населения, жилищного строительства и услуг. Разве Советский Союз не достиг при Брежневе паритета с Америкой в области стратегических вооружений? Да, эта цель была достигнута, но слишком большой ценой для нашей экономики и на слишком высоком уровне — далеко за пределами разумной достаточности. К тому же гонка вооружений продолжалась, истощая страну.

Советский Союз оправился от ужасов сталинского террора. Однако в меньших масштабах незаконные репрессии проводились и при Брежневе, сохраняя в обществе атмосферу «умеренного» страха, поддерживаемую к тому же постоянными попытками реабилитации Сталина. В стране не было не только торжества законности, но и элементарного порядка. Везде усиливались бесхозяйственность, безответственность и атмосфера вседозволенности. Все более открытой и наглой становилась разлагающая общество коррупция, злоупотребление властью и хищения в крупных и мелких масштабах становились нормой жизни. Во всех сферах общественной и государственной деятельности от партийного руководства в центре и на местах до редакций литературных журналов и руководства творческими союзами насаждалась атмосфера групповщины, круговой поруки и мафиозности.

Нежелание и неумение хорошо работать, политическая пассивность и апатия, равнодушие к морально-политическим ценностям социализма, нравственная деградация десятков миллионов людей, повсеместное господство посредственности, разрыв слова и дела и поощрение всеобщей лжи — все это искалечило сознание целого поколения, которое мы называем порой не без основания «потерянным поколением». С этой точки зрения общие последствия брежневщины оказались не менее тяжелыми, чем сталинщины. Страна и общество зашли в тупик, и мириться с этим более нельзя.

На протяжении всей своей истории Советский Союз развивался рывками — от одного социально-политического кризиса к другому. Каждый режим продвигает страну вперед, но исчерпывает свои возможности гораздо раньше, чем его представители и лидеры сходят с политической сцены.

С этой точки зрения режим Брежнева исчерпал себя к середине 70-х годов.

«История повторяется дважды, — говорил Гегель, — один раз как трагедия, другой раз как фарс». К. Маркс любил повторять эти слова. Сталинщина была трагедией. Брежневщина была, конечно, фарсом, но с примесью трагедии. Было бы странным, если бы этот уродливый фарс не вызвал оппозиции. В то время как открытая оппозиция слабела от репрессий, становилась все более сильной оппозиция скрытая, во главе которой оказались столь разные люди, как Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов и М. С. Горбачев.

История этой трудной борьбы, которая не вполне завершилась и сегодня, еще не написана, и, возможно, не скоро будет написана. Но не сказана еще даже малая часть правды о злоупотреблениях не только Брежнева, но даже Рашидова, Гришина, Романова, Кунаева и Черненко. Критика звучит очень резко, но она касается всей эпохи застоя, а не отдельных и наиболее видных ее представителей и создателей. Популярный писатель Д. Гранин отмечает характерные черты поздней «брежневщины»: «Истовая работа спецов, подхалимов всех рангов ограждала от жизни народной, приносила плоды прежде всего им самим. Угодничество настаивало: великая страна должна иметь великого вождя. И стали изготавливать великого. Дутые заслуги соответствовали дутым сводкам, цифрам. Это усваивали по ступенькам, этаж за этажом. Благие намерения, с каких все началось в 1965—1966 гг., постепенно сменялись бесконечными речами. Механизмы печального этого процесса стоило бы подробнее разобрать историкам».

Историки работают долго, и я думаю, что политики их опередят. Режим Брежнева пугал всех своей иррациональностью: трудно доверять политической группе, которая управляет великой страной по принципу «после нас хоть потоп». Физическая смерть Брежнева проходила долго и мучительно на глазах всего мира. Теперь пришло время его политической смерти. Но это не повод для того, чтобы молчать о Брежневе. Чтобы окончательно покончить с его наследием, недостаточно только снять вывески с его именем с улиц городов, площадей и районов. Поэтому я только могу присоединиться к призыву простого рабочего Н. К. Козырева: «Нужно открыть форточку не только в страшные 30-е, но и в душливые 70-е годы».

ТЕПЛЫЙ

Валерий ЛОКТЕВ
Фото Сергея ВЕТРОВА

...И вынес царя Вахтанга конь к солнечному ручью, и дымился над ручьем золотистый свет, сквозь который мелькнул уходящий от охотника олень, и запела тетива лука, и рухнул олень в дымящуюся воду. Нагнулся Вахтанг, вода в ручье была горячей, пахла серой.

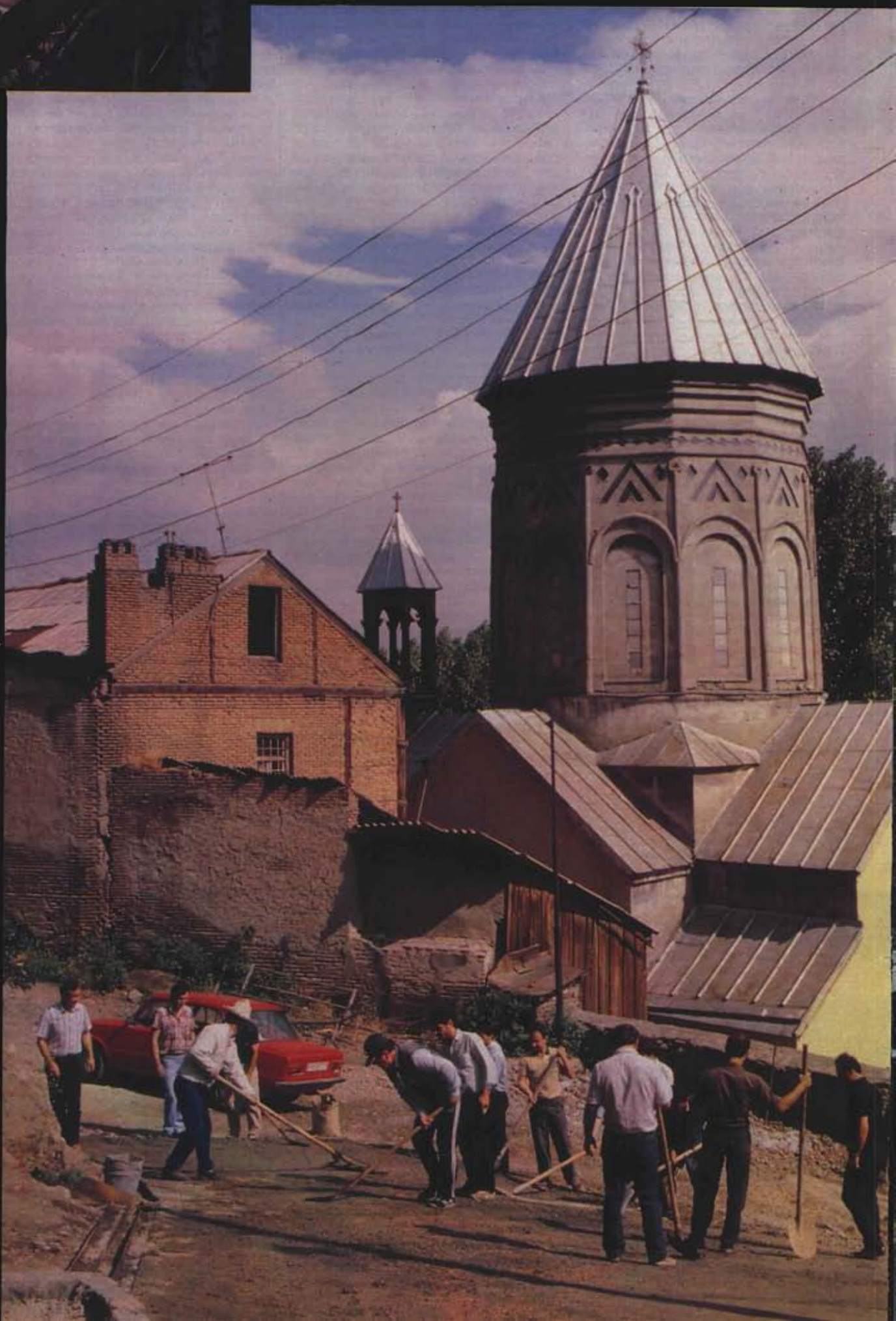
...Так родился Тбилиси — «теплый город». Это фрагмент легенды. А вот — жизни.

Я стою в Банном переулке возле знаменитых Серных бань, трогаю ладонью теплый камень древних стен. Под ногами тоже теплота камня. Над брусчаткой нависла крепость Нарикала; шестой век перетекает в двадцатый, и студент Тбилисского университета, будущий филолог Гела Думбадзе, поднимая к солнцу пальцы, собранные в щепоть, говорит:

— Дорогой, здесь воздух все лечит. И боль тела, и печаль души...

Банный переулочек — сердце старого Тбилиси. Молодое сердце, упругое, что гонит горячую кровь нынешних дней по узким горбатым улочкам, которые будто пытаются укрыться под защитой крепостных бастионов.

Сюда почти ежедневно (а уж по выходным обязательно) приходят ребята из молодежного объединения охраны памятников — археологи, реставраторы. Рабочие и студенты, инженеры и ученые, шестиклассник и полковник милиции. Приходят, чтобы буквально по сантиметру выстроить мост, связывающий настоящее с прошлым. Они пытаются не просто возродить древность, но сделать ее органичной частью нынешнего быта и духовной жизни города. Они работают бесплатно, не ожидая здравниц, но получая в ответ соучастие. Гела рассказывает: «Понимаешь, старушка подходит — мы тогда

И КАМЕНЬ

на реставрации крепостных стен работали. Лаваш принесла, кувшин с молоком. Говорит, молоко свежее, хлеб свежий, чтоб не устали, чтоб рука твердой была... К нам люди идут не для разговоров, и мы их не лозунгами, не разговорами увлекаем — делом».

Старый Тбилиси за последние годы преобразился неузнаваемо. Нет, не отлакировали его, не стилизовали наподобие московского Арбата. Не сделали прогулочно-выставочным подиумом для демонстрации новых веяний в интерьере старых камней, а бережно ввели в нравственный, культурный обиход тбилисцев.

— Камень дышит рядом с человеком, — заметил Гела. — Реставрировать не значит подно-

вить, подкрасить. Оживить — вот что это такое.

Художественные вернисажи в Банном переулке поражают своей самобытной сочностью даже здесь, где солнце, синева воздуха и зелень платанов — одна из ярчайших картин природы. Клуб молодых тбилисских художников неотъемлем от этого уголка города. Убери холсты с улочек, от каменных стен — словно старинные зеркала вынешь из рам. Останется обрамленная пустота.

Невольно пытаюсь сравнить с Измайловом, с Битцей, с их шумной рыночной толкотней, суетной торопливостью, зпатажем. Нет, несравнимо.

Различны истоки, разные реки...

Отари Вепхвадзе, президент клуба, говорит неторопливо:

— Великий Нико мечтал: посредине города построим, братья, большой дом, купим большой стол, большой самовар. Будем пить чай и говорить об искусстве, о живописи... У нас есть дом — наш клуб, есть большой стол, есть большой самовар. И мы хотим, чтобы живопись наша была большая.

Клуб носит имя Пиросмани. Но что важнее — несет людям его бескорыстие и творческое своеобычие. (Для копиистов — природы ли, духа — есть другое место для огляда их работ. Тут же неподалеку, у Сухого моста. Здесь свои поклонники, приверженцы...)

Молодежное объединение и клуб молодых художников по сути работы своей, подвижничества — одно целое.

Сегодня, когда мы столь настойчиво и большей частью справедливо ратуем о хозрасчете и рациональном мышлении, романтичность молодых тбилисцев из Банного переулка, на мой взгляд, вовсе не противоречит обновляемому ходу жизни — приподнимает его над обыденностью.

И тут уместны строки Отара Шаламберидзе:

*Все, все вместит,
любовь для всех найдет
Такое беспокойное от века,
Безбрежное, как этот небосвод,
Всезнающее сердце человека.*

Вид на старый Тбилиси из крепости Нарикала.

И эта улица ведет к Храму...

От людского участия теплеет,
«оживает» камень.

Набросок с натуры.

Гела Думбадзе — будущий филолог,
нынешний реставратор.

Вернисаж в интерьере природы.

Пожалуй, после разговоров о погоде самая популярная тема — футбол.

Казалось бы, мы знаем о нем все.

Но даже для знатоков этот материал станет откровением. Не так уж часто профессионалы такого уровня — а автор статьи имеет звание судьи всесоюзной категории — решаются «выстирать грязное белье на публике». И это не желание шокировать читателя, а попытка найти метод лечения болезни.

Книга, отрывки из которой мы публикуем, готовится к печати в издательстве «Физкультура и спорт».

Марк РАФАЛОВ

СМЕНА '89

Сезон 1976 года завершился небывалой сенсацией. Высшую лигу покидал один из самых титулованных и заслуженных футбольных коллективов страны — московский «Спартак».

Конечно, основной причиной неудачи «Спартака» были просчеты и в подготовке команды к сезону, и в подборе игроков, и в тактике игры. Но «упасть» спартаковцам «помогли» некоторые соперники. Они путями не всегда праведными сумели сохранить за собой места в высшей лиге и выжить оттуда «Спартак», который, как и ряд других команд, не хотел опускаться до махинаций. Ему претил «договорной футбол».

Справедливость, однако, требует вспомнить, что попытки спасти «Спартак» предпринимались. И делалось это не всегда корректно. Так, перед одной из последних игр сезона 1976 года арбитру матча «Спартак» — «Шахтер» Владимиру Фардману руководители Спорткомитета довольно прозрачно намекнули, чего от него ждут «наверху». И он не выдержал нажима. Два одиннадцатиметровых, один из которых был явно из области фантазии, помогли «Спартаку» выиграть ту встречу. Но это была пиррова победа. Запоздалая «помощь» не понадобилась: спартаковцы расстались с высшей лигой.

Спустя несколько месяцев капитан «Спартака» Евгений Ловчев вспомнил об этих пенальти на страницах журнала «Спортивные игры». Он писал, как ему было стыдно наблюдать за действиями судьи.

Пусть те заметки останутся на совети спартаковского капитана. Но возникает вопрос: а стоило ли пользоваться подобными услугами арбитра и забивать 11-метровый?

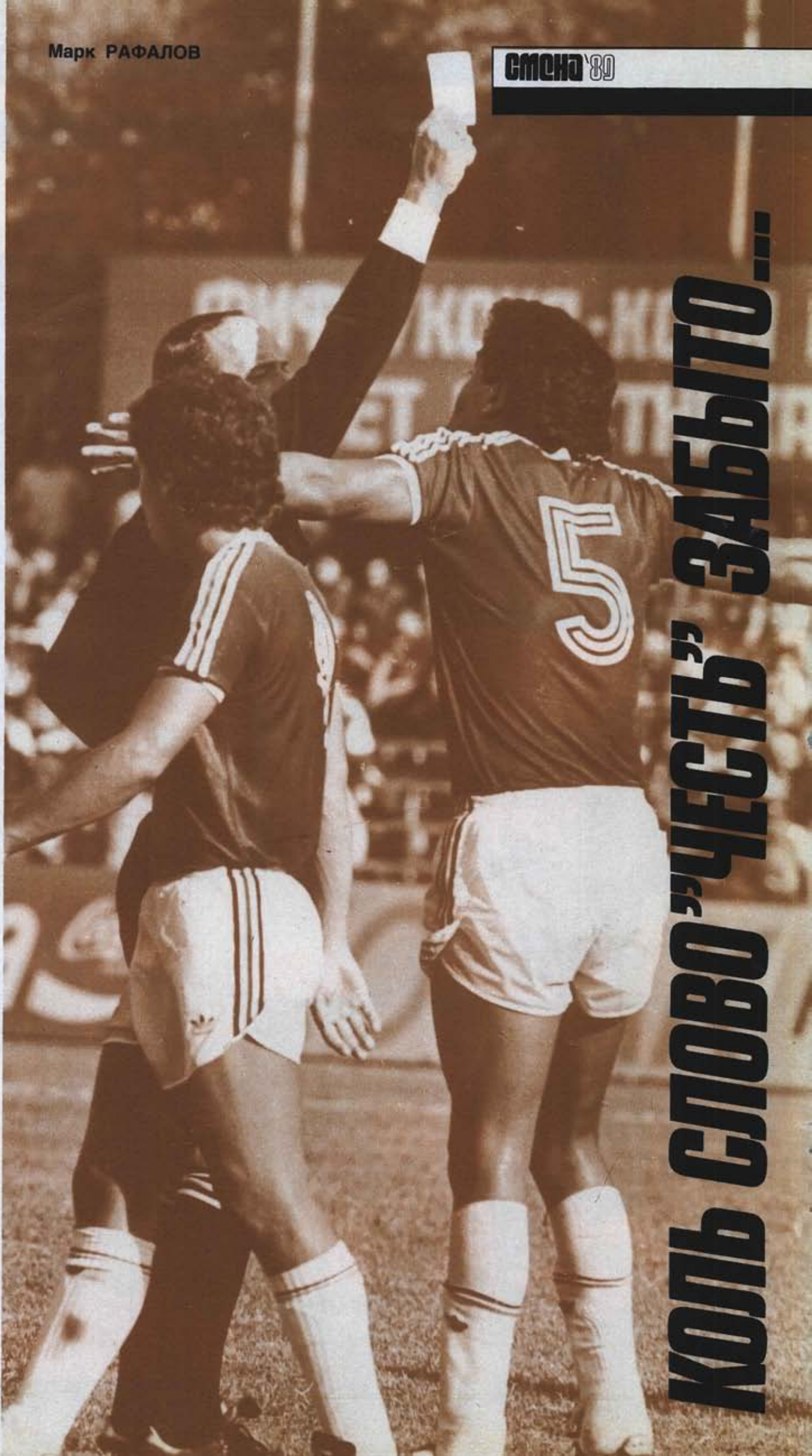
Итак, 1977 год «Спартаку» предстояло провести в 1-й лиге.

Вселенская скорбь охватила спортивных руководителей. В кулуарах шептались, что судьбой команд занялся даже первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Он якобы требовал принять меры для возвращения «Спартака» в высшую лигу.

В такой постановке вопроса, разумеется, нет ничего порочного. Но как выполнить указание? Было предпринято много разумных шагов. К руководству командой пришли Н. П. Старостин и К. И. Бесков, что немедленно отразилось на стиле игры «Спартака», на моральном климате в коллективе. И все же в первом круге «Спартак» лихорадило. Победы сменялись поражениями. Никаких гарантий, что спартаковцы сумеют возглавить лигу, не было. Значит, ставились под сомнение указания высшего начальства.

И тут началось то, что уже не раз практиковалось футбольными функционерами, озабоченными в первую очередь своей карьерой.

На выручку «Спартаку» были мобилизованы «удобные» ему арбитры. В числе «удобных» оказались три ленинградца: К. Смирнов, А. Буров и Г. Мильх. По странной иронии судьбы они судили в 1977 году едва ли не каждую третью игру с участием спартаковцев.

КОЛЬ СЛОВО «ЧЕСТЬ» ЗАБЫТО...

Тринадцать одиннадцатиметровых был «Спартак» в том сезоне, из них 10 — во втором круге. Для сравнения: «Памир» и «Таврия» получили такую возможность соответственно 8 и 5 раз.

Доброхотам от футбола особо мелодичным оказался свисток Генриха Мильха. Его, словно аккомпаниатора капризной эстрадной звезды, на коротком трехмесячном отрезке 4 (?) раза заставляли выходить на поле вместе со спартаковцами. В итоге все эти встречи завершились победой москвичей.

Ни в чем не хочу упрекнуть Н. Старостина и К. Бескова — знаю, что они всегда были ярыми противниками делячества. Но «спасением» «Спартака» занимались тогда едва ли не все причастные к футболу деятели.

В апреле 1977 года мне было поручено инспекторство встречи «Спартак» с криворожской командой «Кривбасс». Судил игру ленинградец К. Смирнов. У москвичей игра шла тяжело, а гости, наоборот, разыгрались, а во втором тайме вышли вперед — 2:1.

В «Спартаке» тогда играл энергичный, настырный и хитрый Михаил Булгаков. Он часто врывался в штрафную площадь соперников и, как только терял возможность нанести удар по воротам, продолжал движение, стлкаясь с защитником и падал. Этот тактический фокус Булгакова все отлично знали. Даже зрители на трибунах весело кричали: «Миша, упади!» Судьи тоже перестали обращать внимание на подобный «стиль» игры спартаковца.

Но в тот день К. Смирнов, видимо, забыл о смысле этой уловки. Очередное вторжение Булгакова в штрафную «Кривбасса» окончилось падением, и судья бодро затрусил к одиннадцатиметровой отметке.

Игра завершилась вничью — 2:2. У меня не было ни малейших сомнений в неправомерности назначения пенальти. Тут же, на стадионе «Динамо», я заполнил рапорт, поставив «двойку» за судейство, и передал дежурному Управлению футбола Спорткомитета.

На пресс-конференции, которые были тогда обязательны, председатель просмотрной комиссии, судья всесоюзной категории В. А. Бабушкин сообщил, что все 11 членов комиссии (4 арбитра всесоюзной и 7 — республиканской категории) были единодушны в оценке судейства — «двойка»!

На следующий день меня вызвали в кабинет начальника Управления футбола А. Д. Еремина, где состоялся просмотр видеозаписи вчерашнего матча. Ничего нового мы на экране не увидели, разве что еще раз убедились в предвзятости судьи. И тем не менее «Советский спорт» вскоре поместил информацию, из которой читатели узнали, что в результате просмотра видеозаписи действия судьи Смирнова признаны правильными. Кстати, в 1977 году Смирнов судил три игры с участием «Спартака», и в каждой из них москвичи получали возможность бить с одиннадцатиметровой отметки. (В одном из февральских номеров 1989 года еженедельник «Футбол — хоккей» поместил информацию инспекторской комиссии. Читатели узнали, что «в числе инспекторов 9 заслуженных тренеров СССР и 14 заслуженных тренеров республики, 5 заслуженных мастеров спорта...» и т. д. И только о том, что состав инспекторов в 1989 году пополнился ленинградским арбитром К. Смирновым, комиссия не сообщила.)

Показателен еще один эпизод из области «спартаковских страданий». 3 октября того же, 1977 года «Спартак» сумел в Москве победить ярославский «Шинник». Гости свели матч вничью — 0:0.

Когда прозвучал финальный свисток, мы спустились в подтрибунное помещение. По коридору быстро шел один из руководителей профсоюзного спорта

и громко кричал своему подчиненному: «Завтра же все выездные дела «Шинника» выброси в корзину. Будут знать, у кого отнимать очки!»

Ярославским ребятам все же поездку в Иран разрешили: через несколько дней после московского матча со «Спартаком» они в Ярославле сумели обыграть их главного конкурента — минское «Динамо» и тем самым реабилитировали себя в глазах руководства.

Завершился 1977 год. «Спартак» возвращался в высшую лигу. В значительной мере этот успех был обеспечен работой К. Бескова, Н. Старостина и старательной, самоотверженной игрой футболистов. Но, положив руку на сердце, признаем все же определенную «заслугу» и футбольных функционеров, страдавших нравственной дистрофией. Это они комплектовали «судейский отряд особого назначения», содействовавший спасению «Спартака». Это они намекали, приказывали, заискивали, уговаривали арбитров пойти на компромиссы с совестью. Как мы имели возможность убедиться, этот прессинг давал результаты.

Я хорошо знал судей, которым выпало тяжелое бремя спасения «Спартака». Приходилось встречаться с ними и на сборах, и в разных городах, где пересекались наши судейские пути-дороги: в Москве и Алма-Ате, Ленинграде и Львове, Сочи и Ташкенте. Все они были хорошими арбитрами, имевшими большой и жизненный, и спортивный опыт. Почему они так смиренно уступили начальственному прессингу, судить не берусь.

Особенно сожалею о судейской судьбе Александра Бурова, к которой я имел непосредственное отношение. Бывший футболист ленинградского «Динамо», энергичный, подвижный Буков обратил на себя внимание еще в 1971 году на предсезонных сборах в Хосте, которые я возглавлял. По моей рекомендации он уже через два года начал судить матчи 1-й лиги, а в 1976 году состоялся его дебют в высшей лиге.

Тогда же, во время весенних сборов в Сочи, Букову было поручено судейство кубковой игры московского «Спартака» и казанского «Рубина». Сомнительный пенальти в ворота волжан и явное малодушие арбитра при очевидном нарушении правил спартаковцами в своей штрафной площади решили судьбу матча. «Спартак» победил. Судья получил «двойку».

После матча я высказал Александру свое суждение о проведенной им игре. Он уверял меня, что никаких намерений «помочь «Спартаку» у него не было. Допущенные в игре ошибки Буков признавал, но клялся, что они носили случайный характер. Увы, все, что пришлось наблюдать потом, заставляло усомниться в искренности моего собеседника.

С 1978 года Буков фактически уже не привлекался к судейству. А ему было тогда всего 43 года — еще судить и судить.

Поучительна дальнейшая судьба и других служителей Фемиды, проявивших сомнительную готовность переступить нравственный порог, чтобы угодить начальству. Практически спортивная карьера этих арбитров в 1978 году оборвалась. «Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти». Такой вердикт вынесли те же начальники, которые еще вчера толкали судей на отречение от футбола.

Арбитров убрал. Начальники остались руководить футболом...

Шли годы. Свежий ветер перемен всколыхнул страну. Казалось, что футбол, давно ставший заметной частью жизни общества, не сможет пребывать на обочине перестройки.

Увы. Надежды на кардинальные перемены пока почти ничем не подтвер-

ждаются. Особенно в нравственной сфере.

Когда по итогам сезона 1984 года на последнем месте оказалась другая именитая московская команда — ЦСКА, вновь в угоду высокопоставленным чинам подверглись реанимации знакомые приемы. Лучшие умы решали головомные вопросы назначения судей на игры армейской команды.

Роль Всесоюзной коллегии судей и ее комиссии назначения (когда речь шла о ЦСКА) была сведена к нулю. Казаков, Руднев, Зуев едва ли не в каждом туре получали указания о замене ранее назначенных и утвержденных на судейство арбитров.

Кто давал эти указания? Делали это осторожные люди. Указания давались в устной форме. Своих автографов или визитных карточек начальство не оставляет.

А между тем всем хорошо известен пункт 15 раздела 4 Положения о чемпионате страны. Там записано: «Просьбы команд или организаций о замене судей, назначенных на игры, не принимаются». Это, казалось, неукоснительное требование постоянно нарушалось и раньше, нарушается и теперь.

Приходившие, приезжавшие, звонившие, писавшие сообщали, что действуют «от имени и по поручению»... И шепотом назывались такие имена и такие фамилии, что наши футбольные функционеры, приседая от страха, хватили резинки и до неузнаваемости истерили листы назначения судей.

Тогда, в 1986-м, в высоких кабинетах едва ли не главной стратегической задачей сезона считали возвращение ЦСКА в высшую лигу.

Неизбыточное горе, охватившее военную верхушку, различными каналами растекалось по кабинетам футбольных функционеров.

Запавший на радостях зенитовец Брошин был изгнан из команды, исключен из комсомола. А уже через год с ведома и соизволения руководителей футбола он начал военную службу в... ЦСКА.

Годом раньше произошел еще один курьез. Презрев интересы любителей футбола, вопреки всякой логике и здравому смыслу, несмотря на многочисленные возражения, игра ЦСКА с хабаровским СКА была перенесена из Хабаровска на ковер столичного ЛФК.

Не понравившийся армейскому руководству симферопольский арбитр Г. Ильяков после игры с «Ротором» был на три месяца «сослан» в армию. Этой акцией пытались убить сразу двух зайцев. Во-первых, отомстить неподатливому судье. Во-вторых, в адрес всех судей высылалось своеобразное «штурмовое предупреждение»: «Не сумеете угодить, улечем в солдаты».

Но и это еще далеко не все.

В 1985 году настырный «Памир» упорно взбирался на вершину турнирной таблицы. Он ставил под угрозу притязания ЦСКА. Всевозможные попытки как-то оторваться от упрямой команды успеха не давали. И тогда появился на свет новоявленный старик Хоттабыч (мне так и не удалось узнать, в каком звании он тогда пребывал) и одним росчерком пера поставил полкоманды из Душанбе под ружье.

В начале ноября 1985 года полуразрушенный «Памир» прибыл в Москву. Предстояла игра с «Локомотивом». На встречу этих команд я был назначен инспектором. Перед началом игры, как обычно, зашел в раздевалки команд. Атмосфера в комнате гостей производила впечатление поминки. Обычно энергичные, деятельные руководители команды Ю. Семин и Ш. Назаров молча стояли в середине раздевалки. Состояние обреченности владело и футболистами. Не слышалось обычных шуток и реплик. Не было и признаков предстартового волнения. Вся команда чем-

то напоминала мяч, из которого выпустили воздух.

Разрушительный удар, нанесенный «Памиру» высокопоставленными столоничниками, парализовал ребят. Стоило ли удивляться результату: гости проиграли 1:4.

Вернувшись на один год в высшее футбольное общество, московские армейцы, несмотря на все ухищрения, вновь его покинули. И опять новый сезон им пришлось встречать в 1-й лиге. И опять многочисленные любители футбола звонят в редакции газет и журналов, пишут письма, задают вопросы.

Почему в середине сезона вопреки логике и инструкции о переходах Кухлевский, отыграв первый круг в львовской команде СКА «Карпаты», второй круг проводил в форме ЦСКА? Только не нужно лукавить и пытаться забавлять нас цитатами из воинских уставов и других уважаемых законов. Там про футбол ничего не сказано. Если для укрепления обороноспособности нашей Родины Кухлевский должен служить в Москве, то, как говорится, ради бога. Но почему при этом ему разрешают играть в ЦСКА? И не пора ли более пристально взглянуть на организацию армейского футбола?

Невольно задумываешься о возможности совмещения воинской службы с ежедневными трехчасовыми тренировками и разъездами на игры. Не настало ли время выйти из плена иллюзий и признать, что такое совмещение — фикция?

Можно, не опасаясь, допустить ошибки, отметить, что армейский футбол, несмотря на огромные возможности и «режим наибольшего благоприятствования», который ему создают неадекватными начальники, доведен до критической ситуации. Нужны доказательства? Посмотрите, в какой ситуации оказались армейские команды: ЦСКА, смоленская «Искра», хабаровский и ростовский СКА, СКА «Карпаты» и другие.

Конец сезона 1988 года дал повод для новых вопросов касательно событий, происходящих вокруг того же ЦСКА.

Каким образом отстраненный от судейства арбитр из Черновцов П. Крбич оказался в роли главного судьи на важнейшей для судеб команд ЦСКА — «Гурия» встрече 2 ноября 1988 года? Почему опять был заменен ранее назначенный на эту игру судья? Какие доброты от футбола перенесли игру армейских команд Ростова и Москвы на конец сезона 1988 года? И не просматривается ли здесь опять определенная умышленность, ставящий соперников ЦСКА в худшее положение?

Все, что в течение последних лет происходит с ЦСКА, вытягивается в длинный строй всевозможных нарушений. Они имеют своеобразную логику и причинные связи.

Когда московские болельщики весной 1987 года увидели в составе дублеров ЦСКА сына начальника Управления футбола В. Колоскова, они были немало шокированы. Тут же на трибуне любители футбола стали вспоминать о многочисленных побряках, которыми пользовалась и пользуется армейская команда. И невольно подумалось, что простая житейская формула «ты мне — я тебе» обладает неистребимой стойкостью. Она не поддается растворению даже в условиях перестройки и гласности.

Может быть, настала пора поставить все футбольные команды мастеров, включая армейские и динамовские, в равные условия? Возможно, тогда чиновники от футбола не будут прятать от службы в армии своих великовозрастных и не очень преуспевших в футболе детишек в армейских командах?

Может быть, создание Футбольного

союза понизит непомерную «разрешающую способность» футбольной администрации, так много лет безнаказанно играющей на грани флага?

Возможно, что наведение порядка в имеющем славные традиции армейском футболе позволит армейским чинам сосредоточить усилия на основных обязанностях — укреплении обороноспособности страны. И тогда мы получим твердую уверенность в том, что не смогут импортные шалуны летать над Красной площадью.

Справка: Вячеслав Вячеславович Колосков, начав воинскую службу, весь сезон 1987 года числился в дублирующем составе ЦСКА. В конце 1987 года армейцы покинули высшую лигу и тем самым потеряли право иметь дублеров. Молодой Колосков был переведен в другую военную команду — «Искра» (г. Смоленск), где числился весь 1988 год. Оставаясь все это время студентом МГУ, демобилизовался в конце 1988 года.

В канун нового, 1989 года я получил очень дорогой для меня подарок: Михаил Иосифович Якушин преподнес мне свою новую книгу «Вечная тайна футбола». Естественно, что болезненные явления, происходящие в нашем футболе, Якушин не мог обойти молчанием. Он пишет: «Из года в год в ряде матчей некоторые игроки делали вид, что ведут борьбу, соревнуются. Забывали даже множество мячей — по четыре, а то и по шесть за встречу. На трибунах и за их пределами многие понимали, что результаты подобных встреч были давно оговорены заинтересованными сторонами. Такие матчи губят наш футбол. Тем не менее многие люди, имевшие непосредственное отношение к происшедшему, делали вид, что все шло в пределах спортивных норм».

О вопиющих примерах сговора украинских команд, побивших в 1988 году, кажется, все рекорды глумления над футболом, рассказала читателям газета «Советский спорт», 15.10.88: команда «Ингулец» из Кривого Рога проиграла «Металлургу» из Купянска 1:20! А через несколько часов киевский СКА «угворил» знаменский «Локомотив» на 17:1 и благодаря этому по разнице мячей обогнал своих конкурентов.

Не обошли липовые матчи в 1988 году и высшую, и первую, и вторую лиги. Правда, махинаторы стали осторожнее. Сценарии больше соответствуют требованиям конспирации.

Но что же думают по этому поводу руководители?

Перед сезоном 1986 года начальник Управления футбола В. И. Колосков дал интервью газете «Советская Россия». Он сообщил, что в целях борьбы с «пассивной игрой» (слова-то какие!) Управление футбола намерено «лишать права участвовать в международных соревнованиях». Уверен, что в действительность подобного устрашения начальник Управления и сам не очень-то верил. Теперь мы лишь можем констатировать, что за прошедшее с того интервью время никто наказан не был.

Спустя полтора года В. И. Колоскова вновь вынудили объяснить его отношение к проблеме договорных игр. Призвав подозрительность итогов матчей «Шахтер» — «Динамо» (Киев) и «Арат» — «Динамо» (Киев), он ответил: «В этом деле мы не собираемся прибегать к помощи правоохранительных органов; считаем, что у Федерации и Управления футбола достаточно сил и прав, чтобы покончить с подобным рода «играми». («Советский спорт», 20.02.87)

А через десять месяцев начальник Управления с гордым поведением, что «прошедший чемпионат не дал повода для сомнений. Много в чем можно было упрекнуть клубы, но не в отсутствии бовитости»... («Советский спорт», 27.12.87)

Откуда столько лукавства? Ведь все видят, пишут, говорят, что махинаторы отнюдь не ослабили своей деятельности, а самый главный в стране футбольный начальник говорит, что все в порядке.

Невольно возникает подозрение, что В. И. Колосков или чего-то не понимает, или выдает желаемое за действительное. И то, и другое весьма прискорбно. Возвращение В. И. Колоскова к руководству (по совместительству) и хоккейным хозяйством, видимо, вдохновило околохоккейных дельцов. Они учли, что начальник Управления старательно не замечает присутствия в нашем спорте «странных игр».

Так или иначе, но хоккеисты в 1987—1988 годах щедро «одарили» спортивный мир и отсалютовали новому начальнику целой серией «сомнительных» результатов. Это дало повод многим журналистам «повеселить» читателей, но никак не избавило от душевной вялости начальство.

Зато, чтобы настырные журналисты не очень беспокоили футбольное начальство и не «раскачивали лодку», чтобы не вздумали что-то там замечать инспектора, были приняты ответные меры, прошедшие всестороннюю обкатку в застойный период. Автор многих резких выступлений в различных печатных изданиях Л. И. Филатов был под благовидным предлогом выведен из состава редколлегии еженедельника «Футбол — хоккей», который он многие годы возглавлял в качестве редактора.

Наиболее задиристый судья-инспектор, неоднократно писавший в рапортах о сговорах команд; летом 1986 года был отлучен от инспектирования и от футбола вообще.

Я надеюсь, что теперь читателю понятно, почему так апатична «инспекторская рота». Почему так долго не удается поднять ее в атаку.

Совсем недавно состоялась учредительная конференция, на которой родился Футбольный союз. Все, кто непосредственно связан с футболом, кому безразлична его дальнейшая судьба, очень много ждуть от новой организации. Но многие специалисты и по сей день находятся в плену пессимистических настроений. И для этого у них есть основания.

Не так давно в редакции «Советского спорта» мы встретились с одним из членов президиума Федерации футбола СССР. «Знаешь, — сказал он мне, — самое опасное, что все может кончиться только сменой вывески. В движении приведены такие силы, что подобный исход сейчас наиболее реален. А так хотелось бы...»

Создатели Футбольного союза обещали опубликовать проект его устава для широкого обсуждения. Действительно, проект был напечатан в «Советском спорте» 26.11.88, то есть за 16 дней до конференции. Авторы проекта не могли не понимать, что в таком цейтноте ни о каком «широком обсуждении» речи быть не может. Так был нанесен осязаемый удар по демократии. До самой учредительной конференции мало кто знал, как и кем избирались делегаты на этот форум. Даже малейшего намека на «Положение о выборах» не было сделано руководителями Управления футбола и хоккея. До последнего дня не было ясно, кто может присутствовать на конференции.

Сама конференция поставила множество вопросов. От их решения во многом зависело, получит ли наш футбол заметный импульс для прорыва в лучшее будущее или мы вновь проявим сомнительную готовность оплачивать высокую себестоимость годами накопленных ошибок. Сегодняшняя ситуация оптимизма не прибавляет. Угроза, что Футбольный союз будет жить (как жила раньше Федерация футбола) в сильной зависимости от Управления футбола, пока не миновала.

Давно известно: кто платит деньги, тот заказывает музыку. А хозяином всех финансовых поступлений хочет остаться Госкомспорт. И пока не очень верится, что от этих намерений он откажется. Еще до конференции В. И. Колосков разъяснил, что лишь через 2—3 года планировалось дать союзу финансовую самостоятельность, да и то частично. А при таком подходе, как спра-

ведливо отмечали многие делегаты, никто не сможет избавить наш футбол от многих пороков, присущих ему сегодня.

Ничего не сможет кардинально измениться и в судействе. По-прежнему останется в строю система «запретительства». Как и раньше, президиум ВКС не приобретет необходимой для плодотворной работы самостоятельности. По-прежнему футбольные бонзы в центре и на местах будут практиковать волевые решения, отменять назначение судей, назначать преподавателей на предсезонные сборы судей, определять составы этих сборов, безразлично «отстреливать» несговорчивых арбитров и инспекторов. Словом, как и прежде, футбольные функционеры будут распоряжаться футбольным хозяйством, как на собственном приусадебном участке.

Все это мы уже видели. Такая практика уже дала результаты. Она сделала наших арбитров едва ли не самыми пугливыми людьми в спорте. В течение многих лет судей лишили самого главного инструмента, без которого они никогда не смогут давать качественную продукцию: их лишили независимости.

Так что же делать? Давно пора впустить в кабинеты Управления футбола подлинные демократические принципы работы и гласность. Пора решать судьбу футбола не в кабинетной тиши, а путем широких дискуссий, споров, обсуждений. Для этого, кстати, необходимо в корне изменить сценарную основу дорогостоящих совещаний судей и инспекторов, где на смену ритуальному словоблудию должна прийти атмосфера свободного обмена мнениями всех, кто его имеет и хочет отстаивать без каких-либо изъятий.

Это не только мои предложения. Такого же мнения придерживается подавляющее большинство делегатов конференции, категорически отвергших проект устава Футбольного союза, который представил в своем докладе В. И. Колосков.

Резкой критике был подвергнут этот документ заслуженным тренером РСФСР Н. Глебовым, председателем Федерации футбола г. Москвы В. Артемьевым, заслуженными мастерами спорта В. Понедельником, Н. Симоняном, А. Кавашавиличем. Особенно категоричен был В. Лобановский: «Движение, начавшееся снизу, завершилось документом сверху, с тех самых этажей, где эта рутина поддерживалась десятилетиями. Вот и вышло, что созданный в кабинетах Госкомспорта проект устава не оставляет Футбольному союзу права на безоговорочную административную самостоятельность. А без этого созданный союз не решит ни одной проблемы. Десятилетиями оставались туманными в нашем восприятии представления о процессах управления футболом. Это жирная почва для беззакония и самоуправства. Это удушливая атмосфера для новаторства, смелых идей, рвущихся в будущее. Мы только сейчас все дружно стали понимать, что не всякий начальник — это Советская власть».

Как бы подводя итоги обсуждению проекта устава, первый секретарь горкома партии г. Навои Ю. Горностаев констатировал: «...команда Колоскова сработала очень плохо...»

Всматриваясь в туманную даль, которую призван озарить Футбольный союз, я не испытываю пока желания радостно хлопать в ладоши.

Изучая проблему и строя предположения о дальнейших путях развития футбола, я наткнулся на диссертацию, защищенную в 1974 году В. И. Колосковым. Вчитайтесь: «Исследование условий сохранения высокой игровой работоспособности в длительном соревновательном периоде».

Игры в «соревновательный период» вокруг создания нормального, а не формального руководящего футбольного органа длятся уже почти год. И, по словам заместителя начальника Управления футбола и хоккея В. А. Иванова, продлятся еще год-полтора. Остается

найти ответ на риторический вопрос: «Кто теперь победит?» Минута на размышление не понадобится. Ответ готов: победит тот, кто «сохранит высокую игровую работоспособность в длительном соревновательном периоде». Кто лучше знает, как ее сохранить? Разумеется, автор диссертации, кандидат педагогических наук В. И. Колосков.

Поэтому я не страдаю избытком оптимизма. Не очень надеюсь даже на домашние заготовки В. Лобановского. Допускаю, что и спустя «год-полтора» терпеливые радетели справедливости и здравого смысла вновь вынуждены будут согласиться на тайм-аут, предложенный функционерами, которые добровольно не расстанутся с властью.

После всего, что произошло 13 декабря 1988 года, многие, кому не безразличен футбол, призадумались. Читая отчеты об учредительной конференции, я не переставал удивляться. Провалилась попытка вновь вовлечь любимым народом игру в трясину бюрократизма и беззакония. А главный исполнитель этой провальной акции ничтоже сумняшеся на следующий день с поразительным апломбом и самоуверенностью дает интервью и делает вид, что ничего особенного не произошло и «на Шипке все спокойно».

Впрочем, чему удивляться? Мы уже столько лет наблюдаем удивительную способность нашего главного футбольного администратора сохранять хорошую мину при весьма слабой игре.

Пока существуют «команда Колоскова» и ее высокооставленные покровители, ждать чуда не приходится. Мы вынуждены будем смиренно пополнять скорбный список наших пороков.

Недавно быстротечная жизнь подкинула новые примеры вседозволенности наших футбольных начальников и их неистребимой жажды сохранить командно-нажимной стиль работы.

Весь субботний день, 24 декабря 1988 года, заседал расширенный президиум Всесоюзной коллегии судей (ВКС). В числе многих вопросов высший руководящий судейский орган в присутствии председателей всех республиканских коллегий определил состав преподавателей на предстоящие предсезонные сборы арбитров 1989 года.

Через пять дней председатель президиума ВКС А. Н. Спирин докладывал о проведении сборов президиуму Федерации футбола СССР, за которой, до утверждения устава Футбольного союза, сохранились все полномочия по проведению чемпионатов и Кубка СССР. Президиум Федерации, который вел Н. Н. Ряшенцев, одобрил порядок проведения сборов.

Заметим, что на заседании присутствовал и Колосков, являющийся заместителем председателя Федерации. Ни единого возражения не высказал Вячеслав Иванович при обсуждении этого вопроса. Зато на следующее утро... Едва начался рабочий день, Колосков потребовал доставить ему список преподавателей. Обнажив начальственное перо, он, словно секирой, одним махом выкосил около десятка уважаемых и заслуженных арбитров.

Допускаю, что дотошному читателю тема о преподавателях может показаться не заслуживающей внимания, тем более на страницах печати. Ну, подумайте — преподаватели...

Но дело совсем не в этом. Хотя, согласитесь, для улучшения запущенного судейского хозяйства подбор воспитателей и наставников играет отнюдь не последнюю роль. Дело в другом. Уж коль скоро даже такие мелкие вопросы не дают самостоятельно решать ни ВКС, ни Федерации, то что уж говорить о более важных делах.

Используя весьма сомнительное право вето, самый главный футбольный администратор в который раз продемонстрировал удивительное неуважение и к президиуму ВКС, и к Федерации футбола СССР. Вправе ли мы смиренно ждать, когда такая же участь постигнет и Футбольный союз?

Себастьян ЖАПРИЗО

ПРОШАЙ, ДРУГ!

ДИНО БАРРАН

В наступившей темноте, пронизанной разноцветными огнями, по-змеиному настороженный взгляд. Это взгляд Франца Проппа.

Легионер стоит напротив высокого здания из стекла и бетона. Он следит за Барраном, который, расставшись с Изабеллой, широкими шагами возвращается к СИНТЕКО, засунув руки в карманы пальто.

Преспokoйно следуя за медиком, оглябая, как и он, первые волны выходящих служащих, Пропп входит в просторный гараж компании.

Во всем здании раздается звонок, возвещая конец рабочего дня. Возникает столпотворение, обычное для любого учреждения по пятницам, перед длинным уик-эндом.

Пропп идет по гаражу посреди мужчин и женщин, спешащих к своим машинам, чтобы успеть выехать раньше, чем образуется пробка. Там стоит незабываемый: урчание стартеров, бросаемые на ходу «Счастливого рождества, до вторника!», хлопание дверей, нервные гудки. И все это перекрывает пронзительный звонок на всех тридцати этажах.

Навстречу легионеру в толпе служащих бежит мадемуазель Аустерлиц со своим роскошным чемоданчиком в руке и едва не налетает на Проппа, но не замечает его. В этой предпраздничной суете никому ни до кого нет дела.

Вот и стеклянная кабина у входа в подземелье, но охранника номер «555» возле нее нет. Толкнув дверь с надписью «Служебный вход», Пропп беспрпятственно проникает в красный квартал лабиринта. Здесь уже минут пять как все обезлюдело.

Он идет вразвалку, никуда не сворачивая, с вечной полуулыбкой на губах, один. Когда он входит в белые коридоры, звонок наконец умолкает. От этого подземелья кажется еще более пустынным.

Пропп продолжает спокойно идти, открывая двери пустых кабинетов в поисках Баррана. И тот вдруг вырастает у него за спиной. Спрятавшийся в темном конференц-зале, Барран ждал, пока за ним закроется вход в подземелье. Он поражен и разъярен появлением легионера.

— Что ты тут забыл? — рявкает Барран.

— А ты, док? — улыбаясь, вопросом на вопрос отвечает Пропп.

Объясниться они, впрочем, не успевают.

Они стоят как раз под динамиком, и в этот самый миг из него раздается слащавый женский голос, так близко, что от неожиданности оба застывают, как изваяния:

— Внимание!.. Сотрудников, оставшихся в подземелье, просят немедленно его покинуть!.. Внимание!.. Сотрудников, оставшихся в подземелье, просят немедленно его покинуть!

Голос прокатывается по пустым коридорам, и кажется, будто он обращается непосредственно к Баррану с Проппом.

— Пошли, — говорит Барран. — Тебе надо уходить.

Он увлекает Проппа ко второму выходу из подземелья, со стороны лифтов. Но тотчас же они вновь замирают на месте: к ним приближаются тяжелые шаги.

Это четверо охранников в черном, с кобурами на бедрах, из которых торчат рукоятки револьверов. Они расходятся по коридорам лабиринта, проверяя, не задержался ли в нем кто-нибудь из сотрудников. Они ступают неторопливо, прямо держа голову, с каменным лицом, с номерной бляхой на груди, все рослые и странным образом похожие друг на друга. Ни дать ни взять роботы.

Повинуясь инстинкту, Барран заталкивает Проппа в темный кабинет, прижимается вместе с ним спиной к закрытой двери.

Шаги охранников удаляются. Голос в динамике смолк.

Выждав немного, Барран и Пропп молча покидают свое убежище и продолжают путь к выходу. Они уже подходят к одному из лифтов, когда его двери вдруг начинают с гудением скользить в пазах, закрываясь перед ними.

Оба, не сговариваясь, бросаются бежать по белому коридору, вдоль которого расположено с десяток лифтов. Лифты один за другим раскрываются, люди вынуждены состязаться с ними в скорости, и в конце коридора, на финише этой безумной гонки, они терпят поражение. Все лифты закрылись.

Со стороны другого выхода из подземелья раздается такой же скрежет закрывающихся металлических дверей, эхом отдающийся в пустынных коридорах. В тот же миг везде тускнеют и гаснут огни. Остаются только редкие желтые лампочки дежурного освещения под потолком.

Мужчины смотрят друг на друга, запыхавшиеся, попавшие, как крысы, в западню. Молчание нарушает Барран:

— Черт побери! Что ты вечно таскаешься за мной по пятам!

Пропп постукивает себя по кончику носа указательным пальцем:

— Когда где-то что-то затевается, у меня тут зудит. Чувствуется, что Барран охотно задушил бы легионера.

— Мы можем позвать кого-нибудь, — равнодушно говорит Пропп.

— Нет!

Пропп оборачивается, собираясь идти назад. Медик удерживает его за руку. Он показывает Проппу в полумраке над полом по обе стороны коридора круглые отверстия в стенах, которые зажглись одновременно с дежурным освещением, — фотозлементы сигнализации.

— И так на каждом перекрестке, — говорит Барран. Отпустив легионера, он ложится на живот и проползает под светящимися глазками. Потом поднимается на ноги. Пропп без лишних вопросов следует его примеру. Они возвращаются к кабинету, в котором проводился медосмотр.

— У охранников обход каждые двенадцать часов, в полдень и в полночь, — говорит Барран. — Найдешь способ выбраться.

— А ты, док?

— Не твое собачье дело, — бросает Барран.

Часы напротив конференц-зала показывают семь вечера.

Барран и Пропп стоят чуть поодаль в коридоре, не доходя до перекрестка, где начинается красный квартал.

Повсюду в подземелье на стенах развешены большие рекламные афиши с образцами изделий СИНТЕКО. Одна из них рекламирует марку солнцезащитных очков. Это огромная черно-белая фотография плотной толпы людей с серьезными, чуть ли не трагическими лицами, и на всех — очки с темными стеклами. По всей ширине афиши крупными золотыми буквами начертано:

ВСЕ ВМЕСТЕ!

С помощью куска изогнутой проволоки Барран открывает маленький замок, вделанный в фотопанно. Его левая половина сдвигается в сторону, как дверь, открывая вмурованный в стену электрический щит с кабельными проводами, множеством предохранителей и рубильников.

Легионер молча наблюдает за действиями медика. Барран раскладывает на полу схему электрических цепей. Отсчитывает на щите несколько рубильников, останавливается на одном из них и опускает его.

В полутора десятках шагов от них в коридоре раздается щелчок. Бронированная дверь хранилища вздрагивает. Пропп, обернувшись, следит за ней взглядом кобры.

Барран, по-прежнему сверяясь со схемой, находит на щите предохранитель с надписью «Тревога сейфа» и вынимает его из зажима. После этого закрывает щит рекламным панно «Все вместе!». На ходу натягивая перчатки, которые дала ему Изабелла, направляется к бронированной двери. Пропп, держа руки в карманах, с настороженной ухмылкой следует за ним.

По-прежнему молча, Барран отодвигает в сторону бронированную дверь с обесточенным запором. За дверью открывается хранилище — небольшая, совершенно голая комната с бетонными стенами, освещенная только желтоватым светом, идущим из коридора.

В этом освещении сейф, вделанный в стену напротив двери, отликает стальным блеском. И поскольку смотреть тут больше не на что, Пропп тоже замечает его.

Начиная с этого момента, легионер, не расставаясь со своей ухмылкой, держится уже далеко не так развязно.

— Вот мы и на месте.— замечает он с удовлетворением.

Барран грубо выталкивает его в коридор:
— Ты оставайся там, а не то вылетит отсюда с треском!

Легионер не реагирует, даже не вынимает рук из карманов. С ничего не выражающим лицом он ждет продолжения.

Барран возвращается сначала в конференц-зал, служивший кабинетом для медосмотра, выходит оттуда со своим налобным фонарем и самыми обычными деревянными счетами. Заходит в комнату за бронированной дверью.

Приладив на голове фонарь и включив его, он присаживается перед сейфом и рассматривает его семь больших ручек. На каждой — цифры от 0 до 9.

Барран извлекает из кармана уголок салфетки, на котором он написал сфотографированные цифры. С легкими щелчками он поворачивает третью, четвертую и последнюю ручки: 0 0 6 1 0 0 5.

Потом пытается наудачу покрутить одну из ручек. Бесполезно. Нужно ставить все в «ноль» и каждый раз набирать комбинацию, начиная с первой ручки. Он разочарованно вздыхает.

Привалившись к стене коридора напротив хранилища, легионер не сводит с него глаз.

— Сколько в этом сейфе денег, док? — спрашивает он.

— Ни гроша.

Потушив фонарь, медик поднимается и выходит из хранилища. Пропп заходит вслед за ним в кабинет для медосмотра, где еще находятся рентгеновский аппарат и медицинские инструменты, которыми пользовались эти три дня Барран.

— Тогда зачем же ты хочешь его открыть? — спрашивает Пропп.

— Чтобы туда их положить,— не глядя на него, отвечает Барран.

Пропп издает недоверчивый, неприязненный смехок. Барран, снимая пиджак, бросает на него быстрый взгляд. Неожиданно он достает из черного чемодана, стоящего на столе, пять миллионов Изабеллы. Это акции на больших листах бумаги, скатанные в трубку и перехваченные резинкой.

Для воздуха убедительности медик потрясает свертком в воздухе:

— Это ты видишь?

Легионер как стоял у стены, так и съехал по ней до самого пола, обалдело мотая головой: если это не сон, то перед ним самый невероятный сентиментальный придурок, какого он только встречал в своей жизни. Много часов спустя.

В комнате с бетонными стенами, с лампой на лбу, в перчатках, без пиджака перед сейфом сидит Барран. Правой рукой он манипулирует ручками, а левой после каждой попытки передвигает костяшки лежащих на полу счетов, отмечая таким образом уже испробованные комбинации.

На часах в коридоре почти полночь.

Пропп расположился перед автоматом с напитками и бутербродами, установленным в белом квартале. С пиджаком под мышкой он потягивает из бутылки пиво, созерцая афишу «Все вместе!».

Барран выходит к нему в коридор, обнажает электрический щит, включает рубильник бронированной двери. Дверь заперлась. Он тщательно задвигает на место фотопанно.

— Пошли. Время обхода,— говорит Барран.

Легионер швыряет опустевшую бутылку в ящик для мусора и, ни слова не говоря, заходит вслед за ним в кабинет для медосмотра.

В ноль часов ровно коридоры заливают свет, в другом конце подземелья с грохотом открывается дверь.

Четверо охранников в черном входят в лабиринт и расходятся по коридорам.

Охранник номер «112», открывая двери, заглядывая внутрь помещений, приближается к кабинету для медосмотра. Он входит туда — на бедре хорошо видна рукоятка револьвера — и оглядывает его в идущем из коридора свете. Когда он уже собрался выйти, к нему присоединяется охранник номер «708».

— Номера «555» нет в кабине гаража,— бесстрастно говорит номер «708». — Я думаю, он просто не пришел, его и на ужине не было.

— Если узнает дирекция, мы все можем вылететь отсюда,— так же бесстрастно отвечает номер «112». — Разве можно уходить с поста, когда в сейфе двести тринадцать миллионов?

— Я попрошу номера «315», чтобы он заступил вместо него,— говорит номер «708».

У охранников над головой — большой стеклянный плафон, примерно два на два метра, подвешенный на металлических штангах,— нечто вроде второго потолка, скрывающего светильники. Не посмотрев туда, они выходят и удаляются.

Шаги охранников затихли.

В полумраке кабинета для медосмотра на большом стеклянном плафоне бок о бок лежат на животе Пропп и Барран.

Первым зашевелился и заговорил легионер. После того, что он услышал из уст охранника номер «112», наступил его черед прийти в ярость:

— Так говоришь, там ни гроша?..

— Я тебя сюда не звал,— отвечает Барран.

— Но я здесь, док! Я хочу свою долю.

— Заруби себе на носу: к этим деньгам никто не притронется.

— Ты к ним не притронешься? Брось заливать, док!

— Думай, как хочешь.

Яркий свет в коридоре внезапно гаснет, уступая место дежурному освещению. С другой стороны подземелья доносится звук закрываемой входной двери. Обход закончен. Медик и легионер спрыгивают на пол каждый со своего края плафона. Барран возвращается к фотопанно «Все вместе!».

Пока он колдует с проволокой над замком, Пропп стоит в нескольких метрах от него, возле толстой стеклянной двери, перегораживающей белый коридор. Открыта только одна ее створка, закрепленная у стены.

— Ты не сможешь помешать мне открыть сейф, док,— замечает Пропп,— нужно же тебе когда-нибудь спать.

— Я знаю три цифры комбинации, а ты — ни одной,— бросает Барран.— Тебе понадобится полгода. Вместо ответа Пропп ударом ноги высвобождает закрепленную у стены створку стеклянной двери.

Барран в это время взялся за рубильник на щите. Уловив движение легионера, он прыжком кидается к двери, чтобы не дать ей закрыться. Но Пропп уже опустил металлическую собачку, запирающую створку. Конечно, Барран мог бы разбить стекло, но тем самым оставил бы явный след своего пребывания в подzemелье, и Пропп знает, что он на это не пойдет. Он издевательски смеется. Через стеклянную дверь его смех доносится приглушенно.

Медик отрезан от той части коридора, где расположено хранилище, но рубильник, разблокирующий бронированную дверь, находится на его половине, так что Проппу до сейфа не добраться. Делать нечего. Не обращая на легионера ни малейшего внимания, Барран садится у стеклянной перегородки, спиной к стене, вытянув ноги, глядя прямо перед собой. Время потекло впустую.

За стеклянной дверью Пропп пьет из бутылки пиво, жует бутерброд — автомат в его половине. Барран не двинулся с места.

Пропп стучит в стекло, чтобы привлечь внимание своего соперника, и показывает ему, как это хорошо — есть и пить. Барран с безразличным видом достает из кармана брюк пачку сигарет. Она пуста. Он комкает ее, не выказывая досады.

Пропп же вытаскивает сигарету прямо из нагрудного кармана пиджака. Он протягивает ее медику, словно угощая. Барран инстинктивно тянет за ней руку.

Пропп с ухмылкой расплюсцовывает сигарету о стекло. Барран ужимает плечами. Потом вдруг достает из кармана клочок салфетки, где он записал установленные цифры комбинации, и прижимает его к стеклу.

Пропп читает, запоминая. Оба встают. Пропп поднимает собачку и открывает створку.

В этот же миг Барран с разбегу наносит ему свинг справа, способный уложить и быка. К счастью для себя, легионер ожидал этого и отпрыгнул назад, избежав удара. Он теряет равновесие, но Барран вынужден на этом остановиться: в руке Проппа сверкнуло лезвие. Бритва.

— Ладно,— усаженно дыша, говорит Барран.— Открывать сейф будем вместе. Но когда откроем, никакого дележа. Или ты заберешь все, или я не дам тебе этого. Ты или я!.. Уловил?

Неторопливо складывая бритву, Пропп с недоброй усмешкой кивает:

— Уловил.

Барран стаскивает с левой руки перчатку и бросает легионеру. Тот возвращает ее назад.

— Я не левша, док.

Медик снова бросает ее ему.

— Приспособишься,— говорит он.

Теперь совершенно ясно, что оба смертельно ненавидят друг друга.

Пропп с лампой на лбу трудится над сейфом, заканчивая комбинацию. Безрезультатно. Он отмечает на счетах проверенную серию. Он без пиджака, вид у него усталый. Работает только левой рукой.

Барран сидит позади него, привалившись спиной к стене. Встрепенувшись, он открывает глаза. Похоже, он из последних сил борется со сном.

— Сколько там у нас? — спрашивает Барран.

— Около двух тысяч... Отоспался, док?

— Еще как!.. — потягиваясь, отвечает Барран.

— Врешь!

Барран встает и подходит к легионеру. Тот поднимает глаза.

— Так мы никогда не закончим... А если нужная окажется последняя?

— Она не последняя,— говорит Барран, направляясь к двери.— Я проверил.

Он выходит в коридор. Подойдя к автомату, он достает из кармана монеты. В стеклянной стенке аппарата видно его неясное отражение.

Внезапно его осеняет. Он принимает торопливо опускать в автомат монеты, одну за одной, вынимая каждый раз бутылку, бутерброд: опустошает автомат.

Барран в полутемном кабинете для медосмотра. Поспешно, но без шума он рассовывает бутылки

пива, кока-колы, бутерброды по ящикам металлического шкафчика, прикрывая сверху свои припасы палками. Потом, открыв одну из бутылок, возвращается к Проппу, на ходу отпивая из горлышка.

Легионер завершил очередную серию комбинаций, по-прежнему безрезультатно. Он возвращает все ручки на «ноль» и безропотно принимается за новую.

— Пить хочешь? — спрашивает Барран.

После некоторого молчания Пропп снимает с головы фонарь и поднимает на медика удивленные, недоверчивые глаза. Барран без слов вкладывает ему в правую руку пустую бутылку.

Легионер швыряет ее на пол, прыжком встает на ноги и устремляется в коридор. Он идет прямоком к автомату и с первого же взгляда убеждается, что тот пуст.

Вне себя от ярости он подходит к хранилищу и встает в дверях. Барран, надев фонарь на лоб, уже заступил на вахту у сейфа.

— Это ты напрасно, док! — с угрозой в голосе говорит Пропп.

— Я же сказал тебе: или ты, или я!

К Проппу возвращается хладнокровие. Пожав плечами, он идет в кабинет для медосмотра, оглядывается вокруг, смотрит вверх, на двойной потолок. Барран не мог спрятать продукты далеко.

Он подкатывает под плафон операционный стол и влезает на него. Когда он, выпрямившись, заглядывает поверх плафонов и убеждается, что там ничего нет, коридор внезапно заливают яркий свет.

В тот же миг он слышит, как открывается массивная дверь, ведущая в подzemелье. Барран в хранилище удивлен не меньше Проппа.

Он выскакивает в ярко освещенный коридор и первым делом смотрит на часы. На них всего 11.20, это не обход: ведь он производится ровно в полдень и в полночь. Тогда что же это значит?

Барран подбегает к электрощиту, включает рубильник, запирающий бронированную дверь, задвигает на место панно «Все вместе!». Уже слышны шаги охранников, приближающихся к белому кварталу.

Медик бесшумно бежит в кабинет для медосмотра. Пропп, который уже лежит на стеклянном плафоне, протягивает ему руку, помогая взобраться. Барран хватается за плафон и за эту руку и ложится плашмя, невидимый в полумраке, рядом с легионером.

По коридору, грохоча башмаками, идут охранники «708» и «112» с физиономиями роботов и с револьверами на правом бедре.

Они входят прямо в кабинет для медосмотра, освещаемый лишь светом из коридора. Они никуда не смотрят, не произносят ни слова. Просто берутся вдвоем за металлический шкафчик, куда Барран спрятал провизию, и уносят его.

Несколько минут спустя закрывается входная дверь в подzemелье. В коридорах снова лишь дежурное освещение. Пропп и Барран слезают с плафона каждый со своей стороны.

Медик тупо смотрит на то место, где только что стоял шкафчик. Он никак не может понять, что произошло. Случившееся кажется сверхъестественным: словно над ними глумится чья-то злая воля.

— Должно быть, этот шкафчик принесли сюда только на время медосмотра... — словно убеждая самого себя, говорит Барран.— Ну да, конечно!

По одному его виду Пропп сразу обо всем догадывается:

— Ты все закинул туда?.. Туда?!

— Откуда мне было знать? — кричит в ответ Барран.

Сразу им трудно оправиться от такого удара судьбы. Они выходят в коридор, в нерешительности останавливаются на пороге.

— Может, автоматы есть в других коридорах?.. — спрашивает Пропп в раздумье.

Барран не отвечает. Они смотрят друг на друга. Вновь всплывает их взаимное недоверие. Они принимают шагать бок о бок к концу коридора. Мимо афиши «Все вместе!» они проходят, не останавливаясь. Они идут все быстрее и быстрее.

Перед перекрестком Пропп вдруг обгоняет медика, бросается на пол и шустро проползает под глазами фотоэлементов, сворачивая в другой коридор. Поднявшись, он бегом устремляется по нему.

Барран поднырнул под фотодатчики долями секунды позже. Он встает и тоже бежит в противоположную сторону.

Каждый за себя.

Бумажный стаканчик во включенном автомате. Падает несколько капель кофе, и все. Автомат пуст, и его урчание затихает.

Его нашел Барран в красном квартале.

Медик не задерживается возле него. Он идет, проползает под фотоэлементами, снова идет, ища в лабиринте другой автомат.

Пропп углубился в зеленый квартал. Он тоже идет, ползет, идет из коридора в коридор.

Поглощенный поисками автомата, легионер не обращает внимания на электрические часы на стене, мимо которых он проходит. Они показывают ровно полдень. В тот же миг повсюду зажигаются светильники, грохочут входные двери: на этот раз действительно обход!

Пропп резко останавливается, словно наткнувшись на что-то, и оборачивается к часам. Он слышит, как по коридорам расходятся охранники: стук их тяжелых шагов разносится по подземелью. Он пускается бежать. Замечает, что производит слишком много шума. Разуваается. Бежит наудачу от приближающихся шагов.

Барран — он в желтом квартале — в таком же смятии. Туфли, которые он, связав за шнурки, повесил на шею, болтаются у него на груди. Он тоже дичь в этой охоте.

Охранники поступью неумолимой судьбы идут по коридорам, открывая двери, чтобы заглянуть в помещения.

У каждого в руке т-образный ключ; с его помощью они перед каждым перекрестком блокируют фотоэлектрическую сигнализацию, которую снова включают, миновав перекресток.

Пропп, как и Барран, вынужден нырять, ползти, сбивая темп бегства.

Вот легионер собирается свернуть в желтый коридор, но тотчас замирает, заметив возникшего в другом его конце охранника. Он ползет в противоположном направлении, встает и бежит по другой подземной галерее.

Барран в это время останавливается посреди одного из коридоров — на этот раз желтого, — переводя дыхание и прислушиваясь. Ему кажется, что шаги охранников приближаются к нему со всех сторон. Он возобновляет бег, сворачивает вправо, потом влево, останавливается, как вкопанный, в нескольких сантиметрах от фотоэлемента, бросается на пол.

На этом-то перекрестке, когда он ползет по-пластунски, как учили в армии, его и подстерегает самый тяжкий удар судьбы из всех испытанных им до сих пор: слева, совсем близко, к перекрестку подходит охранник. Барран замирает на полу, уверенный, что попался. Но нет, это легионер, который, как и он, ползет, задыхаясь!

— Это не напоминает тебе старые добрые времена, док? — часто дыша, говорит Пропп.

Медик поднимается на ноги, легионер тоже, и они идут рядом, прислушиваясь к звукам облавы. В конце коридора внезапно появляются двое охранников.

Пропп ныряет в левый коридор, Барран — в правый. Разбежавшись на несколько метров, они оборачиваются друг к другу. Им уже нельзя воссоединиться. У каждого во взгляде нечто наподобие сожаления, выражение солидарности, которое, похоже, удивляет обоих.

Шаги охранников становятся тяжелее, настойчивее, и преследуемые расстаются окончательно: каждый бесшумно бежит в свою сторону.

Освещение коридоров меняется на дежурное. Грохот дверей на выходах из подземелья. Тишина.

Пропп, обессиленный, выходит из какого-то кабинета, где он прятался. Он пускается в путь по желтому кварталу лабиринта, отыскивая дорогу. Негромко свистит, чтобы его услышал Барран.

Никто не отвечает. На границе между красным и белым кварталами Пропп наконец находит коридор, где располагается хранилище.

Барран уже там. Улыбающийся, спокойный, он ждет, стоя по другую сторону закрытой стеклянной двери. На сей раз уже он отрезал легионеру доступ к сейфу и держит его в плену.

Несколько секунд они глядят друг на друга сквозь стекло. Чувство общности, которое промелькнуло у обоих в миг опасности, улетучилось.

Пропп старается не выдать охватившую его злость. Он понимает, что в этом кону проиграл. Барран по ту сторону перегородки показывает на часы, затем пальцем рисует в воздухе окружность: теперь Проппу придется ждать полный оборот часовой стрелки до следующего обхода.

Медик заходит в хранилище. Пропп смотрит на него сквозь стекло и осознает, что тот будет перебирать комбинации в одиночку.

В два прыжка он оказывается у фотопанно «Все вместе!». Но тут он ничего не может поделать: щит закрыт, не подобраться. К тому же Барран все предусмотрел: с помощью своего черного чемодана он заблокировал бронированную дверь в открытом положении.

Медик, переступая через чемодан, оборачивается к Проппу. Теперь его черед с усмешкой торжественно войти в комнату с бетонными стенами, он начинает действовать быстрее, движения его торопливы: надо во что бы то ни стало открыть сейф раньше следующего обхода, когда, хочешь не хочешь, придется освободить легионера.

Барран за работой у сейфа. Он откладывает на счетах очередную испробованную серию комбинаций. Он изнурен, хочет спать, хочет пить, хочет есть. А сейф по-прежнему заперт; похоже, его никогда не открыть.

Он с беспокойством смотрит на наручные часы. Уже семь — то ли вечера, то ли утра, Барран уже не помнит. Он растягивается на полу, чтобы отдохнуть несколько минут. Закрывает глаза.

В белом коридоре, по другую сторону стеклянной двери, Пропп, устроившись у стены, заснул со столбиком монет в обертке из фольги в руке.

Во сне он разжимает руку, и столбик откатывается к стене.

Электрические часы в коридоре показывают 23.48: до обхода остается двенадцать минут.

В хранилище Барран, растянувшись во весь рост, продолжает спать. В коридоре, по другую сторону двери, Пропп тоже спит.

На часах 23.58. Щелчок: восьмерка превращается в девятку.

Внезапно Пропп пробуждается. Взгляд его первым делом устремляется на наручные часы. Запертый, он не может ни позвать, ни сделать что бы то ни было, все пропало. И все-таки он кричит, подняв голову:

— Барран!

А Барран тут как тут — улыбается по ту сторону стекла.

Медик поднимает собачку, открывает створку двери.

Пропп встает. Небрежной походкой пересекает бывшую границу, но перед Барраном вдруг останавливается и тычет ему пальцем в грудь:

— Ну погоди!.. Я с тобой расквитаться!

И уходит в кабинет для медосмотра.

Барран без особой суеты вытаскивает свой черный чемодан из дверного проема. Электропривод бесшумно закрывает освобожденную бронированную дверь.

Несколько минут спустя охранник номер 112, подобно роботу, ступает по белому коридору. Горят все светильники. Это полужонкий обход. Уже около тридцати часов Пропп и Барран заперты в подземном лабиринте.

Номер 112 открывает дверь в бывший кабинет мадемуазель Аустерлиц, заходит туда, осматривается.

В идущем из коридора свете он проходит через открытую внутреннюю дверь и входит в кабинет для медосмотра.

В тот же миг на пороге другой двери, из коридора, появляется номер 315 и объявляет:

— Мне надоело одному торчать в гараже. Надо бы позвонить пятьсот пятьдесят пятому домой, узнать, куда он делся.

— Послушай, чем меньше шуму, тем лучше, — говорит номер 112.

В это самое время неподалеку от входа в подземелье со стороны лифтов охранник номер 708 нажимает одну за одной кнопки на электроцисте, проверяя исправность оборудования. И вот в кабинете для медосмотра внезапно зажигается плафон. Над головами охранников 112 и 315, отчетливо видимые и совершенно беззащитные, на большом стеклянном плафоне лежат на животе Барран и Пропп. Достаточно одному из охранников поднять глаза, и они будут обнаружены. По счастью, прежде их внимание привлекает другая лампа, зажегшаяся на столе.

— Что это такое? — недоумевает номер 112.

В глазах Проппа и Баррана охранники, деформированные подсвеченным плафоном, который создает эффект лупы, похожи на пару уродливых насекомых. — Не знаю, — отвечает номер 315.

Внезапно плафон гаснет. Охранник номер 112 поднимает глаза к теперь уже непрозрачной стеклянной плите. Он пожимает плечами и вместе с напарником выходит из кабинета.

В хранилище, гораздо позже.

Чемодан Баррана блокирует открытую дверь. Пропп работает, изнемогая от усталости. Он снимает с головы фонарь, свет которого стал совсем тусклым, и передает сменяющему его медику.

— Пятая ручка начинает заедать, — предупреждает Пропп. — Аккуратней.

Он отходит в сторону и опирается о стену рукой — левой, в перчатке, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

Барран, стоя на полу на коленях, в полумраке, меняет в фонаре батареи.

— Сколько мы перебрали комбинаций? — спрашивает Барран.

— Три тысячи шестьсот пятьдесят.

Зажигается фонарь — снова ярко, как вначале.

Барран, повернув одну за одну семь ручек, набирает очередной номер: 1 861 805.

— На воле лопают гусиную печенку, устриц, индейку... мечтательно произносит Пропп. — Вот паскудство!.. А я должен был встретиться с одной девчонкой... В халате, с вышитым вот здесь пингином...

Он тыкает себе пальцем в грудь, около сердца, и, подражая забавной походке пингина, начинает семинить по комнате. Но Барран даже не смотрит в его сторону.

Только что, устанавливая предпоследнюю ручку на «ноль», он явственно слышал щелчок, словно что-то вошло в зацепление. Тем не менее маховик сейфа не поддается.

Барран лихорадочно устанавливает на «ноль» все ручки. Легионер, тоже слышавший щелчок, насторожившись, подходит ближе.

Барран набирает номер: 1 861 815.

На этот раз замок срабатывает. Можно повернуть маховик и открыть дверь сейфа.

Барран и Пропп перебрали уже столько комбинаций, что им не верится, что они наконец попали на нужную. Медик, сидя на корточках, оборачивается к легионеру. Замеров, они смотрят друг на друга.

— Ну что, давай! — ничего не выражающим голосом говорит Пропп.

Оба подаются вперед. И тут их взорам открывается нечто неслыханное, невообразимое: сейф пуст!

В первое мгновение медик не хочет верить своим глазам. Он выбрасывает правую руку вперед, ощупывает голые полки.

Пусто!

Ни папки, ни металлического ящичка, ни заваливающейся купюры: ничего!

Пропп, отодвинув компаньона, в свою очередь, удивляется, что это ему не снится.

Барран снимает с головы фонарь, переступает через чемодан, удерживающий бронированную дверь открытой, и устремляется в коридор. Легионер, бросившись за ним, догоняет его уже в кабинете для медосмотра, где тот начал собирать свои вещи.

— Что ты делаешь? — яростно кричит Пропп.

— Через несколько минут обход. Как только откроют двери, смываемся.

— Не раньше, чем ты скажешь мне, кто заграбастал денешки!

Разочарование взбесило обоих. Через кабинет они несколько мгновений смотрят друг на друга злыми глазами. Легионер стоит в дверях, в идущем из коридора желтоватом свете. И вот Барран неторопливо снимает с запястья часы и кладет их на операционный стол. Пропп следует его примеру.

Одни в подземелье, где им совершенно нечего делать, где они идиотским образом угодили в западню, они доводят идиотизм ситуации до конца: начинают драку.

Первым бьет Барран. Свингом в челюсть он отправляет Проппа на пол в коридор. Когда легионер пытается подняться, Барран уже на нем.

Силы у них примерно равны, и оба привычны к драке. Они колотятся друг друга почем зря, лица у обоих разбиты в кровь.

И вдруг Барран летит в открытое хранилище, Пропп кидается за ним, перепрыгивая через черный чемодан, в коридоре зажигаются все лампы и у обоих выходов из подземелья грохочут двери: обход! Поначалу деруцисья, нанося один другому удар за ударом, даже не замечают этого.

В конце белого квартала уже появились двое охранников: они приближаются, открывая кабинеты, выключая и снова включая за собой ключом фотоэлементы.

Легионер первым обнаруживает, что свет стал ярким.

— Смотри! — кричит Пропп.

Барран, не успев остановить свой удар, сбивает его с ног. С искаженным, разбитым лицом, задыхаясь, он поворачивается к открытой двери. Времени остается только-только, чтобы схватиться за чемодан и рвануть его к себе.

Тяжелая бронированная дверь бесшумно задвигается, запирая их в хранилище.

В коридоре охранники 112 и 708 проходят мимо панно «Все вместе!». Ничто не может вызвать их подозрений. Грузной, размеренной поступью роботов они удаляются по направлению к красному кварталу.

Четверть часа спустя, закончив обход, оба охранника присоединяются к третьему, номеру 627, который подкидает их у выхода из подземелья со стороны лифтов. Ни слова не говоря, они выходят из подземелья. Дверь за ними с грохотом закрывается. За дверью остались пустынные, холодные кварталы лабиринта. Теперь их населяет лишь тишина.

В белом коридоре зримо, драматичней стало присутствие застывшей безглазой толпы на панно «Все вместе!».

За тяжелой бронированной дверью заперты во мраке двое.

Освещение в коридоре переключается на дежурное. И тогда из-за бронированной двери начинает доноситься стук — приглушенный, почти неразличимый, жалкий.

Внутри хранилища.

Под оглушительный грохот Барран включает налобный фонарь, который лежит на полу. На потолок появляется большой неровный круг света.

Грохот производит Пропп — он как бешеный дубасит кулаками в несокрушимую стальную дверь.

— Уймись, вспопевай! — бросает Барран.

Пропп останавливается и озирается кругом, не в силах поверить в случившееся. Они заперты в бетонной коробке размерами четыре на четыре шага, с пустым сейфом в качестве утешения. Без воды, без пищи, без часов, а вскоре — когда истощатся батареи фонаря — и без света.

На обоих — следы прерванной драки: физиономии расквашены, рубашки изодраны, руки в крови.

Пропп раздражается безумным смехом. Барран не в силах этого вынести. Размахнувшись как следует, он влетает ему в челюсть ударом, от которого тот отлетает к стене и сползает на пол.

— Если б ты меня послушал, мы были бы уже снаружи! — кричит Барран.

Поднявшись на ноги, Пропп медленно, очень медленно — оба зверски устали — примеряется и возвращает Баррану удар. Тот, в свою очередь, летит к бетонной стене.

— А если б ты меня послушал, мы никогда не оказались бы здесь! — орет Пропп.

Барран встает и орет еще громче, с бешеной яростью:

— А где бы мы оказались? В тире с мишенями-неграми? Ты мне омерзитель! Все прохвосты твоей породы мне омерзительны! От тебя смердит!

И снова бросается на legionera. Пропп еще не совсем выдохся. Бетонная коробка, освещенная лучом фонаря, превращается в боксерский ринг, в арену гладиаторов, где двое мужчин поочередно бьют и падают, встают и бьют, шатаясь от усталости, но продолжая бессмысленную драку.

Позже. Свет фонаря потускнел. Взобравшись на чемадан, Барран уцепился обеими руками за край вентиляционного отверстия, чтобы посмотреть, нет ли возможности выбраться из западни. Но отверстие узко, бетонная стена толста, решетка прочна.

Медик с трудом соскакивает на пол. Пропп тем временем обнаружил на бетонной стене у двери заштукатуренную полосу. Бритвой он высребает в ней ложбинку.

— Что надумал? — спрашивает Барран.
— Одно я об электричестве знаю точно — что должны быть провода, — не отрываясь от работы, отвечает Пропп.

Оба растерзаны, окровавлены, но спокойны. Они делают минимум движений — прежде всего экономят силы, но еще и знают, что рано или поздно в закупоренной комнатке станет не хватать воздуха.

— Ни замка, ни ключа, ни окна, ни денег в сейфе, зато проводов тьма! — злобно бурчит себе под нос Пропп.

В этот миг лезвие его бритвы и в самом деле касается вмурованных в стену проводов.

Короткое замыкание. Сноп искр, и бритва летит к потолку, а Пропп, пораженный током, обрушивается на пол.

Барран бросается к нему, усаживает у стены, массирует ему плечи и затылок.

Наконец legioner открывает глаза и еле слышно бормочет:

— Дверь?

— Нет.

Оставив своего компаньона, медик садится у стены напротив.

Немного позже.

В комнатке — невыносимая жара. Фонарь освещает стены лишь до половины высоты, и воздух заметно оскудел. Оба узника сидят на прежних местах, только Барран снял изодранную рубашку. Legioner стаскивает свою. Руку, в которую ударило током, он прижимает к груди. Он оглядывает потолок, потом стены вокруг.

— Видно, я кондиционер вырубил, — замечает он.

— Что, что, а подгадить ты мастак, — беззлобно отзывается Барран.

Долгие секунды они молчат, истекая потом.

— Однажды в Индокитае я просидел восемнадцать часов в воронке, — задумчиво произносит Пропп. — Полной воды! — Помолчав, он добавляет: — Один...

Барран слушает его не шевелясь, лицо его в крови.

— Батарейки садятся, — замечает он.

Прошли часы.

В бетонной коробке свет стал еще тусклее, жара — нестерпимей. Сидя друг напротив друга, Барран и Пропп молчат. Медик подтаскивает к себе чемадан, открывает его и достает оттуда пачку акций Изабеллы. Рассматривает одну из акций в свете лежащего на полу фонаря.

— Они фальшивые? — спрашивает Пропп.

— Нет.

— Тогда они тухлые. Номера записаны в банке или что-нибудь в этом роде.

Барран резким движением подбрасывает пачку в воздух. Листы рассеиваются и, как птицы, порхают меж четырех стен.

— Ты целил на двести миллионов, док?

— Вот уж нет.

Пропп поднимается на ноги, всматривается в медика, пытается понять. Акции Изабеллы разлетелись по всей комнате и устилают пол вокруг них.

— Тогда почему ты здесь? — не унимается Пропп.

— Это целая история, папана. Меня нет здесь! Ей нужен был олух в этом подземелье, и я подрядился быть этим олухом... Я двойник, фантом.

— Но почему?

— Потому что есть вещи, которые человек должен сделать, — помолчав, отвечает Барран.

Пропп недоуменно хмыкает. В этот момент под бронированной дверью появляется яркая черта: коридоры лабиринта осветились.

Барран, вскочив на ноги, бросается к фонарю и включает его.

— Обход! — восклицает он.

В прорезанной светлой чертой комнате, где угадывается присутствие двоих, ненадолго воцаряется тишина. Потом вновь раздается голос Проппа, почти такой же громкий, как раньше, словно ему совершенно безразлично, что охранники близко:

— Сейчас полдень или полночь, док?

— Я уже сбился.

Спустя некоторое время яркая черта тускнеет. Барран включает фонарь. Они с Проппом неподвижно

сидят по обе стороны от бронированной двери, привалившись к бетонной стене.

— Если снаружи полночь, то все сейчас за столом, встречают рождество, — мечтательно произносит Пропп.

— Как ты там говорил? Гусиная печенка, устрицы, индейка... И девчонка в халате?

Пропп улыбается:

— С пингином на нем... И без ничего под ним...

Оба молча грезят об этой девчонке с пингином, хотя медик ее никогда не видел.

— Счастливого рождества, мосье Пропп, — дружелюбно, без всякой иронии говорит Барран.

— Merry Christmas, mister Barran!

Свет фонаря, слабющий, неверный, адская жара, жажда.

Пропп, сидя на полу, с блестящим от пота торсом, по одной швыряет в сторону открытого сейфа скопанные акции Изабеллы, монотонно повторяя при каждом броске:

— Я богат... Я богат... Я помещаю свой капитал...

Барран лежит на боку, прижавшись животом к стене. Припав ртом к бетону и раскинув руки, словно цепляясь за кого-то живого, он слизывает со стены капли сконденсировавшейся влаги.

— Скажи, док... Как мы выйдем отсюда во вторник утром?

— Ногами вперед.

— Сколько времени человек может продержаться без воды?

— Только не до утра вторника.

Свет фонаря мигает необычно долго. Оба смотрят на него внимательно, но с покорностью. Свет гаснет. В темноте раздается голос Проппа:

— Теперь, когда это уже не имеет значения, док... Почему в твоём револьвере не хватало одной пули?

Пляшущий свет внезапно освещает комнату. Это Барран поджег одну из акций Изабеллы. Медик протягивает этот импровизированный факел Проппу и готовит другие, тщательно свертывая листья.

После некоторого молчания, стоя на полу на коленях, он начинает рассказывать спокойным, непринужденным голосом, как если бы это признание и в самом деле уже не могло иметь значения:

— Его звали Моцарт, как композитора. Он был медик, как и я... Мы все делали сообща: сдавали экзамены, развлекались с девчонками, пьянствовали, дрались... У него были способности ко всему, ты даже представить себе не можешь... Особенно ко всяким проделкам... Вполне допускаю, что для остальных он был не подарок. Но зато какой парень!.. И потом, для меня он был... ну, в общем, как брат. Больше, чем брат...

Когда Барран рассказывает о Моцарте, у него даже голос совсем другой. Чувствуется, что он погружается в воспоминания, которые его терзают, и делает это с угрюмостью и полной искренностью.

Пропп слушает его, зажигая факел за факелом и бросая на пол догорающие обрывки, которые уже невозможно держать. Лица обоих освещены теперь движущимися огнями. Барран продолжает:

— ...Однажды ночью в Алжире, близ Сетифа, атаковали наш пункт первой помощи... Я принял Моцарта за одного из нападавших и выстрелил... Медик прижимает палец к середине лба. — Сюда!

Внезапно он встает на ноги, словно вырастает посреди бетонной коробки. Он весь лоснится от пота.

— Спустя час я отвез его труп на базу, в вертолете... Самое смешное, что за ту ночь меня наградили!.. — Потухшим голосом он добавляет: — Вот так оно было.

Он отворачивается к стене, на которой конденсируется влага, и водит по ней правой рукой, пытаясь обнаружить влажный островок.

— Кто друг, кто враг, не всегда различить, док... — глубокомысленно замечает Пропп. — А может, по сути дела, особой разницы и нету.

Он тоже встает, с факелом в руке. Когда он пересекает комнату, между стенами колыхается слой дыма. Legioner несколько раз машет факелом сквозь дым:

— Совсем как это, взгляни: и освещает, и убивает.

Он занимает место медика у стены, ища на ней конденсат.

— Так, значит, в Марселе девчонка ждала Моцарта? — уже другим тоном спрашивает Пропп.

— Да. Ей я не хотел о нем говорить.

— А он тебе про нее что-нибудь говорил?

Пока Пропп лижет стену, изгибаясь, чтобы дотянуться до влажных участков, медик поджигает очередную скрученную в фитиль акцию и отвечает:

— Он рассказывал мне про странное обещание, которое дал ей... Что-то вроде рождественского подарка...

Он умолкает.

— И что дальше?

— А ничего.

— Ты хочешь сказать, — недоверчиво спрашивает Пропп, — что вместо него вляпался в это тухлое дело?

Двое стоят лицом к лицу в неровном свете подожженных листов бумаги, и голоса их снова звучат агрессивно.

— Я не дешева! — с вызовом бросает Барран.

— Какая разница, раз он все равно на том свете?

— Он бы никогда не отрекся от меня, ни от живого, ни от мертвого! — кричит Барран. — И я не собираюсь от него отречься! А теперь заткнись, ты расходуешь кислород!

Клокоча от ярости, медик поворачивается, идет к стене и садится подле нее, не глядя на legionera.

Пропп тоже съехал на пол — изнуренный, измученный, но улыбающийся. С иронической покорностью он оглядывает стены, освещаемые факелом в руке Баррана, потом говорит:

— Чертов Моцарт!.. Но раз уж он был такой голова-стый, скажи, что бы он сделал сейчас, чтобы вытащить нас отсюда? Скажи, док!..

Барран поворачивается к нему, собираясь послать его куда подальше. Но слова сами застревают у него в горле, словно споткнувшись о вопрос legionera. На протяжении нескольких секунд в бетонной коробке почти зримо присутствует третий — Моцарт.

Пропп, естественно, не ждет от медика ответа на свой вопрос, но взгляд его вдруг останавливается на стене, к которой он прижимает правую руку. Legioner смотрит на ладонь: она совершенно суха.

Отнимает от перпендикулярной стены левую руку: она влажная от конденсата.

Пропп оглядывает другие стены и поспешно вскакивает.

— Посвети-ка мне, — говорит он.

Он стоит перед той частью стены, которую они с Барраном лизали, как звери. Барран поджигает новый листок. Пропп ощупывает стену сверху донизу.

Конденсация — теперь это отчетливо видно по блестящим мельчайшим капелек — происходит строго на полосу стены шириной около метра по всей ее высоте.

— Ну, что там у нас? — нетерпеливо спрашивает Барран.

— Там холод!

Медик стучит кулаком по бетону в разных местах. Сомнений нет: за прохладной влажной полосой — полость.

— Тут за стеной шахта! — кричит Барран.

И бросается к сейфу. Пока Пропп раскладывает на полу костерок из бумажки, он вынимает оттуда одну из тяжелых стальных полок. Возвращается к влажной полосе стены и принимается из всех оставшихся сил долбить в стену полкой. Грохот стоит такой, что того и гляди лопнут барабанные перепонки.

— You crazy! — орет Пропп.

— Сегодня нас спалят или во вторник, это все равно! — кричит в ответ Барран, не переставая лупить в стену. — Разница одна: сегодня — живыми!.. Давай-ка за дело!

В пляшущем свете горящих на полу акций Барран, тяжело и часто дыша, отходит в сторону и передает стальную полку legioneru. Тот занимает устойчивую позицию, расставив ноги, и начинает наносить весо-мые удары в то же место стены, куда бил его напар-ник.

Прошло время.

Барран стучит и стучит, но уже гораздо медленней. Его сменяет Пропп. Он тоже валится с ног от усталости и облизывает языком пересохшие губы. Теперь каждый из них держит в руках по полке. Словоно обезумевшие дровосеки с побитыми, покрытыми щетиной и бетонной пылью физиономиями.

Результат их усилий обескураживает: на стене наметилось что-то похожее на трещину, видны следы ударов, но кажется невероятным, чтобы ее можно было пробить.

Барран, по спине и груди которого струится пот, разгоняет рукой стоящий в комнате дым и говорит:

— Лучше долбить впотьмах! Иначе сдохнем от этого дыма!

Он принимается, в свою очередь, бить в стену стальной полкой, а Пропп ногой давит догорающие на полу обрывки.

Сколько часов они уже здесь?

Темнота, прорезаемая полоской яркого света под бронированной дверью. И вот этот свет гаснет. Барран устало произносит во тьме:

— Обход кончился, давай.

Медик поджигает скрученную в фитиль акцию. Он сидит у стены, которую они пытаются пробить. От места ударов по стене разбегаются уже несколько трещин.

Оказавшись, Пропп спит, растянувшись на полу. Барран берет свое орудие и, шатаясь, поднимается на ноги. Он наносит удар за ударом, в промежутках между ними собирая последние остатки сил. Legioner открывает глаза, тянется за своей стальной полкой и с усилием встает, опираясь о стену. Становится рядом с Барраном, и они начинают лупить в одно и то же место поочередно.

Факел на полу гаснет. В этот же миг бетон поддается: слышен грохот рушащейся стены.

Барран поджигает новый лист.

В стене зияет дыра, за которой — пустота. Судя по всему, воздухопровод. Барран и Пропп расширяют пролом, яростно отбивая по краям куски бетона.

Воздуховод, достаточно широкий, чтобы в него мог

¹ Счастливого рождества, мистер Барран (англ.). — Здесь и далее примечания переводчика.

¹ Ты с ума сошел! (англ.)

влезть человек, идет отвесно вверх. С факелом в руке Барран просовывается в него по пояс. Вверху, на уровне потолка, — загиб.

За все это время никто из двоих не проронил ни слова. Пропп все так же молча сторонится, пропуская напарника в трубу, потом сам втискивается туда наполовину и помогает ему вскарабкаться наверх.

Освещая загиб воздуховода танцующим в руке факелом, Барран подтягивается к нему на руках, помогая себе ногами. Наконец он взбирается на горизонтальный участок. Он ползет, задыхаясь, и его учащенное дыхание отдается в узкой трубе подобно хрипу кузнечных мехов.

Несколькими метрами дальше он обнаруживает на полу воздуховода металлическую пластинку, закрывающую отверстие, и вышибает ее. Отверстие выходит в одно из помещений подземелья на уровне потолка.

Похоже, это склад канцелярских принадлежностей с рядами стеллажей. Он освещен такой же желтоватой лампой, какие установлены в коридорах.

С первого же взгляда туда у Баррана перехватывает дух: прямо под ним между двумя рядами стеллажей на полу лежит человек — лицом к земле, неестественно скрюченный: мертвый. На нем черная униформа охранников СИНТЕКО. В спине — несколько зияющих кровавых дыр.

Полуголый Барран спрыгивает на пол рядом с трупом и приподнимает его голову за волосы. Мертвец холодный, окоченевший. Нет сомнения, что охранник умер много часов тому назад. Около него валяется транзисторный приемник размерами с пачку сигарет. Барран машинально включает и выключает его.

Выпрямляясь, медик невольно цепляется взглядом за початую бутылку виски, стоящую на стеллаже между стопками писчей бумаги. Хватает ее и жадно пьет из горлышка, не отрывая непонимающего взгляда от кошмарного видения — лежащего на полу у его ног охранника.

Стоя в белом коридоре, Барран опускает рубильник, отключающий питание от замка бронированной двери. Не закрыв панно «Все вместе!», он идет к хранилищу, неся в руке полупустую бутылку виски. Сдвигает бронированную дверь, открывая доступ в полное дыма помещение.

Пропп, смеясь и хлопая в ладоши, сидит на полу посреди бетонных обломков и сожженных акций. Он словно рехнулся от радости.

Барран протягивает ему бутылку. После нескольких жадных глотков легионер начинает ясно осознавать происходящее.

— Ну что, снова как в старое доброе время? — спрашивает Барран.

— Еще и лучше, док!

— Самое веселенькое у тебя впереди. Пошли, взглянешь, — говорит Барран, направляясь к двери.

Спотыкаясь от усталости, то и дело прикладываясь к бутылке, Пропп бредет за Барраном по коридору. Полуголые, покрытые потом и пылью, они входят на склад канцелярских принадлежностей. Пропп безмолвно замирает у трупа охранника.

Барран наклоняется над мертвецом и поворачивает его на бок. Это охранник номер 555 — тот самый, что стоял у застекленной кабины гаража в пятницу вечером, когда Барран выходил из СИНТЕКО на встречу с Изабеллой.

Медик рассматривает его раны — на груди и на спине, потом закрывает:

— Убит больше двух дней тому назад. Четыре пули сорок пятого калибра. — Поразмыслив, он добавляет: — Стрелять можно было только в пятницу вечером, в предпраздничном гвалте...

Он выпрямляется. Пропп подобрал с пола транзистор охранника.

— Когда все выходили, Изабелла оставалась в кафе. Значит, это сделала не она, — продолжает Барран.

— Тогда кто же?

— Спроси у него, — кивает Барран на мертвеца.

Медик выходит в белый коридор и направляется в кабинет для медосмотра. Пропп идет за ним следом, не расставаясь с бутылкой виски и с транзистором охранника 555 — он включил его и слушает, прижав к уху. Барран, остановившись перед электрическими часами, отбирает у него бутылку.

— Если сегодня вторник, то они откроют двери в восемь часов, — говорит он в перерыве между глотками.

— Сегодня вторник, — уверенно заявляет легионер.

— Кто тебе сказал?

Вместо ответа Пропп до отказа поворачивает ручку громкости приемника. Раздается голос диктора — он рассказывает слушателям, как прошло рождество. Оказывается, французы побили свой же рекорд: раскупили 2584 тысячи кукол.

Барран поворачивается к хранилищу:

— У нас есть три часа, чтобы стереть отпечатки пальцев.

Барран сидит на своем чемодане у выхода из подземелья со стороны гаража.

Поверх изодранной рубашки он надел пиджак, повязал галстук. Насколько это было возможно при покрывающей его лицо трехдневной щетине, он сумел при-

дать себе более или менее приличный вид. Неподвижный и молчаливый, он ждет, положив пальто на колени.

В другом конце лабиринта, у одного из лифтов, Пропп тоже ждет, когда откроются двери. Морщась, он скрежет щеки своей бритвой, без воды и без зеркала. Издалека, через все коридоры, до него доносится свист Баррана.

Он смотрит на наручные часы: ровно восемь. В ту самую секунду, когда он собирается свистнуть в ответ, во всем здании раздаются оглушительный звонок, уже звучавший здесь в пятницу вечером. Почти одновременно с грохотом открываются двери всех входов в подземелье.

Барран надел пальто. С чемоданом в руке он входит в гараж и тут останавливается как вкопанный: спиной к нему в стеклянной кабине стоит охранник номер 315. Согнувшись пополам, медик пробирается между машинами, оставленными на стоянке. Не спуская глаз с охранника, он незамеченным достигает выхода из гаража.

Перед ним — длинный крутой подъем на улицу, в конце которого освещенное солнцем отверстие. Держа в руке чемодан, Барран начинает восхождение.

Он преодолел уже треть подъема, когда впереди, на фоне выхода, внезапно зажигаются два ослепляющих огня фар — навстречу на полной скорости катит автомобиль. Сообразив, что этот снаряд нацелен в него, Барран падает на землю и откатывается к стене. Машина пронеслась в нескольких сантиметрах от него, не тормозя, и заезжает внутрь гаража.

Звонок, возвещающий о начале рабочего дня, по-прежнему звенит в здании.

Не оглядываясь, Барран подбирает чемодан и продолжает восхождение к свету дня. Когда он выходит на улицу, свет режет ему глаза. В этот день, 26 декабря, над Парижем по-летнему яркое солнце.

Посреди толпы служащих СИНТЕКО, спешащих на рабочие места, — некоторые оборачиваются ему вслед, — Барран широкими шагами удаляется от здания.

Примерно в то же самое время у дверей лифтов подземелья Пропп с нетерпением ждет, чтобы к нему спустилась кабина.

Наконец одна из дверей с гудением открывается.

Толчок в сердце: легионер оказывается нос к носу с охранником номер 112. Тот смотрит на него с безразличием, не замечая его смущения. Он явно принимает Проппа за служащего, который успел приехать на машине и оставить ее в гараже. Легионер входит в кабину, стараясь держаться естественно.

Все время, пока кабина идет вверх, охранник не сводит с него взгляда. Неожиданно его лицо оживает как-то подобием человечности.

— Хорошо провели уик-энд? — спрашивает номер 112.

Пропп с трудом сглатывает слюну.

— Потрясающе.

Полицейские сирены рвут холодный, пронизанный ярким светом воздух утра.

С подоконника квартиры Баррана шумно взлетает голубь. Внизу у тротуара останавливаются две полицейские машины и фурун. Полицейские в штатском прыгают на асфальт и устремляются в подъезд. Другие полицейские, в форме, образуют кордон, сдерживая стекающих отовсюду зевак.

Все это происходит очень быстро. На другой стороне улицы — Франц Пропп. Он только что появился здесь. Бессильный что-либо сделать, он стоит неподвижно и с тревогой наблюдает за развитием событий. Вот он снова поднимает глаза к окну Баррана. Потом, пятясь задом, медленно отходит.

В нескольких шагах позади него, на углу улицы, кто-то скрежет по стеклу. Легионер оборачивается: это Барран, жуя бутерброд, подает ему знак изнутри кафе.

Убедившись, что его заметили, медик тотчас уходит в глубь зала, к стойке. На лице Франца Проппа появляется его обычная ухмылка.

— Йеа-а-а! — вопит он.

Уборщица на коленях моет пол кафе тряпкой. Подняв голову, она видит Франца Проппа — тот входит вразвалку, держа руки в карманах помятого пиджака, и направляется к Баррану, облокотившемуся о стойку. Она вновь принимается за работу. В углу зала стоит наряженная рождественская елка.

Двое мужчин у стойки — единственные пока посетители. Держась как нельзя более естественно, они ведут негромкий разговор.

— Плохие новости разносятся быстро, док.

— Если б не это, они сцапали бы меня наверху, — говорит Барран, указывая на свой бутерброд с ветчиной.

Он разламывает бутерброд и протягивает половину легионеру.

Перед ним стакан и полбутылки вина. Он перегибается через стойку и достает еще один стакан — для Проппа.

Легионер жадно уминает бутерброд.

— Что собираешься делать? — спрашивает он.

— Разыщу Изабеллу.

Пропп в знак неодобрения качает головой. Оба смотрят сквозь витрину кафе на проезжающую мимо с воем сирены полицейскую машину.

— Через час вокзалы и аэропорты будут перекрыты. Айда со мной, док.

Не получив ответа, легионер запускает руку во внутренний карман пиджака, достает оттуда пачку купюр и, не считая, делит ее пополам.

— Нынче я при деньгах, продал одну куколку!.. Если тебе что-нибудь понадобится, приходи в больницу Валь-де-Грас, на восемнадцатый пост. Меня там уважают.

Он сует половину пачки Баррану в наружный карман пальто. Медик долго смотрит на него и наконец принимает решение.

— Слушай. Ты садишься на самолет в Марсель, я тоже. Встречаемся в пивнушке напротив лагеря Святой Марты.

Пропп согласно кивает, запихивая оставшиеся деньги назад в карман.

— И запомни, — продолжает Барран, — ты никогда не бывал в этом подземелье, и меня ты не знаешь.

— За меня не переживай, док.

— Да я не только за тебя. Если они узнают, что мы были вдвоем, схлопочем лет по десять... Ты умеешь держать слово?

— Нет.

— Тогда дай мне его.

Пропп прикрывает глаза в знак того, что дает слово. Потом, взяв со стойки свой стакан, он придвигает его к стакану Баррана — чокнуться.

Какое-то время они молча смотрят друг на друга. Наконец на лице легионера появляется улыбка. Серьезная, приветливая. И он говорит:

— Прощай, друг.

Часом позже все в то же солнечное утро.

Барран с черным чемоданом в руке входит в просторный аэровокзал Орли. Первое, что он замечает, окинув взглядом светливую толпу прилетевших и улетающих на другой край света, что Пропп уже тут.

Легионер стоит у автомата для продажи сигарет. Забирая свою пачку, он наблюдает за Барраном в зеркало автомата.

Легионер тотчас замечает в зеркале, что несколько человек в штатском медленно стекаются к его напарнику, стягивая вокруг него кольцо. Он быстро оборачивается. Полицейские в форме занимают места у выходов из аэровокзала.

Легионер не колеблется ни секунды. Он с размаху всаживает кулак в зеркало автомата и орет что-то, чтобы привлечь к себе внимание.

Реакция Баррана мгновенна. Не оборачиваясь, чтобы поглядеть, что творится сзади, он перемахивает через стойку «Эр Энтер», приземляется у ног двух всполошившихся стюардесс и стрелой мчится через багажное отделение.

Пропп тем временем бежит через весь зал, по пути хватая в охапку какую-то стюардессу и швыряет ее в полицейских, преграждающих ему дорогу. Насмерть перепуганная девушка истерично визжит, будоража весь аэровокзал. Повсюду раздаются пронзительные свистки.

Мчась по таможенному залу, Барран перепрыгивает через движущуюся ленту с зарегистрированным багажом. Там он оставляет среди прочих чемоданов свой.

Полицейские в штатском, потерявшие драгоценные секунды из-за устроенного Проппом переполоха, преследуют медика. Тот уже достигает открытой к солнечному свету двери, когда двое служащих аэропорта пытаются его задержать. Он пробивает себе между ними дорогу ударами кулаков — по одному левым, по другому правым — и выскакивает наружу.

В тот же момент Пропп левым и правым кулаками разделяется с двумя другими служащими, попытавшимися остановить его бегство в противоположном конце аэровокзала.

Легионер несется во весь дух, петляя, как слаломист, между машинами на стоянке. И тут он натывается на громадный кулачище, с треском обрушившийся ему промеж глаз.

Все вдруг становится зыбким перед глазами Проппа, рухнувшего оземь. В этом нереальном, совершенно беззвучном мире к нему склоняется здоровенный черноволосый детина в плаще, и постепенно восстанавливающийся слух доносит до него скрипучий, не сулящий ничего хорошего, голос.

— Старший инспектор Мелутис... Антуан-Пьер-Эмиль. Брось свою бритву!

И когда Пропп, оглушенный, но не покоренный, встает на колени, он видит, как навстречу ему снова летит громадный кулак. На этот раз — непроглядная тьма.

На другом конце стоянки Барран, оторвавшись от преследователей, в последнем, отчаянном броске плюхается на заднее сиденье крытого брезентом джипа.

Водитель, уже собравшийся было отъезжать, с недоумленным видом оборачивается.

— Трогай, сволочь! — задыхаясь, кричит Барран. Повторять дважды ему не приходится.

Через заднее стекло уносящегося джипа Барран видит, как от него удаляется удручающая картина: Франц Пропп, распростертый на асфальте стоянки посреди обступивших его полицейских.

Окончание следует.

Окончание.
Начало на 8-й стр.

вать! — тихо, но зло сказал старик. — Не надо меня агитировать за Советскую власть! Мы, Пыхи, из самых низов приходим, и власть Советская — это наше, кровное. Так что не надо, уважаемый товарищ из центра, так со мной разговаривать. Ежели кто не хочет советам нашим внимать — с ними что прикажете делать, а? По головке гладить? Я вот вам скажу как коммунист коммунисту: правильно Октябриня с лягушками, правильно. Я ее за одно только ругаю — не научилась лягушек убивать как следует.

— А вы не думаете, Василий Петрович, что ваша дочь воспитывает у ребят жестокость?

— Жестокость не абстрактное понятие! — взревел старик, и я поразился, какой он все-таки нервный, настроение меняется через каждую секунду. — Жестокость к врагу — это прекрасно! Если мы будем мягкотелыми — нас побьют! Сами знаете, сколько вокруг охотников нас побить! Ненависть к врагу — это тоже гуманизм, вот что я вам скажу, дорогой мой товарищ из центра.

Мне не хотелось ему отвечать, а тут еще Октябриня вошла с подносом.

Я ел недосоленный и недоперченный суп и чувствовал, как крепнет во мне желание поскорее уехать из этого паршивого городка. Пусть комиссия приезжает и разбирается — я свое дело сделал.

Сидя в этой комнате, пережевывая безвкусные котлеты и глядя на улыбающегося Сталина и мрачного Тургенева, я, наверное, впервые за долгие годы подумал о детях, о подрастающем, так сказать, поколении. Кто ж будет ориентировать ребятшек, приученных к готовым истинам, в этом мрачном Уктюке: женщина, режущая лягушек, директор школы, которому все наддело, кроме дисциплины, истеричный старик, глядящий на мир из собственной юности, как из окопа? Жалко, черт подери, что у нас с Лариской нет детей — уж своему пацану я сумел бы объяснить, что почему в этом мире.

— Октябриня — она, конечно, дело частное, — ворвался в мои мысли сухой голос старика. — Вы с ней решайте, как быть. Только я вам, как начальнику педагогическому, скажу: непорядок, когда умствующие хлюпки в стране растут. Непорядок! Говорим мы с ними слишком много, добрые чересчур.

— Когда ближайшая электричка? — спросил я.

Оказалось, менее чем через час.

Наскоро поблагодарив, я высочил из квартиры и зашагал к станции.

Меланхоличная природа Уктюка должна бы вроде успокаивать, но на самом деле дико бесила. В этом городе раздражало все — хотелось домой.

На перроне меня ждали ребята, стоявшие все той же коричнево-черной толпой.

Белобрысый парень, на этот раз уже более бодро, подошел ко мне.

— Мы это... Тут, в общем... Мы хотели... — залепетал он. — Короче, зря мы письмо написали... Мы просто обалдели ненадолго. Извините... Сами разберемся, а письмо — зря... ну, в общем... Мы, короче, хотели просить: скажите там, если можно, что все не подтвердилось.

На помощь подскочила бойкая востроносая девочка.

— Мы расписывались — написали вам письмо. Когда объявили ей бойкот, думали: Василий Петрович придет к нам. Вы Василия Петровича видели?

— Вы что, знаете его? — удивился я.

Ребята дружно рассмеялись.

— Он вам ничего не рассказывал? И Октябриня тоже, то есть Октябриня Васильевна? — Девчонка оживилась. — Василий Петрович — человек трудной судьбы. После войны, когда всех опять арестовывали, его тоже посадили. А потом простили. Как это называется?

— Реабилитировали, — пробасил кто-то, явно очень умный.

— Вот-вот. Но все равно к нему как-то не так относились. Ну, вы понимаете? А мы тогда красными следопытами были и узнали, что он полком командовал в гражданскую, как Гайдар. На сбор его пригласили. И всякое такое... Понимаете?

Признаться, я ничего не понимал. Наверное, это отражалось на моем лице. И тогда снова вступил в разговор белобрысый:

— Ну, мы... короче говоря... подружились с ним... Думали, придет... ну и это... поговорит как бы... Мы с Октябриной тоже... с Октябриной Васильевной то есть, тоже дружили. Ну да... А она тут лягушек зачем-то вскрывать начала. Жалко все-таки. И неприятно... Только мы сами здесь разберемся, ей-богу, сами разберемся.

— Как же они разберутся? — подумал я. — Как? Надо с ними поговорить, помочь, может быть, что-то объяснить, выслушать в конце концов.

Над Уктюком висело серое небо. Беспроглядное серое небо.

— Мы еще тут сказать хотели, — снова начала девочка.

Но подошла электричка, и я поспешно вошел в вагон.

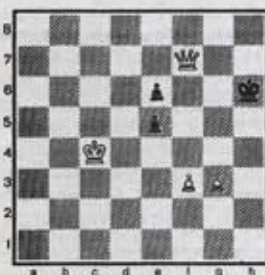

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

В. ПАХМАН
1946 г.

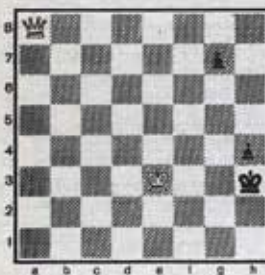
Мат в 4 хода

1. Крс3! — цугцванг. 1...Крg5 2. Фg7 + Крh5 3. Фf6 e4 4. g4x, 2...Крf5 3. Крд3 e4 + 4. fex, 1...e4 2. f4 e3 3. g4 e2 4. g5x, 2...e5 3. f5 Крg5 4. Фg6x.

Задача классического чешского стиля с правильными матами. Центральными являются два идентичных мата пешкой с полей разного цвета g4 и g5 — так называемые **хамелеонные эхоматы**.

Шестой тур

I

Белые: Кре3, Фа8 (2)
Черные: Крh3, пп. g7, h4 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

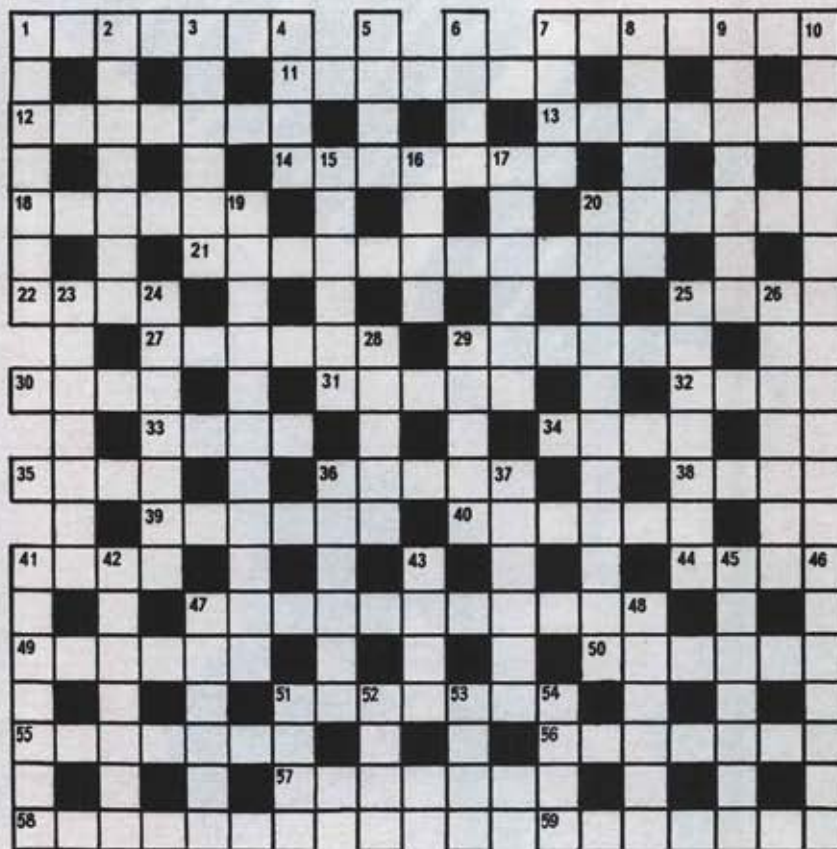
Белые: Кре1, Фb5, пп. c7, d7, e3 (5)
Черные: Кра7, Фf8 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. VI тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 июля.

K

КРОССВОРД

Составил В. Серебряков. Магнитогорск

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Продукт из лепестков розы. 7. Человек, добывавший в старину мед лесных пчел. 11. Восстание французских крестьян в XIV веке, освободившее их в конце концов от личной зависимости. 12. Трава, одно из летних лакомств лося. 13. Работа, когда отдышаться некогда. 14. Гуцульская овчинная безрукавка. 18. Опера, которую П. Чайковский, по его свидетельству, написал с большим трудом. 20. Крупная пристань на Волхове. 21. Процесс образования минералов в недрах вулканов. 22. Река, впадающая в озеро Тенгиз. 25. Круг событий в основе художественного произведения. 27. Кратко выраженная идея, принцип. 29. Близкий морской родственник слона. 30. «Скрываться рада я в пустыне с тобою, ... души моей» (черкешенка — герою в поэме А. Пушкина «Кавказский пленник»). 31. Город в Афганистане, который в старину купцы называли «ключом к Индии». 32. Восточный «тянущий грильяж». 33. Высокие калоши. 34.

Зимнее покрывало. 35. Дом, где останавливались Артур и Монтанелли, путешествуя в Альпах (Э. Войнич «Овод»). 36. Наказание за нарушение правил дорожного движения. 38. Одна из немногих чисто речных рыб. 39. Художник, без которого трудно представить галерею Уффици. 40. Римский морской бог с эпитетом «конный». 41. Французский изобретатель, в честь которого названа единица скорости телеграфирования. 44. Потеря гончей следа во время преследования зверя. 47. Выращивание растений без почвы. 49. Старинная рукопись. 50. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (чеховский персонаж). 51. Барс, леопард или... 55. Пьеса М. Горького. 56. Канал или поток в оросительной системе. 57. Ученый, создавший первую физическую школу в России. 58. Информация о товарах и видах услуг. 59. Отделение айсберга от ледника.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Главное, ради чего мы едим овощи и фрукты. 2. Контролер. 3. Советский певец, драматический тенор. 4. Старое русское название утюжона. 5. Горное плато на Аляске. 6. Молодая овца. 7. Плотная хлопчатобумажная ткань. 8. Повторный удар в фехтовании. 9. Восточный курительный прибор, упомянутый в рассказе А. Куприна «Гамбринус». 10. Деталь аккордеона или пианино. 15. Писатель, чья «История Нью-Йорка» напояла В. Скотту то Свифта, то Стерна. 16. Лестница на корабле. 17. Обсидиан, пемза, пехштейн (общее название). 19. Свойство селена пропускать переменный ток лишь в одном направлении. 20. Детище Н. Винера. 23. Один из японских художников, у которого учились импрессионисты. 24. Степень отражательной способности поверхности. 25. Тригонометри-

ческая функция. 26. Машина в системе зажигания двигателя. 28. Район города для лишенных полноправия жителей. 29. Рыба, хорошо клюющая во время грозы. 36. Деталь фотоаппарата. 37. Немецкий физик, психолог, писатель-сатирик. Основатель психофизики. 41. Богатырь по-восточному. 42. Удачливый герой в русских сказках. 43. Единственное, что дает достоверные знания. 45. Мощный колесный трактор. 46. Курорт в Крыму, где в 1925 году был открыт первый в мире санаторий для крестьян. 47. Река на северо-востоке Магаданской области. 48. Жидкость для чистки солдатских пуговиц. 51. Две руки, во все брюхо зубки (русская загадка). 52. Все светила в сборе (место). 53. Передвижение. 54. Кличка собаки в сказке К. Чуковского «Доктор Айболит».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

3. Особь. 8. Данте. 11. Товар. 12. Планерист. 13. Бучма. 16. ...поэма... 18. Непредсказуемость. 19. Ствол. 20. Жиряк. 23. Дьюар. 24. Ватикан. 25. Грач. 27. Шаль. 28. Исиномаки. 29. ...Змей... 31. ...клец. 34. Домовой. 37. ...Антей. 38. Венет. 39. Гряды. 42. Хемоллюминесценция. 46. Порок. 47. Центр. 48. Полициано. 49. Юдифь... 50. Химия. 51. Фазан.

По вертикали:

1. Табун. 2. Штамп. 4. Санскрит. 5. Березняк. 6. Лотос. 7. Заумь. 9. Кладь. 10. Успех. 14. Чертог. 15. Арроба. 16. Польша. 17. Этуаль. 20. Жариков. 21. Ригодон. 22. Кашалот. 26. Чий. 27. Шик. 29. Зингер. 30. «Еретик». 32. Лоренц. 33. Щедрин. 35. Медицина. 36. Вечерина. 40. Дюпон. 41. Сцена. 42. Хорда. 43. Морфи. 44. Цезий. 45. Ятчик.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1486) АПРЕЛЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНОШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник

Юрий АФОНИН

Технический редактор

Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 03.03.89.

Подписано к печати 17.03.89.

А 00253. Формат 70 × 108^{1/8}.

Бумага для глубокой печати.

Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.

Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.

Тираж 2 500 000 экз.

Заказ № 302.

Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивных,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Интересно, может ли, скажем, дефицит колбасы стать источником вдохновения для лиры поэта, музыканта, чтобы совершилось таинство творчества — родилась песня? Андрей Лукьянов — руководитель и со-

ВЫЖИТЬ

ВЫЖИТЬ

лист группы «Окно» — уверен, что может. Ну, а как же доброе, вечное? А ничего страшного, пусть песня сиюминутна, но пусть она бьет не в бровь, а в глаз. Как газетная передовица... И нет большей радости для этих музыкантов, когда тема песни отмирает, значит, сделан еще один шаг или шагик к светлому будущему, значит, не зря испытывали музыканты муки творчества...

И все бы слава богу, но одолевают сомнения: уж больно много сейчас смеленьких разоблачителей, отваженьких героев, не конъюнктура ли все это?.. А где же они раньше были? Лукьянов и группа «Окно» отвечают: «Я не спекулирую на теме, я не спекулирую на боли, я просто не хочу быть с теми, кто спокоен, уверен, доволен» — вот кредо группы. А долго ли можно творить в этом ключе? Музыканты считают, что, конечно, нет: «С наступлением коммунизма группа прекратит свое существование».

А возникла она совсем недавно — в порывах прошлогодних ветров. И вот меньше чем за год сумела вклиниться в плотные ряды групп последнего поколения. Но музыканты из «Окна» немолоды; основной костяк старые рокеры: Михаил Соколов (ударник) начинал еще с «Машины времени» и «Удачным приобретением»; Юрий Иванов (гитара) работал со «Скоморохами»; Владимир Околыздаев сотрудничал с «Цветами»... Из молодых, но очень «подающих», отметим Георгия Малышевского (бас-гитара). Не последнюю роль играет и директор группы Эдуард Львов. Ну, а виновник торжества (ибо по его инициативе возник этот коллектив) Андрей Лукьянов дебютировал на сцене только в 1988 году, хотя раньше много работал с рокерами как поэт. Его перу принадлежат тексты практически всего первого альбома «Альфы» Сергея Сарычева. Помните, «Я сделан из такого вещества...», «Шторм», «Театр»?.. Писал стихи для Преснякова, Глызина, группы «Аракс», а в прошлом году вместе с Владимиром Кузьминым удостоился звания лауреата Всесоюзного конкурса «Песня-88» с боввиком «Капитан»...

Но вот вдруг зашел — и не может остановиться. Хотя глагол «зашел» плохо отражает суть творчества Андрея Лукьянова, скорее заговорил, задекларировал, заплясал... Да и вообще трудно сказать, что за музыку играет «Окно». Да и музыка ли это? Наверное, «Окно» где-то в нейтральных водах между жанрами... Скажем, шлягер группы «Иван Ильич — участник перестройки» вообрал в себя и элементы площадного театра, и деревенских частушек, и балагана, и сатирических куплетов. Отсюда, думается, и успех... (Приоткроем творческие планы: сейчас полным ходом идет работа над песней «Иван Ильич II».)

Публицистичность песен «Окна» налицо, и, видимо, ее истоки нужно искать, помимо всего прочего, еще и в том, что Андрей Лукьянов шесть лет проработал в «Советской культуре» журналистом... Но вот захотел уйти в рокеры во имя свободы самовыражения, потому что «...нет над тобой ни зав. отделом, ни ответственного секретаря, ни редактора с замами, которые все правят, правят, правят. А тут песня льется свободной рекой».

И, знаете, я его очень понимаю...

Алексей ТРОПИН

Фото Евгения МАТВЕЕВА